МЕЖВУЗОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

ВЫСШАЯ ШКОЛА:
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Межвузовский международный конгресс

ВЫСШАЯ ШКОЛА: НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Том 2

Москва, 2026

ББК 65

В42

Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 11 июня 2026 г.). Том 2. / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 134 с.

В42

DOI 10.34660/INF.2026.95.74.104

Сборник составлен по итогам работы Межвузовского научного конгресса. Включает в себя доклады российских и зарубежных представителей высшей научной школы, в которых рассматриваются современные научные тенденции, новые научные и прикладные решения в различных областях науки, практика применения результатов научных разработок. Служит инструментом обмена опыта научных работников, апробации исследований путем их публичного обсуждения.

Предназначено для научных работников, профессорско-преподавательского состава, соискателей ученой степени и студентов вузов.

Все статьи, представленные в сборнике, проходят процедуру рецензирования. Рецензирование осуществляется членами редакционной коллегии и приглашенными экспертами по соответствующим научным направлениям.

ББК 65

© Издательство Инфинити, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Феномен «либертарианского патернализма»: к критике методологических основ поведенческой экономики
Идрисов Шамиль Агаевич. 7

Проблемы внедрения цифровых инструментов в розничной онлайн-торговле и механизмы их устранения
Григорьев Вячеслав Романович 17

Теория стоимости через призму Новой политэкономии
Григорьев Алексей Николаевич 27

Модель управления цифровыми платформами в бизнес-школах Китая и их роль в развитии корпоративного партнерства
Тлешбаева Райгуль Блисбековна 33

Оптимизация логистических процессов на складе
Самойлюк Андрей Игоревич, Ибрагимхалилова Татьяна Владимировна . . 41

Внешние и внутренние угрозы финансовой безопасности банковского сектора
Ермолов Кирилл Витальевич 47

Финансовая грамотность в современных условиях: ключевые проблемы и вызовы
Щупаковская Екатерина Алексеевна 56

Современные подходы к цифровизации учетных процессов: модель учета имущества
Беленкова Карина Андреевна, Дудинская Татьяна Константиновна 61

Углублённая аналитика азиатских рынков для поставок продукции российского ЛПК
Такваров Тарас Яковлевич 65

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Государственная молодежная политика Республики Таджикистан в условиях современных социальных трансформаций: проблемы и перспективы развития
Абдусаломзода Мунаввара Алиакбар. 70

Стратегическое сотрудничество между Мьянмой и Россией в политическом контексте после 2021 года: возможности и ограничения
Мун Шайн Аунг, Кхант Ньи Зо, Чжо Паинг *80*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Криминалистическое мышление будущего юриста: как формировать в условиях цифровой трансформации
Волохова Ольга Викторовна *86*

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации и международное право: точки соприкосновения в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности
Горобец Виталий Андреевич *92*

Криминалистическое обеспечение выявления и нейтрализации подлога документов как способа совершения мошенничества в сфере трудовых правоотношений (по материалам Республики Беларусь)
Струщенко Игорь Олегович. *97*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Преимущества и недостатки 12-шаговых программ для взрослых детей из алкогольных и дисфункциональных семей
Пронер Светлана Сергеевна *103*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вопросы самообразования учащейся молодежи в психолого-педагогических исследованиях
Гафори Махбуба Гафор, Султонзода Бехзод Султони *109*

Педагогическая модель интеграции игровых технологий в процесс обучения программированию учащихся 7–9 классов
Еремина Ирина Ильинична. *114*

Практическое использование инновационных подходов и технологий в педагогике в сфере культуры и искусства и в процессе обучения иностранного языка
Итерман Лилия Николаевна. *124*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Digital eco-mediadiscourse of the Forestry Agency of Uzbekistan: linguo-pragmatic and syntactic transformations
Djuraeva Dilnoza Fazliddinovna *129*

DOI 10.34660/INF.2026.92.81.070

ФЕНОМЕН «ЛИБЕРТАРИАНСКОГО ПАТЕРНАЛИЗМА»: К КРИТИКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Идрисов Шамиль Агаевич
кандидат экономических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Аннотация. *В данной обзорной статье автор не ставит целью поддержку теории, лишённой методологии. Поведенческая экономика, по его убеждению, есть попытка закрепиться в научном пространстве, примкнув к разнородным группам учёных, которые пытаются обновить старое, запутанное и уходящее в субъективно-психологический дрейф знание. Удивляет отсутствие конкретной методологии: эти течения опираются на фрагментарные и лишь частично совпадающие смысловые конструкции о выборе и предпочтениях «экономического человека». Если же учесть, что свободный выбор потребителя вовсе не свободен в силу навязываемого патернализма, то перед нами очередной «капкан», который уже не первое десятилетие успешно реализуется средствами клиентоориентированного маркетинга, маркетинга взаимодействия и ультрасовременными концепциями вплоть до цифровой зависимости в экоплатформенных системах.*

Никакие новые внутренние побудительные мотивы и декларации школ «человеческих отношений», «либертарианского патернализма» в обновлённом «бихевиоризме» не смогут без чипирования и стандартизации восприятия человека решить вопросы «объективного» и желанного поведения субъекта в современной рыночной экономике с её идеологией господства капитала над человеком. В «поведенческой экономике» сохраняются существенные расхождения с реальной экономикой: она объясняет не закономерности, а нечто похожее через понятия «ограниченная рациональность», «ментальная бухгалтерия», «эффект владения», «чувство справедливости» (Р. Талер, Нобелевская премия 2017 г.). Ранее (2002 г.) Нобелевскую премию вручили и Даниэль Канеман «за интегрирование идей психологических исследований в экономическую науку, особенно при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости». Но более всего поражает заумное

накручивание субъективной психологии в экономику – «феномены» неприятия потерь, эффекта изоляции и нелинейного восприятия вероятностей. Нобелевские лауреаты в области поведенческих и субъективно-психологических трюков не останавливаются. Признание подобного бреда в объективной экономике ставит под сомнение компетентность их школ как экономических, а Нобелевского комитета – как объективного института, поощряющего замещение и/или в дополнение блуждающие теории между дисциплинами, принимая их за конгломератовые (объединённые) науки

Ключевые слова: *поведенческая экономика, либертарианский патернализм, подталкивание, методологическая критика, капитал, маркетинг.*

Abstract. *In this review article, the author does not aim to support a theory lacking methodology. Behavioral economics, in his view, is an attempt to gain a foothold in the scientific space by joining heterogeneous groups of scholars who seek to renew old, confused knowledge drifting into subjective psychological speculation. The absence of a concrete methodology is striking: these currents rely on fragmentary and only partially overlapping meaningful constructs about the choice and preferences of "economic man". Given that consumer free choice is not actually free due to imposed paternalism, we face another "trap" that has been successfully implemented for decades by customer-oriented marketing, interaction marketing, and ultra-modern concepts up to digital dependence in eco-platform systems.*

No new internal motives or declarations of the schools of "human relations" or "libertarian paternalism" in the renewed "behaviourism" can, without chipping and standardisation of human perception, solve the issues of objective behaviour of the subject in the modern market economy with its ideology of capital domination over man. Behavioral economics retains significant discrepancies with the real economy: it explains not laws but something similar through concepts of "bounded rationality", "mental accounting", "endowment effect", "sense of fairness" (R. Thaler, Nobel Prize 2017). Earlier (2002) the Nobel Prize was awarded "for integrating insights from psychological research into economic science, especially concerning judgment and decision-making under uncertainty". But most striking is the abstruse layering of subjective psychology onto economics – "phenomena" such as loss aversion, isolation effect, and non-linear probability weighting. Nobel laureates in behavioural and subjectivistpsychological tricks do not stop there. Recognising such nonsense in objective economics calls into question the competence of the relevant schools as economic schools, and of the Nobel Committee as an objective institution that encourages wandering interdisciplinary conglomerates instead of rigorous science.

Keywords: *behavioural economics, libertarian paternalism, nudge, methodological critique, capital, marketing.*

Введение

В последние десятилетия поведенческая экономика (behavioral economics) превратилась из маргинального направления в один из самых влиятельных и публично признанных сегментов экономической науки. Нобелевские премии Д. Канемана (2002), Р. Талера (2017) и активное внедрение концепции «подталкивания» в государственную политику стран Запада создали впечатление о новой парадигме, способной преодолеть ограниченность неоклассического мейнстрима. Однако за внешним успехом скрываются глубокие методологические проблемы, требующие критического анализа.

Интерес к исследованию человеческого поведения, мотивов принятия решений и природы власти имеет давнюю философскую традицию. Ещё в 1651 году английский философ Томас Гоббс в своём знаменитом труде «Левиафан» предпринял попытку осмыслить мотивы человеческого поведения, сформулировав фундаментальное наблюдение: «Я ставлю всеобщей склонностью всего человечества вечное и беспрестанное желание всё новой и новой власти, которое прекращается лишь со смертью» [2]. Позднее, в конце XVIII века, Иеремия Бентам в книге «Введение в принципы морали и законодательства» (1789) заложил основы утилитаризма, рассматривая стремление человека к удовольствию и избегание боли как главные мотивы поведения [1]. К исследованиям проблем мотивации в русле классической политической экономии обращался в XIX веке и Джеймс Милль.

В XX столетии поведенческие концепции начали активно внедряться в экономический анализ. Школа «человеческих отношений», возникшая после Великой депрессии 1929–1933 гг., продемонстрировала, что односторонний технократический подход к повышению производительности труда и методы Ф. Тейлора по отношению к работникам уже не оправдывают себя. Потребовались новые внутренние побудительные мотивы работника в комплексе с устоявшимися материальными и моральными стимулами[1], что вызвало интерес к учёту человеческих отношений в производственной среде.

В послевоенные годы 1946–1950 гг. в рамках этой школы оформилась поведенческая концепция (бихевиоризм). Основными сторонниками нового подхода, призванного повышать эффективность организации за счёт её человеческих ресурсов, стали Крис Арджирис, Ренсис Лайкерт, Дуглас МакГрегор и Фредерик Герцберг. Главный постулат бихевиоризма заключается

[1] Агаева А. Ш., Идрисов Ш. А. Менеджмент: Учебное пособие для СПО.– Махачкала. Издательство: «ФОРМАТ».– 2020 г.– 281 с. (С. 14)

в том, что правильное применение науки о поведении всегда будет способствовать повышению эффективности труда работника и организации[1]. (Автор настоящей статьи читал эти вопросы в рамках своего курса по менеджменту, который он преподавал с 1993 года как спецкурс для выпускников экономического факультета ЛГУ по решению кафедры экономической теории и экономической политики, возглавлявшейся профессором Н. Д. Колесовым.)

В этой статье мы ставим своей целью не просто описание поведенческой экономики, а критическое исследование её теоретических оснований, прежде всего центральной нормативной идеи – «либертарианского патернализма» Р. Талера и К. Санстейна [10]. Автор исходит из предпосылки, что за претензией на «реалистичность» модели человека скрывается редукция объективных экономических законов к субъективным когнитивным искажениям, а предлагаемые «мягкие» методы управления выбором обслуживают не столько общественное благо, сколько интересы крупного капитала, нуждающегося в технологиях управляемого потребления.

1. Генезис и теоретические истоки поведенческой экономики

Поведенческая экономика возникает как реакция на абстрактную модель *homo economicus* – абсолютно рационального индивида, обладающего полной информацией и способного к безошибочной оптимизации полезности. Экспериментальные работы Д. Канемана и А. Тверски показали, что реальные люди систематически отклоняются от этой модели, демонстрируя «ограниченную рациональность» (термин, введённый Г. Саймоном).

В своей основополагающей работе «Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk» (1979), опубликованной в журнале *Econometrica*, Канеман и Тверски представили альтернативу классической теории ожидаемой полезности [14]. Ключевые элементы предложенной ими теоретической рамки включают:

- **Теория перспектив:** люди оценивают потери как более значимые, чем выигрыши (асимметрия – *loss aversion*), и их решения зависят от точки отсчёта.
- **Эвристики и когнитивные искажения:** эвристика доступности (оценка вероятности по лёгкости воспоминания примеров), репрезентативности (игнорирование базовых частот) и эффект привязки (влияние первого числа на последующие оценки).
- **Фрейминг-эффект:** способ подачи информации («рамка») влияет на выбор, даже если объективно альтернативы эквивалентны.

На основе этих идей Р. Талер и К. Санстейн в своей книге «Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness» (2008) предложили концепцию «либертарианского патернализма»: государство или частные институты могут «подталкивать» людей к оптимальным решениям, сохраняя при этом

[1] Там же. С. 16.

формальную свободу выбора (Kahneman, D., Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. No 2. P. 263–291)[14].

Дэвид Гордон в рецензии на книгу Талера и Санстейна указывает, что «Не все случаи применения силы по отношению к людям влекут за собой для них существенные издержки. По определению Талера и Санстейна, «подталкивание – это любой аспект архитектуры выбора, который предсказуемо меняет поведение людей, не запрещая никаких альтернатив и не меняя существенно их экономические стимулы»» [3]. Инструментарий – изменение «архитектуры выбора» (*choice architecture*) без запретов и принуждения. Авторы используют преднамеренный оксюморон «либертарианский патернализм», стремясь сохранить видимость индивидуальной свободы, одновременно предлагая способы управления выбором граждан.

Авторы намеренно используют стилистический трюк для усиления внимания читателя, т. е. такое намеренное сочетание противоположных по значению слов (оксюморон) «либеральное отцовство», чтобы поддерживать видимость индивидуальной свободы и в то же время предлагать способы управления выборами граждан. Зачем это нужно, вот в чём вопрос и кто в этом заинтересован, если не правящая элита. Обман на обмане, апологетика существующего капиталистического режима на каждом шагу. Во всём создаётся видимость заботы государства о человеке, а на самом деле государство, как и частный капитал, заинтересованы в доходах и их постоянном и устойчивом росте. Частный бизнес всё время заботится о приумножении капитала через традиционные механизмы (диверсификация, кооперация, концентрация) сдержанным и планомерным внедрением современных технологий, не спеша, пока не достигнуты критические точки для введения ускоренной амортизации, так как давит моральное устаревание основных средств. А введение цифровых технологий и цифровых платформ ведёт всех приобщённых с разным уровнем вхождения к цифровому феодализму, и при этом крупные монополии, не слезая с идеи создания искусственного дефицита ресурсов, товарно-материальных ценностей и интеллектуальной собственности, регулируют спрос и свои плановые доходы. Ошибочно считать, что монополии развиваются по некой навигационной «дорожной карте», нет, они используют планомерное снятие и внедрение новых товаров и услуг. Правда, теперь это в руках отделов маркетинга и продаж, определяющих, где и когда делать демаркетинг товаров/услуг, а где массированно «атаковать», применяя весь рекламно-маркетинговый арсенал продвижения и продажи новых товаров и модификаций их. Вот где наиболее заметно используются инструментарии и методы маркетинга и маркетингового менеджмента, которые более действенны сами по себе как практические науки, лежащие в основе поведенческой экономики.

Однако уже на этом этапе возникает принципиальный методологический вопрос: могут ли отдельные, лабораторно фиксируемые эффекты служить основанием для широких социально-экономических рекомендаций? Не подменяется ли анализ объективных закономерностей описанием частных, психологически обусловленных отклонений?

2. Методологическая критика «поведенческой экономики»: редукционизм и отсутствие общей теории

2.1. Редукция к субъективизму

Поведенческая экономика, фокусируясь на когнитивных искажениях индивида, фактически отказывается от анализа объективных экономических законов (стоимости, прибавочной стоимости, цикличности воспроизводства, всеобщего закона возвышения потребностей, закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, закона перераспределения и др.). Тем самым она наследует пороки маржинализма и неоклассики: предельные величины, субъективные ожидания и «маргинальные» подходы заменяют исследование внутренних противоречий капиталистической системы.

Как справедливо отмечает А. П. Колядин, «поведенческая экономика не обладает собственной общей теорией, её предметная область размыта, а практические рекомендации носят ситуативный, а не системный характер» [8, с. 112–119]. Об этом отмечают и сами западные критики поведенческой экономики. Исследования Лиги Пучет систематизировали критику поведенческой экономики, выделив следующие методологические трюки:

1. Противоречивые и неразвитые идеи, включая необоснованные и сомнительные «положения» о якобы самодостаточности рыночной самодисциплины.

2. Частные случаи не обладают доказательностью для общих выводов, им не хватает убедительности.

3. Отсутствие этики и недостатки в применении теории «подталкивания» на практике.

Это не столько сомнительная новая парадигма, сколько набор эвристических приёмов, упакованных в наукообразную форму с помощью психологии поведения индивида, а при возможности – математизации и графических иллюстраций. Ряд исследователей также указывает на то, что со временем поведенческая экономика подвергается всё более глубокой критике с методологических позиций, включая анализ проблем заимствования метафор и методов доказательности из других областей знания.

2.2. «Либертарианский патернализм» как идеологическая конструкция

«Либертарианский патернализм» – это такое же контрастное сочетание противоречивых понятий, которые, объединяясь, создают новое смысловое качество, как «красивый до безобразия», «горькая радость», «звонкая

тишина» и прочие оксюмороны. «Изобретатели» новых течений, пытающиеся что-то новое сказать в науке, шарахаются в разные сферы и области человеческой деятельности в поисках новых понятий для объяснения своих догадок и предположений.

Поэтому мы можем уверенно обозначить своё мнение: название концепции содержит внутреннее противоречие: «либертарианство» предполагает невмешательство, а «патернализм» – опеку. Талер и Санстейн пытаются снять его указанием на «сохранение свободы выбора» (возможность отказаться) [10]. Однако критики показывают, что на практике архитектура выбора всегда конструируется «толкающим» агентом, который заранее определяет, что «хорошо», а что «плохо». Формальное право выбора не отменяет манипулятивного потенциала. «Вы, мол, трудящиеся свободны в своём выборе, о вас заботится государство», но вы, пожалуйста, не забудьте, что цена вашего труда предопределена на бирже, и эксплуатацию этого специфического товара – труд никто не может отменить, ибо на рынке нет другого такого специфического товара, который своими свойствами гарантирует прибыль капиталисту ещё до самого процесса труда, так как то, чего стоит товар капиталисту, и то, чего стоит товар в действительности, сильно расходятся в зависимости от степени эксплуатации. А рыночные колебания могут приблизиться к точке безубыточности и даже немного ниже, но прибыль всё равно будет. Об этом не скажет сегодня ни один экономист, воспитанный на западных учебниках, а следом – изданных в России примерно за последние 30 лет. Зато с обилием и доминированием в учебной и научной литературе неоклассики, пронизанной насквозь маржинализмом, где нет ни слова о реальных и неразрешимых социально-экономических отношениях, не говоря о противоречиях между трудом и капиталом.

А тут вам, пожалуйста, ещё одна выдуманная концепция. Более того, на практике внедрение «подталкиваний» активно используется крупными корпорациями для стимулирования потребительского спроса, повышения «лояльности» и снижения критичности восприятия рекламы. Так, настройки по умолчанию (*default options*) в цифровых сервисах, усложнённая процедура отказа от подписки, «убеждающий дизайн» интерфейсов – всё это примеры коммерческого применения поведенческой экономики, далёкие от заботы о народном благосостоянии. В современной дискуссии всё чаще звучит мнение, что первоначальный замысел либертарианского патернализма во многом был утерян при переходе к массовому внедрению «подталкиваний».

2.3. Социальный заказ и «мягкая» власть капитала

Поведенческая экономика в её нынешнем виде во многом является ответом на потребность монополий в более изощрённых методах управления поведением потребителя в условиях перенасыщенных рынков. Реклама

и маркетинг всегда манипулировали сознанием, но поведенческая экономика придала этим практикам наукообразное обоснование.

Мы уже неоднократно и вполне уверенно характеризовали, что у монополий выработаны чёткие технологии по управлению ресурсами для создания дефицита из всего, до чего они дотрагиваются [5, с. 52]. Цифровые финансовые активы, гибридные цифровые права, экоплатформы – везде искусственно конструируется дефицит, а «подталкивания» лишь маскируют этот процесс под заботу о выборе потребителя. Таким образом, поведенческая экономика выступает в роли инструмента «мягкой» власти капитала, направленной на управление спросом без прямого принуждения.

В литературе последних лет также обсуждается, что внедрение поведенческих подходов в практику государственного регулирования и маркетинга сталкивается с риском «усталости от принятия решений»: если предлагать выбор людям каждый раз, они могут начать делать более импульсивные решения, не вдумываясь в их качество.

3. Нормативная программа и её пределы

В своих работах Р. Талер считает, что изучение человеческой иррациональности делает экономическую теорию более реалистичной и позволяет проводить более эффективную государственную политику. Однако:

1. **Эмпирическая база** ограничена в основном лабораторными экспериментами со студентами; внешняя валидность (переносимость на реальную экономику) остаётся низкой.

2. **Нормативные рекомендации** (пенсионные планы по умолчанию, маркировка продуктов, опции органодонорства) касаются преимущественно частных, микроуровневых ситуаций и не затрагивают макроэкономических закономерностей – циклических кризисов, неравенства, институциональных ловушек.

3. **Игнорирование классового анализа** заменяется представлением об атомизированном индивиде с иррациональностями, что снимает вопрос о том, кто именно и в чьих интересах конструирует «архитектуру выбора».

Как убедительно демонстрирует анализ, поведенческая экономика не столько заменяет неоклассику, сколько дополняет её психологическим антуражем, не меняя базового допущения о рыночном равновесии как норме. В конечном счёте концепция «подталкивания», при всех её внешних достоинствах, не может служить системной альтернативой классической политической экономии, поскольку избегает анализа коренных противоречий капиталистического способа производства и сосредотачивается на второстепенных поведенческих аномалиях.

В последние годы всё большее число исследователей (M. Rzeszutek, A. Szyszka, 2025) отмечает, что поведенческая экономика не стала новой парадигмой, способной заменить неоклассический мейнстрим, но может

рассматриваться как его эвристическое дополнение в узких прикладных областях [13].

Заключение

Проведённый обзорно-критический анализ поведенческой экономики позволяет сделать следующие выводы:

1. **Методологическая ограниченность.** Поведенческая экономика не предлагает целостной теории; её предмет – когнитивные искажения индивида – не может служить основанием для анализа системных экономических процессов. Концепция «подталкивания» не способна заменить глубокий анализ макроэкономических закономерностей.

2. **Идеологическая нагрузка.** Концепция «либертарианского патернализма» в условиях господства крупного капитала превращается в технологию управляемого выбора, обслуживающую интересы монополий, а не общественное благо. Формальное сохранение свободы выбора не отменяет манипулятивной природы «подталкиваний».

3. **Необходимость возврата к политической экономии.** Для понимания реальных механизмов присвоения-отчуждения, институциональных изменений и классовых противоречий требуется не замена классического анализа «поведенческими аномалиями», а его углубление с учётом новых форм собственности и цифровой трансформации.

Поведенческая экономика может быть полезным источником эвристик для узких прикладных задач (например, повышение собираемости налогов или донорства органов), но претензия на создание новой универсальной парадигмы несостоятельна. Настоящая наука о воспроизводстве, распределении и власти требует иного – структурного, институционального и классово-ориентированного – подхода. Противоречия в современных капиталистических обществах нарастают, а потому апологетические вбросы в экономической науке ещё будут ради сохранения господства капитала, неравномерности и даже гегемонии отдельных, считающих себя «исключительными нациями». Для этого все средства хороши, в том числе и нетрадиционные подходы в изучении социально-экономических явлений на заказ, а потом – навешиванием Нобелевских премий для придания солидности, правдоподобности и уверенности для позиционирования своей «исключительности», подобно тому, как чиновники «защищаются и становятся докторами и академиками в России» [9].

Как отмечают критики, даже сами создатели теории подталкивания признают её ограниченную применимость: «Мы признаём, что в некоторых контекстах либертарианского патернализма недостаточно». Именно это признание, на наш взгляд, является ключевым для корректной оценки места и роли поведенческой экономики в системе современного экономического знания.

Библиография

1. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.

2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России. Научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения 21.05.2026).

3. Гордон Д. «Nudge: как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье» Ричарда Талера и Стивена Санстейна // Mises Review. 2008. № 2. URL: https://mises.org/mises-review/nudge-improving-decisions-about-health-wealth-and-happiness-richard-h-thaler-and-sunstein (дата обращения 21.05.2026).

4. Зельдин, М.Л., Давыдов, О.О., Пенкина, И.В., Циклинский, А. А. Истоки и практическое применение поведенческой экономики в организациях // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 4. С. 98–117.

5. Идрисов Ш. А. Собственность в эпоху турбулентности: российский опыт от приватизации до цифровизации. Монография. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2026. 289 с.

6. Канеман, Д. Думай медленно… решай быстро. М.: АСТ, 2011.

7. Капелюшников, Р. И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 66–90; Часть II. № 10. С. 28–56.

8. Колядин, А.П., Колядин, Н.П. К критике поведенческой экономики // Управленческий учет. 2025. № 3. С. 112–119.

9. Путин устроил разнос чиновникам, ставшим академиками РАН [Электронный ресурс]. URL: https://www.topnews.ru/news_id_96392.html (дата обращения 22.05.2026).

10. Талер, Р. Новая поведенческая экономика. М.: Эксмо, 2017.

11. Gigerenzer, G. On the Supposed Evidence for Libertarian Paternalism // Review of Behavioral Economics. 2015. Vol. 2. No 1–2. P. 23–41.

12. Kahneman, D., Tversky, A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. No 2. P. 263–291.

13. Rzeszutek, M., Szyszka, A. Behavioural economics in the third decade of the XXI century: moving beyond 'as if' behavioural economics // Applied Economics Letters. 2025. P. 1–5.

14. Thaler, R.H., Sunstein, C. R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. Yale University Press, 2008.

15. Viale, R. The normative and descriptive weaknesses of behavioral economics-informed nudge: depowered paternalism and unjustified libertarianism // Mind & Society. 2019. Vol. 18. No 1. P. 51–68.

DOI 10.34660/INF.2026.93.22.153

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОЗНИЧНОЙ ОНЛАЙН-ТОРГОВЛЕ И МЕХАНИЗМЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Григорьев Вячеслав Романович
студент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются типовые проблемы, возникающие при внедрении цифровых инструментов (CRM-систем, онлайн-калькуляторов, сквозной аналитики) в практику розничной онлайн-торговли. На основе обобщения отраслевых данных и практических кейсов выделены основные барьеры: финансовые ограничения, технологическая несовместимость, сопротивление персонала, низкое качество данных, отсутствие стратегического планирования. Предложены механизмы их устранения, включая поэтапное внедрение, выбор гибких решений, обучение персонала и внедрение системы ключевых показателей эффективности. Статья адресована менеджерам и владельцам интернет-магазинов, а также специалистам по цифровой трансформации.*

Ключевые слова: *цифровые инструменты, онлайн-розница, внедрение CRM, сквозная аналитика, онлайн-калькулятор, барьеры цифровизации, механизмы устранения, стоимость привлечения клиента, управление изменениями.*

Розничная онлайн-торговля за последние годы превратилась в высококонкурентную среду, где борьба идёт не только за цену и ассортимент, но и за качество клиентского опыта. В этих условиях цифровые инструменты перестали быть опциональным дополнением и превратились в необходимое условие выживания. CRM-системы, онлайн-калькуляторы и сквозная аналитика сегодня входят в базовый набор технологий, которые позволяют интернет-магазину понимать своего покупателя, персонализировать предложения и эффективно распоряжаться рекламным бюджетом. Однако само по себе наличие этих инструментов не гарантирует успеха. Внедрение

каждого из них сопряжено с целым комплексом проблем, которые часто сводят на нет потенциальные выгоды.

Цифровая трансформация – следующий этап автоматизации бизнеса, который подразумевает работу с огромным объемом данных. Точнее, более эффективный подход к их управлению. Это важно для компаний из различных отраслей. В частности, в ритейле. Максимум информации о покупателе и глубокий анализ потребительских действий – залог успеха в рознице. Программы CRM и кассовые аппараты нового поколения уже привычны представителям бизнеса. Что касается блокчейна, IoT, искусственного интеллекта, большинство игроков ритейла пока только присматриваются к использованию этих цифровых технологий. Тем не менее, на российском рынке розницы уже есть опыт их внедрения. Например, в федеральной сети «Перекресток» используют технологию машинного обучения для целевого маркетинга, а кооператив LavkaLavka создал блокчейн-платформу лояльности и выпустил собственный токен Biocoin. Чтобы эта платформа взаимодействовала с программой «1С», которую сотрудники LavkaLavka используют в своей работе, наша компания разработала для кооператива модуль автоматического учета операций в блокчейне. Цифровая трансформация – это верный путь для ритейла к высокой лояльности клиента. Но при внедрении новых технологий могут возникнуть трудности.

Финансовые ограничения выступают одним из первых барьеров, с которым сталкиваются владельцы интернет-магазинов, особенно представители малого и среднего бизнеса. Стоимость лицензий на коммерческое программное обеспечение, расходы на доработку сайта под интеграцию, оплата услуг программистов и консультантов могут составлять суммы, сопоставимые с месячным оборотом небольшого магазина. При этом предсказать точную отдачу от вложений трудно, а сроки окупаемости часто размыты. Кроме того, многие компании не учитывают регулярные операционные расходы на поддержку систем, обновление версий и обучение новых сотрудников, что в итоге приводит к превышению бюджета и разочарованию в технологиях.

Не менее значимой группой барьеров являются технологические ограничения. Типичная ситуация для многих интернет-магазинов, особенно работающих не первый год,– это разрозненные системы, которые не связаны между собой. Сайт работает на одной платформе, складской учёт ведётся в старой версии 1С, а контакты клиентов хранятся в Excel. Попытка внедрить современную CRM или настроить сквозную аналитику в такой среде оборачивается необходимостью переписывать API, нанимать интеграторов и мириться с постоянными сбоями на этапе передачи данных. Особенно остро эта проблема проявляется, когда владелец выбирает отдельные «лучшие» инструменты от разных вендоров, не проверяя их совместимость. В результате

компания получает не единую экосистему, а набор разрозненных деталей, которые дорого поддерживать и сложно эксплуатировать.

Организационные и кадровые барьеры, возможно, самые недооценённые, но от того не менее разрушительные. Даже самое дорогое и функциональное программное обеспечение не даст результата, если люди отказываются им пользоваться. Продавцы-консультанты продолжают держать клиентскую базу в записной книжке, потому что не видят смысла заполнять CRM. Маркетологи настраивают рекламные кампании вслепую, потому что не понимают логику сквозной аналитики. Руководители не контролируют процесс, потому что сами не научились работать с отчётами. Причина такого сопротивления не всегда в лени. Часто сотрудники просто не обучены, не понимают, как новые инструменты облегчат их работу, а главное – не мотивированы их осваивать. В условиях высокой текучести кадров, особенно характерной для сферы розничных продаж, вложения в обучение могут казаться неоправданными, и компания попадает в замкнутый круг: без инструментов нет роста, без роста нет денег на обучение и стабильные команды.

Отдельной проблемой выступает качество данных. Сквозная аналитика и CRM дают ценные инсайты только в том случае, если на вход поступает достоверная и структурированная информация. Однако на практике данные часто бывают разрознены, дублированы или просто ошибочны. Один и тот же клиент может быть записан под разными именами, номерами телефонов и адресами электронной почты. Заказы, совершённые через разные каналы, не связываются друг с другом. Информация о возвратах и отказах не фиксируется в системе. В таких условиях любые отчёты будут давать искажённую картину, а решения, принятые на их основе, вести к убыткам.

Наконец, нельзя игнорировать и проблему отсутствия стратегического планирования внедрения. Многие владельцы бизнеса подходят к цифровизации импульсивно – купили CRM, потому что друг сказал, а сквозную аналитику, потому что конкурент внедрил. Без предварительного аудита, без постановки измеримых целей и без чёткого понимания того, какой инструмент для какой задачи нужен, инвестиции превращаются в хаотичное нагромождение технологий. В результате компания получает дорогую инфраструктуру, которая не решает основных бизнес-проблем, а лишь создаёт иллюзию «цифровой зрелости».

Таким образом, теоретический анализ позволяет выделить пять ключевых групп проблем внедрения цифровых инструментов в онлайн-рознице: финансовые, технологические, организационно-кадровые, информационные (качество данных) и стратегические (отсутствие планирования). Каждая из этих групп имеет свою природу, но в реальной практике они редко встречаются по отдельности, чаще образуя комплексный проблемный клубок, распутывать который нужно системно.

Для того чтобы оценить реальную распространённость и остроту проблем, описанных в теоретической части, целесообразно обратиться к обобщённым данным, накопленным отраслевыми аналитическими агентствами и платформами автоматизации. Хотя каждое предприятие уникально, статистика за последние три-четыре года позволяет выявить устойчивые закономерности, характерные для российского сегмента онлайн-розницы. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что сам по себе спрос на цифровые инструменты неуклонно растёт. Однако доля успешных внедрений, то есть тех, которые привели к измеримому росту ключевых показателей, остаётся относительно невысокой. Многие интернет-магазины приобретают CRM или настраивают сквозную аналитику, но спустя полгода используют лишь малую часть функционала, а то и вовсе забрасывают систему. Типичная картина: менеджеры дублируют заказы в CRM и в Excel, отчёты никто не смотрит, а калькулятор на сайте работает с ошибками или слишком сложен для заполнения.

Самой частой проблемой, с которой сталкиваются компании при внедрении, является организационное сопротивление персонала. Люди привыкли работать по старинке, не доверяют автоматизации и не видят личной выгоды в заполнении карточек клиентов. Даже после проведённых тренингов многие возвращаются к старым привычкам, если руководство не контролирует процесс и не завязывает мотивацию на использование новых инструментов. Второй по распространённости барьер – технологическая несовместимость. Сайт на одной платформе, учётная система на другой, рекламные кабинеты живут своей жизнью – без серьёзной интеграции собрать всё воедино практически невозможно. Третьей по частоте упоминаний является проблема качества данных. Когда в системе десятки тысяч контактов с пропущенными полями, дубликатами и устаревшими номерами телефонов, ценность такой CRM стремится к нулю. Финансовые ограничения замыкают этот перечень, но это не значит, что они несущественны: просто многие владельцы готовы инвестировать, если видят чёткую связь между затратами и результатом.

Для наглядного сопоставления приведённых проблем в таблице 1 сведены типичные показатели их распространённости и степень влияния на бизнес-результаты. Данные получены на основе обобщения нескольких отраслевых опросов и аналитических отчётов за 2024–2025 годы.

Как видно из таблицы, наиболее острыми остаются проблемы, связанные с человеческим фактором и интеграцией. Интересно, что финансовый барьер хотя и занимает не первое место, но его влияние оценено как среднее. Это говорит о том, что при наличии правильной стратегии и вовлечённого персонала даже ограниченный бюджет можно потратить с толком, а без них любые инвестиции, даже крупные, не приведут к желаемому результату.

Таблица 1. Распространённость и влияние проблем при внедрении цифровых инструментов в онлайн-рознице

Проблема	Доля компаний, столкнувшихся с проблемой	Оценка влияния на эффективность
Сопротивление персонала и низкая мотивация	65–70 %	Высокое
Сложность интеграции с существующими системами (1С, сайт, учёт)	55–60 %	Критическое
Низкое качество или разрозненность данных о клиентах	50–55 %	Высокое
Недостаток бюджета (CAPEX и OPEX)	45–50 %	Среднее
Отсутствие чётких KPI и стратегии внедрения	40–45 %	Высокое
Нехватка внутренних IT-компетенций	35–40 %	Среднее
Частая смена персонала, потеря обученных сотрудников	30–35 %	Среднее

Цифровые технологии способны повысить эффективность как процесса привлечения клиентов, так и, собственно, продаж. В первом случае данные и аналитика позволяют получать обширную информацию о клиентах и их пути – в частности, алгоритмы умеют анализировать их, чтобы обеспечить успех торговым представителям. Новейшие инструменты планирования продаж позволяют последним опереться на гораздо более обширные данные и результаты анализа. Алгоритмы научились рекомендовать специалистам продукты для продажи с учётом клиентских аккаунтов. Что касается самого процесса продаж, технологии помогают компаниям оптимизировать работу соответствующих отделов.

Цифровые инструменты позволяют анализировать производительность труда, позволяя руководителям выявлять лучших работников и их подходы с целью их применения в масштабе всей компании. Кроме того, они помогают собирать данные об отдельных торговых представителях, предоставляя руководителям представление об их навыках, мотивации и лучших практиках. Ведущие компании используют инструменты оценки кадров, чтобы по-настоящему глубоко анализировать процесс продаж. Это предполагает изучение различных личностных характеристик и навыков, а также сопоставление планов и фактических результатов.Таким образом, аналитические данные подтверждают, что основные проблемы внедрения лежат не в плоскости выбора «правильного» программного обеспечения, а в области организации процессов, управления персоналом и качества данных. Типичный

неудачный проект выглядит так: компания покупает инструмент, нанимает интегратора, проводит технические настройки, но забывает про людей и про то, что сам инструмент должен быть встроен в ежедневные рутинные операции. Успешные внедрения отличаются прежде всего тем, что им предшествует аудит, за ним следует постановка измеримых целей, затем выбор пилотного сегмента, обучение и только потом масштабирование.

На основе теоретического анализа и обобщённых данных о типовых барьерах можно предложить комплекс практических механизмов, которые позволяют не только снизить риски, но и повысить вероятность успешного внедрения CRM, онлайн-калькуляторов и сквозной аналитики в розничной онлайн-торговле. Эти механизмы носят системный характер и охватывают финансовую, технологическую, организационную и кадровую сферы.

Первым и, пожалуй, самым важным механизмом является переход от хаотичного внедрения «всего и сразу» к поэтапной модели с пилотным проектом. Вместо того чтобы закупать полный комплект инструментов и пытаться интегрировать их одновременно, рекомендуется выбрать один пилотный процесс, который принесёт быстрый и очевидный результат. Например, первым шагом может стать внедрение CRM только для отдела продаж, без попытки сразу связать её со складом и бухгалтерией. На этом этапе важно определить конкретные измеримые цели: сокращение времени ответа на заявку, увеличение числа повторных продаж или повышение точности прогнозов. После того как пилотный проект доказал свою эффективность, можно масштабировать решение на другие подразделения и добавлять новые инструменты, такие как онлайн-калькулятор или сквозная аналитика.

Второй механизм касается выбора технологической архитектуры. Многие неудачи связаны с тем, что компании покупают дорогие коробочные решения, требующие серьёзной доработки и сопровождения. Альтернативой выступают облачные SaaS-платформы с открытым API, которые позволяют гибко настраивать интеграции без привлечения штатных программистов. При этом важно на этапе выбора проверять совместимость потенциального инструмента с уже используемыми системами – сайтом, учётной программой, рекламными кабинетами. Если такой совместимости нет, лучше рассмотреть другое решение или заложить бюджет на разработку интеграционных модулей.

Третий механизм – системная работа с персоналом. Просто купить CRM и показать трёхминутную инструкцию недостаточно. Необходимо, во-первых, назначить ответственного за внедрение, который будет контролировать процесс и служить связующим звеном между руководством и рядовыми сотрудниками. Во-вторых, разработать чёткие регламенты: кто, когда и какие данные вносит в систему. В-третьих, привязать мотивацию к использованию новых инструментов. Например, бонус менеджера может зависеть не только

от количества проданных товаров, но и от полноты и актуальности информации о клиенте в CRM. В-четвёртых, организовать регулярное обучение и внутренние чемпионаты по работе с системой, чтобы поддерживать интерес и соревновательный дух.

Четвёртый механизм направлен на решение проблемы качества данных. Прежде чем запускать сквозную аналитику или CRM, необходимо провести аудит и чистку имеющейся информации. Удалить дубликаты, унифицировать форматы, заполнить пропуски. Важно также внедрить единый идентификатор клиента, чтобы заказы из разных каналов (сайт, мессенджеры, телефонные звонки) автоматически связывались с одним профилем. Для этого подходят системы маркетинговой атрибуции, использующие номера телефонов или email как ключи. Кроме того, необходимо настроить автоматический сбор данных о поведении клиента на сайте с помощью специальных скриптов и событий.

Пятый механизм – это регулярная оценка эффективности внедрения через ключевые показатели. Без цифр невозможно понять, идёт процесс в правильном направлении или нет. Рекомендуется до старта проекта зафиксировать базовые значения CAC, LTV, среднего чека, времени обработки заказа и доли повторных продаж. Затем, через три и шесть месяцев после внедрения, провести повторные замеры и сравнить. Если улучшений нет или они незначительны, необходимо искать причины – возможно, неверно настроена интеграция, или персонал не использует систему в полном объёме.

Для наглядного представления взаимосвязи между типовыми проблемами и механизмами их устранения в таблице 2 приведены основные барьеры и соответствующие им практические решения.

Таблица 2. Механизмы устранения проблем внедрения цифровых инструментов в онлайн-рознице

Проблема	Механизм устранения	Ожидаемый результат
Сопротивление персонала и низкая мотивация	Назначение ответственного за внедрение, обучение, привязка KPI к использованию системы, регулярный контроль	Рост заполненности CRM, повышение качества данных, ускорение обработки заказов
Сложность интеграции с существующими системами	Выбор SaaS-платформ с открытым API, проверка совместимости на этапе выбора, поэтапная интеграция	Снижение технических сбоев, сокращение затрат на доработки
Низкое качество или разрозненность данных о клиентах	Аудит и чистка данных перед внедрением, внедрение единого идентификатора клиента, автоматизация сбора информации	Повышение точности аналитики, персонализация коммуникаций

Недостаток бюджета	Пилотный проект с быстрой окупаемостью, выбор SaaS-модели вместо покупки лицензии, расчёт ROMI до старта	Снижение CAPEX, прогнозируемость затрат, быстрая окупаемость
Отсутствие чётких KPI и стратегии внедрения	Постановка измеримых целей до начала проекта, регулярный мониторинг метрик, корректировка планов	Контролируемость процесса, возможность вовремя заметить отклонения
Нехватка внутренних IT-компетенций	Привлечение внешних интеграторов на этапе настройки, выбор интуитивно понятных систем, обучение штатного сотрудника	Снижение зависимости от внешних подрядчиков, повышение самостоятельности
Частая смена персонала, потеря обученных сотрудников	Стандартизация процессов, создание инструкций и видеоуроков, автоматизация рутинных операций	Минимизация потерь при увольнениях, быстрая адаптация новичков

Солидные старые компании с крупными отделами продаж сталкиваются с особыми трудностями в деле внедрения этих цифровых инструментов. Во-первых, интегрировать новые инструменты в уже существующую инфраструктуру – это само по себе сложно. Во-вторых, программные решения могут быть замысловатыми и сбивать с толку пользователей, никогда не сталкивавшихся ни с чем подобным или вовсе не имеющих технических навыков. Наконец, знания и передовой опыт может быть трудно распространить на всю компанию, и специалисты могут начать откладывать реальное внедрение цифровых инструментов – тем более, что это само по себе непросто. Однако, чтобы приспособиться к быстрым темпам изменений в сфере цифровых технологий, всё же стоит отказаться от устаревших систем в пользу новых, более устойчивых к сбоям. Здесь может помочь модульный подход, позволяющий легко добавлять отдельные инструменты, тестировать их и отключать в случае необходимости. Предложенные механизмы не являются разовыми акциями, они должны стать частью постоянной управленческой практики. Компания, которая внедряет CRM или сквозную аналитику, должна быть готова не только потратить деньги на покупку и настройку, но и систематически вкладываться в обучение, контроль и развитие своих процессов. Только тогда цифровые инструменты начнут приносить ожидаемую отдачу.

Заключение

В ходе проведённого исследования были систематизированы и проанализированы основные проблемы внедрения цифровых инструментов в розничной онлайн-торговле. Выделены пять ключевых групп барьеров: финансовые ограничения, технологическая несовместимость, организационно-кадровое

сопротивление, низкое качество данных и отсутствие стратегического планирования. Эмпирический анализ показал, что наиболее критичными являются проблемы, связанные с человеческим фактором и сложностью интеграции существующих систем. На основе выявленных закономерностей предложены практические механизмы устранения барьеров, включающие поэтапное внедрение с пилотным проектом, выбор облачных SaaS-платформ с открытым API, системную работу с персоналом (обучение, мотивация, контроль), аудит и чистку данных, а также регулярную оценку ключевых показателей эффективности. Особое внимание уделено необходимости привязки мотивации сотрудников к реальному использованию новых инструментов, а не только к формальному факту их наличия.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные механизмы могут быть непосредственно использованы владельцами и менеджерами интернет-магазинов для повышения эффективности цифровой трансформации. Разработанные в статье таблицы позволяют быстро идентифицировать типовую проблему и подобрать соответствующее решение. Результаты исследования также полезны для разработчиков программного обеспечения, так как указывают на наиболее частые «узкие места» при внедрении их продуктов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на углублённую разработку методик оценки эффективности внедрения с учётом отраслевой специфики, а также на создание отраслевых бенчмарков для сравнения успешности проектов цифровой трансформации в онлайн-рознице.

Литература

1. Веремеенко О. С. Формирование системы показателей оценки эффективности услуг розничной торговли на рынке продовольственных товаров // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3–4 (55). С. 118–128.

2. Гайдаенко А. А. Гражданско- правовая охрана товарных знаков, используемых на маркетплейсах // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 92–104.

3. Гамидуллаев С. Н., Толстихина Т. Б. Тенденции и перспективы развития трансграничной электронной розничной торговли как вида услуг // Проблемы современной экономики. 2022. № 4(84). С. 161–164.

4. Зенченко С. В. Технологические тенденции развития электронной торговли в условиях цифровой трансформации сферы услуг // Торговля и рынок. 2023. Т. 1, № 4 (68). С. 57–62.

5. Клименко А. И. Пробелы в правовом регулировании защиты прав потребителей на маркетплейсах // Epomen. Global. 2023. № S34. С. 579–585.

6. Кораблев М. Г. Рынок услуг розничной торговли непродовольственными товарами в условиях цифровой трансформации и взаимодействие его участников // Экономика строительства. 2024. № 12. С. 195–197.

DOI 10.34660/INF.2026.93.25.092

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Григорьев Алексей Николаевич
независимый исследователь в области политэкономии и социальной философии,
Москва, Россия

Аннотация: *В статье автор знакомит читателей с одним из выводов, полученным в ходе работы над новой политэкономической теорией. А именно, показывает ошибочность трактовки прибавочной стоимости, как неоплаченного труда рабочих. Анализ данной проблемы приводит к пониманию, что «прибавочной стоимости» в трактовке К.Маркса просто не существует, поскольку не существует ни «необходимого», ни «прибавочного» времени. Строго говоря, труд не создает стоимости больше, чем стоит сам, но лишь свой эквивалент стоимости (трудовую стоимость). Тем не менее, продукты труда можно продать дороже их реальной трудовой стоимости, что и создает прибыль. Это не значит, что отсутствует эксплуатация. Это указывает на то, что механизм эксплуатации оказался иной.*

Ключевые слова: *теория стоимости, прибавочная стоимость, меновая стоимость, себестоимость, цена, новая политэкономия*

Abstract: *In this article, the author introduces readers to one of the conclusions obtained during the development of a new political economic theory. Specifically, he demonstrates the fallacy of interpreting surplus value as unpaid labor of workers. By analyzing this issue, we can understand that surplus value, as defined by Karl Marx, does not exist, as there is no such thing as «necessary» or «surplus» time. In fact, labor does not create value beyond its own worth, but rather its own equivalent of value (labor value). Nevertheless, the products of labor can be sold for more than their real labor value, which creates profit. This does not mean that there is no exploitation. This indicates that the operating mechanism was different.*

Keywords: *theory of value, surplus value, exchange value, cost, price, new political economy*

Неадекватность современных трактовок таких фундаментальных понятий, как трудовая стоимость, цена, себестоимость, меновая стоимость, прибыль, добавленная стоимость, ведёт к невозможности сформировать адекватную экономическую теорию, а следовательно и адекватную экономическую политику. По объективным причинам в данной статье автор обозначит лишь основные сущностные аспекты проблемы. Ранее, по данной теме автором уже было написано ряд статей, в частности, «К критике «Капитала» Карла Маркса или фантом эксплуатации» (2016) [1], «Начала общей теории стоимости» (2017) [2], «Миф о прибавочной стоимости» (2017) [3], «О проблеме неадекватности современных экономических теорий» (2022) [4], «История возникновения мифа о «прибавочной стоимости» (2023) [5], где он постепенно формировал свою точку зрения по данному вопросу,

В качестве преамбулы, необходимо сказать несколько слов о самой Новой политэкономии (НПЭ). Прежде всего о её «архитектуре». Она структурирована по трем уровням: Первый уровень – онтологический или мировоззренческий. На нём рассматривается, как устроен эволюционный процесс в целом, что есть общество, как субъект и почему социально-экономическое развитие общества нельзя объяснять только технологиями и производством. На этом уровне объясняется также, какие общие законы и алгоритмы эволюции находятся в основание нашего бытия. Второй уровень – философско-социальный. Он дает представление о том, как эволюция сознания связана с общественно-экономическими формациями, почему формация – это не просто уровень развития производительных сил, а уровень зрелости общественного сознания, культуры, нравственности, субъектности общества. Третий уровень – политэкономический, содержащий конкретные экономические закономерности. Это новые трактовки стоимости, цены, труда, капитала, прибыли, ренты, процента, государства, предпринимателя, общественного блага и хозяйственного устройства, в целом, и многое другое. Трактовки, которые логично вытекают из предложенной онтологии и философии.

Данная преамбула была необходима, чтобы донести до читателей ту мысль, что смотря через призму Новой политэкономии, в свете новой онтологии общественного субъекта, экономика не начало, а лишь следствие более глубоких причин человеческого сознания. Полагаю, что поэтому экономисты никак и не могут прийти к консенсусу относительно справедливости размера ключевой ставки ЦБ или к единому пониманию «эквивалентности обмена». Это именно потому, что для многих экономических феноменов нет никаких объективных объяснений или фундаментальных естественных причин, но все они лишь производные существующей в данном обществе социально-экономической системы (формации), разработанной или поддерживаемой действующими управляющими структурами общества, в соответствии со своим мировоззрением

и целеполаганием. Замечу, что такой подход нисколько не противоречит материалистической философии. И, кстати, несмотря на официальное отрицание марксистами субъективности экономических законов, эта реальность косвенным образом подтверждается главными постулатами политэкономии социализма, а именно, основными законами капитализма и социализма, сформулированными в книге И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952). Полагаю достаточно очевидным, что эти законы продиктованы не объективными экономическими предпосылками, а именно мировоззренческой позицией и субъективным целеполаганием. Это относится и к основному закону капитализма: «Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, Используемых для обеспечения наивысших прибылей.» [6] И в ещё большей степени к основному закону социализма: «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.» [7]

Из противоречия в целеполагании и проистекает принципиальное разногласие по вопросу стоимости между марксистами и адептами западного направления экономической мысли. Но как оказалось, действительно адекватного объяснения данного феномена не даёт сегодня ни одна их существующих экономических теорий. Путаница, к сожалению, началась ещё в самом «Капитале» Карла Маркса, если не раньше, с того, что произошло отождествление стоимости и цены товара. По странному стечению обстоятельств экономисты полагали, что цена – это и есть стоимость товара, то есть некая объективная величина. Маркс обнаружил и исследовал совершенно замечательный концепт (феномен) трудовую стоимость, но к сожалению, допустил ряд неточностей. Прежде всего он не верно трактовал её генезис. Он вывел трудовую стоимость из меновой. И получился парадокс. При том, что трудовая стоимость объективна и вполне объяснима, представление о меновой стоимости, как воплощении трудовой, было явно ошибочно, поскольку меновая стоимость отражает потребительную стоимость, а не трудовую. И западные экономисты, такие как О.Бём-Баверк и Й.Шумпетер, это видели и справедливо критиковали в своих работах. Они показали, что обмен товаров идет по цене (правда, ошибочно считая её стоимостью). Но цена в капиталистической экономике есть по сути

конъюнктурная величина, связанная с оценкой потребительной, а не трудовой, единственно объективной, то есть имеющей объективные основания, стоимости. Это особенно наглядно видно в концепциях «предельной полезности» К.Менгера и «спроса/предложения» А.Маршалла. Очевидно, что там цена меняется в зависимости от внешних условий, от конъюнктуры, от наличия товара, вообще от конъюнктуры, да просто от субъективных предпочтений участников сделки, в то время, как трудовая стоимость конкретна и безусловно связана с производственным процессом, с реальными издержками. То есть, трудовая стоимость суть выражение трудовых затрат, реальных издержек, а не конъюнктуры рынка и приравнивать эти две величины явная ошибка. Также бессмысленно в либеральной капиталистической экономике искать объективные основы цены. Она определяется конъюнктурой, в то время, как трудовая стоимость в любой экономике имеет свои объективные основания, её вполне можно посчитать и это есть себестоимость продукции.

Отождествление трудовой стоимости и цены (а Маркс под стоимостью, вообще, понимал исключительно трудовую стоимость, в отличие от потребительной стоимости) привело к целой цепочке ошибочных следствий. В первую очередь, чтобы объяснить реально существующую разницу цены и себестоимости, Марксу пришлось ввести такую категорию, как «прибавочная стоимость», которой в реальности не существует. В его теории она, как бы, исходная ипостась прибыли, которая создается наёмными рабочими, и лишь затем в обращении она превращается в прибыль. То есть, по своей сути и по размеру это одно и то же, что прибыль, что прибавочная стоимость. Да, цена обычно превышает себестоимость товара, но это не потому, что существует некая возникшая в производстве мифическая прибавочная стоимость, а лишь потому, что капиталист заранее так калькулирует расходы на производство, что текущие цены продажи на его товар будут заведомо выше себестоимости. Но вот в случае превышения себестоимости над текущей ценой, то ли по причине непредвиденного роста издержек, то ли по причине обвала цен продажи, что случается в периоды кризисов, предприятие в принципе не может функционировать и закрывается, поскольку нет прибыли. Однако, по Марксу, цена может отклоняться от себестоимости в любую сторону, поскольку прибавочная стоимость существует всегда, как бы, априори, если есть наёмный труд.

Ошибочная концепция прибавочной стоимости повлекла за собой и другие ложные концепты, как, например, абсолютно волюнтаристское деление рабочего дня на «необходимое» и «прибавочное» рабочее время и, соответственно, «необходимый» и «прибавочный» продукт или стоимость. Но если припомнить, чем определяется объем этого необходимого времени, продукта или стоимости, то становится очевиден абсолютно субъективный подход к данному действию, поскольку всё соотносится с текущими конъюнктурными ценами,

а не с производством. Чем выше цены продажи, тем меньше оказывается необходимое время и наоборот. По сути Маркс идет от обратного, например, зная, что цена продажи превышает себестоимость на некую величину, то есть продаётся с прибылью, он считает её прибавочной стоимостью, неоплаченной рабочим, которая априори фигурирует в его известной формуле W=C+V+m. Ну, а если нет прибыли? У Маркса такое просто невозможно. На этот недостаток, в частности, указывал и О.Бём-Баверк в своей работе «Критика теории Маркса», справедливо отмечая: «Эти операции, как я уже выше упоминал, представляются мне самым уязвимым местом в теории Маркса. Они обнаруживают почти столько же теоретических ошибок, сколько и звеньев мысли – а их совсем не мало,– и они несут явные следы того, что они придуманы и искусно составлены задним числом, чтобы представить предвзятое мнение в виде естественного результата действительного исследования.» [8] Справедливости ради, следует сказать, что и сами классики австрийской школы экономики, допускают массу ошибок в своих трактовках.

Кроме того, Маркс утверждает, что прибавочная стоимость производится исключительно наёмными рабочими (переменный капитал) и если рабочих нет, то нет и прибавочной стоимости. А поскольку для Маркса прибыль есть превращенная прибавочная стоимость, то получается, что на полностью роботизированных предприятиях по данной теории никакой прибыли нет и быть не может. По Марксу она там не возможна в принципе. Полагаю, что ошибочность такой трактовки сегодня, когда существуют полностью роботизированные производства, достаточно очевидна. К сожалению, марксисты придерживаются данной трактовки до сих пор.

Кроме того, на указанные заблуждения относительно существования прибавочной стоимости, а также «необходимого» и «прибавочного» времени указывает самая обычная арифметическая ошибка в вычислениях Карла Маркса. Вот кратко его вычисления: «Цена этих 10 ф. пряжи равна 15 шилл., и 15 же шиллингов были израсходованы на товарном рынке на элементы созидания продукта, или, что то же самое, на факторы процесса труда: 10 шилл. на хлопок, 2 шилл. на потреблённое количество веретён и 3 шилл. на рабочую силу». [9].

Своими подсчетами он пытается доказать, что в первые 6 часов нет никакой прибыли. Т.е. устанавливает тождество: себестоимость 15 шиллингов и продажная цена 15 шиллингов. Похоже, что все оказались так зачарованы его рассуждениями и скрупулезностью подсчетов, что не увидели элементарной арифметической ошибки. Почему Маркс прибавляет 3 шиллинга (это же оплата за весь день) к объему, который изготавливается за пол дня? Правильно нужно либо к 12 шиллингам прибавить 1,5 (половину дневной оплаты), либо 3 шиллинга зарплаты прибавить к 24 шиллингам, что соответствует расходам

на выработку 20 ф. пряжи за полный день. И тогда всё становится на свои места. То есть, нет никакой прибавочной стоимости, нет неоплаченного труда, а прибыль есть, поскольку так и было заранее скалькулировано. Прибыль могла быть и больше, если бы изменилась конъюнктура рынка или нашелся более богатый покупатель, но при этом трудовая стоимость, она же себестоимость, никак не изменится и останется прежней. В этой связи уместно другое критическое замечание О.Бём-Баверка из той же работы: «Читателю при беглом чтении это утверждение может показаться весьма правдоподобным. Но если присмотреться только чуточку хладнокровно и трезво, то это впечатление превращается в свою противоположность.» [10]

Возможно, в обыденной жизни это ровным счетом ничего не меняет, но с точки зрения политэкономической теории это становится крайне важным. Изложенные соображения говорят о том, что механизм капиталистической эксплуатации несколько иной, чем тот, который описал Карл Маркс. И с точки зрения формирования гармоничной экономики, полагаю, это приобретает особую важность. Поэтому это необходимо знать и понимать.

Перечень ссылок:

1. Григорьев А. Н. «К критике «Капитала» Карла Маркса или фантом эксплуатации» https://cyberleninka.ru/article/n/k-kritike- kapitala- karla-marksa-ili-fantom-ekspluatatsii

2. Григорьев А. Н. «Начала общей теории стоимости» http://worldcrisis.ru/crisis/2892551

3. Григорьев А. Н. «Миф о прибавочной стоимости» http://worldcrisis.ru/crisis/2896876

4. Григорьев А. Н. «О проблеме неадекватности современных экономических теорий» https://interactive-plus.ru/e-articles/830/Action830–557601.pdf

5. Григорьев А. Н. «История возникновения мифа о «прибавочной стоимости» https://solidarno.ru/jekonomika/45-istorija-odnogo-mifa.html

6. И.Сталин «Экономические проблемы социализма в СССР», Госполитиздат 1952 г. стр. 38

7. там же, стр. 40

8. О.Бём-Баверк, «Критика теории Маркса», стр. 77 https://djvu.online/file/rOxjkKYLLsOTH

9. Карл Маркс «Капитал» том 1, глава 5, стр. 202 https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital1/kapital1–05.html#c5.2

10. О.Бём-Баверк, «Критика теории Маркса», стр. 91 https://djvu.online/file/rOxjkKYLLsOTH

DOI 10.34660/INF.2026.93.26.006

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМИ ПЛАТФОРМАМИ В БИЗНЕС-ШКОЛАХ КИТАЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ КОРПОРАТИВНОГО ПАРТНЕРСТВА

Тлешбаева Райгуль Блисбековна
докторант программы DBA
Алматы менеджмент университет,
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. *В условиях цифровой трансформации бизнес-школы становятся ключевыми участниками формирования инновационных экосистем и развития человеческого капитала. Особое значение приобретают цифровые платформы, обеспечивающие интеграцию образовательной среды и корпоративного сектора.*

Цель исследования заключается в анализе моделей управления цифровыми платформами в ведущих бизнес-школах Китая и определении их роли в развитии корпоративного партнерства.

Методологической основой исследования выступают теория Triple Helix, теория заинтересованных сторон и концепция цифрового управления. На основе сравнительного анализа деятельности China Europe International Business School (CEIBS), Tsinghua School of Economics and Management и Guanghua School of Management выявлены основные механизмы цифровой интеграции бизнеса и образования. Предложена авторская модель управления цифровыми платформами, обеспечивающая эффективное взаимодействие бизнес-школ, корпоративного сектора и государства.

Практическая значимость исследования заключается в возможности адаптации китайского опыта в системе бизнес-образования Казахстана.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, бизнес-образование, цифровые платформы, корпоративное партнерство, бизнес-школы Китая, цифровое управление, Executive Education.*

Развитие цифровой экономики оказывает существенное влияние на систему высшего образования. Технологии искусственного интеллекта, большие данные, облачные вычисления и цифровые платформы изменяют механизмы

подготовки кадров, управления знаниями и взаимодействия университетов с работодателями.

Особенно заметны данные изменения в сфере бизнес-образования. Современные бизнес-школы уже не ограничиваются подготовкой менеджеров, а выступают центрами генерации знаний, корпоративного обучения и инновационного развития. В этих условиях цифровые платформы становятся ключевым инструментом управления взаимодействием между бизнес-школами и корпоративным сектором.

Китай представляет особый научный интерес благодаря успешному опыту цифровой трансформации бизнес-образования и активному развитию корпоративных образовательных экосистем.

Цель статьи – исследование моделей управления цифровыми платформами в бизнес-школах Китая и оценка их влияния на развитие корпоративного партнерства.

Обзор литературы. Современные исследования демонстрируют возрастающую роль цифровых технологий в развитии взаимодействия университетов и бизнеса.

Теоретическую основу составляют работы H. Etzkowitz и L. Leydesdorff, разработавших концепцию Triple Helix, согласно которой инновационное развитие обеспечивается взаимодействием университетов, бизнеса и государства [1]. В условиях цифровой экономики данная модель трансформируется в цифровую инновационную экосистему.

Существенный вклад в развитие теории взаимодействия организаций внес R. Freeman, предложивший концепцию заинтересованных сторон (Stakeholder Theory) [2]. Согласно данной теории эффективность образовательной организации зависит от способности учитывать интересы различных групп участников, включая работодателей, студентов, выпускников и государственные структуры.

В последние годы значительное внимание уделяется вопросам цифрового управления (Digital Governance). Исследования OECD, AACSB International и World Economic Forum показывают, что цифровые платформы становятся основным инструментом координации взаимодействия между образовательными учреждениями и работодателями [3].

Несмотря на значительное количество публикаций по цифровизации высшего образования, недостаточно исследованными остаются вопросы управления цифровыми платформами в бизнес-школах и их влияние на развитие корпоративного партнерства. Именно данный исследовательский пробел определяет актуальность настоящей работы.

Методология исследования. Исследование основано на применении следующих методов:

– сравнительный анализ;
– системный анализ;
– кейс-анализ;
– контент-анализ официальных документов и отчетов бизнес-школ.

Объектом исследования выступают ведущие бизнес-школы Китая:
– China Europe International Business School (CEIBS);
– Tsinghua School of Economics and Management;
– Guanghua School of Management (Peking University).

Сравнительный анализ бизнес-школ Китая. Анализ показал наличие общих принципов цифровой трансформации при сохранении специфических особенностей каждой школы.

CEIBS ориентирована на международное сотрудничество и развитие глобальных бизнес-компетенций. Цифровые платформы используются для управления корпоративными проектами, взаимодействия с выпускниками и реализации Executive Education. Особенностью является высокая степень интеграции образовательных и корпоративных сервисов [4].

Исследуя Tsinghua School of Economics and Management основной акцент сделан на использовании искусственного интеллекта и аналитики больших данных. Платформы позволяют прогнозировать потребности рынка труда и адаптировать образовательные программы под запросы работодателей. Школа активно использует цифровые инновационные лаборатории для совместной работы студентов, преподавателей и представителей бизнеса [5].

Guanghua School of Management развивает платформенную модель непрерывного обучения и взаимодействия с корпоративным сектором. Особое внимание уделяется цифровым сообществам выпускников и управлению знаниями [6].

Таблица 1 – Сравнительная характеристика цифровых платформ

Показатель	CEIBS	Tsinghua SEM	Guanghua
LMS-платформы	Высокий уровень	Высокий уровень	Высокий уровень
AI-аналитика	Средний уровень	Очень высокий	Высокий
Корпоративные сервисы	Очень высокий	Высокий	Высокий
Цифровые лаборатории	Высокий	Очень высокий	Средний
Платформы выпускников	Высокий	Средний	Очень высокий
Примечание: составлена автором на основе источников [4–7]			

Полученные результаты показывают, что наиболее развитая система аналитического управления реализована в Tsinghua SEM, тогда как CEIBS лидирует по уровню корпоративной интеграции.

На основе проведенного анализа предлагается авторская модель управления цифровыми платформами бизнес-школ, включающая четыре взаимосвязанных блока (рис. 1). Совместная работа данных блоков формирует цифровую экосистему взаимодействия бизнес-школы и корпоративного сектора.

Научная новизна заключается в разработке концептуальной модели цифрового управления корпоративным партнерством в бизнес-школах.

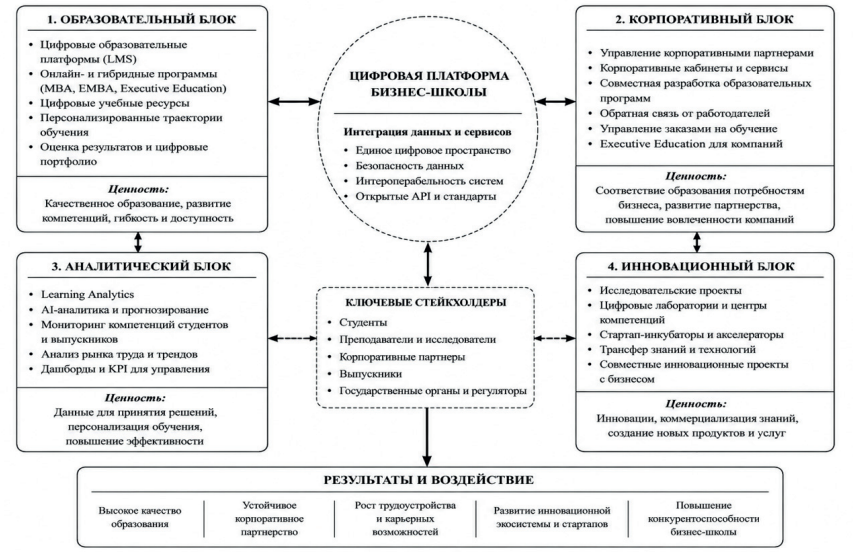

Рисунок 1 – Авторская модель управления цифровыми платформами бизнес-школы (четырехблочная интегрированная структура)

Рисунок 1 – Модель управления цифровыми платформами бизнес-школы (четырехблочная интегрированная структура)

Примечание: разработано автором на основе источников [7–8]

Предлагаемая модель рассматривает цифровую платформу не только как образовательную технологию, но и как инструмент стратегического управления академико-корпоративной интеграцией.

В отличие от существующих исследований, авторская модель объединяет:

– цифровое управление;
– корпоративное партнерство;

– искусственный интеллект;
– аналитику данных;
– инновационные экосистемы.

Предложенная концептуальная модель (Рис. 2) отражает систему управления цифровыми платформами в бизнес-школах Китая как многоуровневую экосистему, объединяющую государственную политику, академических и корпоративных стейкхолдеров, цифровую инфраструктуру, управленческие процессы и конечные результаты.

Рисунок 1 – Концептуальная модель управления цифровыми платформами в бизнес-школах Китая

Примечание: разработано автором на основе источников [6–10]

Научная ценность предложенной модели заключается в том, что цифровая платформа рассматривается не только как инструмент организации

обучения, но и как стратегический механизм координации взаимодействия между бизнес-школой и корпоративным сектором.

Верхний уровень модели представлен внешней средой, включающей государственную политику, экономику и рынок труда, технологические тренды и глобальную конкуренцию. Государственная поддержка цифровизации образования создает условия для внедрения технологий Smart Education, искусственного интеллекта, Big Data и онлайн-обучения. Рынок труда формирует спрос на новые управленческие и цифровые компетенции, технологические тренды определяют направления развития платформ, а международная конкуренция стимулирует бизнес-школы соответствовать мировым стандартам качества.

Центральным элементом модели выступает цифровая платформа бизнес-школы, объединяющая образовательные, корпоративные, аналитические и инновационные процессы в единую цифровую экосистему. Она обеспечивает интеграцию данных, сервисов и участников, способствуя эффективному управлению взаимодействием между академической средой и бизнесом.

Образовательный блок включает LMS, онлайн-обучение, цифровые ресурсы, гибридные программы и инструменты оценки результатов обучения. Его основная задача заключается в обеспечении гибкости, доступности и персонализации образовательного процесса.

Корпоративный блок обеспечивает взаимодействие с компаниями-партнёрами, HR-службами и отраслевыми ассоциациями посредством совместной разработки программ, цифровой обратной связи и управления корпоративными заказами на обучение.

Аналитический блок основан на использовании Learning Analytics, AI-аналитики, прогнозирования компетенций и системы KPI. Он позволяет принимать управленческие решения на основе данных, отслеживать результаты обучения и своевременно адаптировать образовательные программы к потребностям рынка.

Инновационный блок включает исследовательские проекты, цифровые лаборатории, стартап-инкубаторы, механизмы трансфера знаний и коммерциализации разработок. Данный компонент отражает роль бизнес-школ как центров инноваций и генерации новых управленческих решений.

Важным элементом модели являются платформенные возможности: интеграция данных и сервисов, совместимость систем, персонализация обучения, безопасность данных, масштабируемость и гибкость. Они обеспечивают устойчивое функционирование цифровой платформы.

Блок управления платформой включает стратегическое планирование, проектирование архитектуры, внедрение, мониторинг эффективности и непрерывное совершенствование. Такой подход позволяет адаптировать платформу к изменениям технологий и потребностей бизнеса.

В модели также выделены академические и корпоративные стейкхолдеры. К академическим относятся преподаватели, исследователи, студенты и выпускники, к корпоративным – компании-партнёры, HR-подразделения и профессиональные объединения. Их взаимодействие определяет эффективность цифровой экосистемы.

Результатами функционирования модели выступают повышение качества бизнес-образования, развитие корпоративного партнерства, усиление инновационной активности, рост трудоустройства выпускников и повышение конкурентоспособности бизнес-школы.

Основу модели составляют принципы клиентоцентричности, открытости, коллаборации, использования данных как стратегического ресурса, гибкости и этичного применения цифровых технологий.

Научная новизна модели заключается в том, что она объединяет сразу несколько подходов: Triple Helix, stakeholder theory, digital governance и platform ecosystem. В отличие от традиционных моделей университетско-корпоративного взаимодействия, данная схема показывает цифровую платформу как центральный управленческий механизм, через который осуществляется координация образования, бизнеса, аналитики и инноваций.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие рекомендации.

Во-первых, необходимо создание единых цифровых платформ взаимодействия между бизнес-школами и корпоративным сектором.

Во-вторых, следует расширить участие работодателей в разработке образовательных программ MBA, EMBA и Executive Education.

В-третьих, рекомендуется внедрение систем Learning Analytics и AI-инструментов для оценки качества образовательных программ.

В-четвертых, целесообразно создание корпоративных инновационных лабораторий на базе ведущих университетов Казахстана.

В-пятых, необходимо формирование национальной цифровой экосистемы бизнес-образования, объединяющей университеты, компании и государственные институты.

Заключение. Исследование показало, что цифровые платформы становятся ключевым инструментом управления взаимодействием между бизнес-школами и корпоративным сектором. Опыт ведущих бизнес-школ Китая демонстрирует эффективность платформенного подхода в развитии корпоративного партнерства, совершенствовании образовательных программ и формировании инновационных экосистем. Предложенная авторская модель может быть использована в качестве методологической основы для развития цифровой интеграции бизнес-образования и корпоративного сектора в Казахстане.

Список использованных источников

1. Etzkowitz H., Zhou C. The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation and Entrepreneurship.– 2nd ed.– London: Routledge, 2018.– 344 p.

2. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach.– Cambridge: Cambridge University Press, 2010.– 292 p.

3. OECD. Digital Education Outlook 2023: Towards an Effective Digital Education Ecosystem.– Paris: OECD Publishing, 2023.– 212 p. URL: https://www.oecd.org/education/digital-education-outlook

4. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2025.– Geneva: WEF, 2025.– 290 p. URL: https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2025

5. AACSB International. Business Education Intelligence Report 2024.– Tampa, FL: AACSB International, 2024.– 98 p. URL: https://www.aacsb.edu

6. China Europe International Business School (CEIBS). Annual Report 2024.– Shanghai: CEIBS, 2024. URL: https://cn.ceibs.edu/sites/portal.prod1.dpmgr.ceibs.edu/files/Shanghai%20CEIBS%20Education%20Foundation%20Annual%20Report%202024_0.pdf

7. Tsinghua University School of Economics and Management. Annual Report 2024.– Beijing: Tsinghua SEM, 2024. URL: https://www.sem.tsinghua.edu.cn/en

8. Peking University Guanghua School of Management. Annual Review 2024.– Beijing: Guanghua School of Management, 2024. URL: https://en.gsm.pku.edu.cn

9. Bond M., Marín V. I., Dolch C., Bedenlier S., Zawacki-Richter O. Digital Transformation in German Higher Education: Student and Teacher Perceptions and Usage of Digital Media // International Journal of Educational Technology in Higher Education.– 2018.– Vol. 15.– No. 48.– P. 1–20. https://doi.org/10.1186/s41239–018–0130–1

10. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic Review of Research on Artificial Intelligence Applications in Higher Education – Where Are the Educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education.– 2019.– Vol. 16.– No. 39.– P. 1–27. https://doi.org/10.1186/s41239–019–0171–0

DOI 10.34660/INF.2026.93.77.069

ОПТИМИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СКЛАДЕ

Самойлюк Андрей Игоревич
студент
Донецкий государственный университет
Ибрагимхалилова Татьяна Владимировна
доктор экономических наук, доцент
Донецкий государственный университет

Аннотация: *В статье освещается роль складской логистики в системе управления современным предприятием. Обосновывается необходимость оптимизации логистических процессов на складе, как одного из ключевых направлений повышения эффективности бизнес-операций. В статье рассматриваются основные складские операции, выявляются факторы, влияющие на эффективность складской деятельности, и предлагаются современные инструменты оптимизации, включая цифровизацию, автоматизацию и внедрение систем управления складом.*

Ключевые слова: *складская логистика, логистические процессы, склад, оптимизация, управление запасами, автоматизация, эффективность предприятия.*

Современные экономические реалии, характеризующиеся высокой волатильностью рыночной конъюнктуры, нарушением сложившихся кооперационных связей и необходимостью импортозамещения, вынуждают российские компании пересматривать подходы к организации товародвижения. В этой связи складская логистика выходит на передний план, поскольку именно склад аккумулирует значительную часть материальных ресурсов и генерирует существенную долю операционных издержек. Грамотное выстраивание логистических процессов на складе становится не просто вспомогательной функцией, а стратегическим ресурсом, позволяющим предприятиям повышать гибкость, сокращать затраты и укреплять свои позиции на рынке. Целью настоящей работы является обоснование ключевой роли оптимизации логистических процессов на складе и выявление приоритетных направлений повышения эффективности предприятия посредством совершенствования складской деятельности.

Функционирование любого складского комплекса можно представить как циклически повторяющуюся совокупность взаимосвязанных этапов: поступление грузов, их количественная и качественная приёмка, внутрискладское перемещение, размещение в зонах хранения, поддержание сохранности, комплектация заказов клиентов, упаковка и отгрузка. Каждый из перечисленных этапов требует чёткой координации и ресурсного обеспечения. Как справедливо замечает А. Н. Родников, «склад является системообразующим звеном логистической инфраструктуры, от эффективности работы которого зависят общие показатели деятельности компании» [1, с. 82]. Именно через склад проходят все материальные потоки, связывающие закупки, производство и сбыт, поэтому любые сбои или нерациональные решения в складском звене немедленно транслируются на всю цепочку поставок.

Ключевым условием успешного управления складом выступает интеграция всех выполняемых операций в единый технологический процесс. Такая интеграция позволяет ликвидировать разрывы между отдельными этапами, сократить время обработки грузов и снизить совокупные издержки. По определению Т. А. Прокофьевой, логистическое управление складом представляет собой «непрерывный цикл планирования, организации, контроля и корректировки складских операций, реализуемый в рамках системного, процессного и функционального подходов» [2]. Применение системного подхода означает рассмотрение склада как целостной подсистемы, встроенной в общую логистическую систему предприятия. Процессный подход требует детального описания последовательности складских операций с выделением «узких мест» и источников потерь. Функциональный подход предполагает чёткое распределение зон ответственности между структурными подразделениями склада (зона приёмки, зона основного хранения, зона комплектации, экспедиция) [3].

Значительный вклад в развитие теоретических основ складской логистики внёс Е. В. Крикавский, который подчёркивает, что «эффективность складских процессов достигается только при условии их согласованного взаимодействия со смежными функциями – закупочной, производственной и сбытовой логистикой» [4]. Действительно, склад не может существовать изолированно: параметры его работы (объём текущих запасов, скорость обработки заказов, уровень сервиса) напрямую зависят от точности прогнозов спроса, надёжности поставщиков и ритмичности производства.

Для достижения высоких показателей эффективности предприятия через улучшение складских процессов необходимо сформулировать чёткую систему приоритетов. К числу ключевых целей оптимизации логистических процессов на складе относятся:

Снижение операционных издержек – сокращение расходов на оплату складского персонала, амортизацию оборудования, электроэнергию, отопление, а также минимизация потерь от порчи или утери товаров.

Повышение качества клиентского сервиса – обеспечение высокой точности комплектации (не менее 99 %), соблюдение заявленных сроков отгрузки, оперативное информирование клиентов о статусе выполнения заказа.

Рост адаптивности складской системы – способность без существенных дополнительных затрат перестраивать процессы под изменения ассортимента, сезонные колебания спроса или новые каналы сбыта (интернет-торговля, маркетплейсы, розничные сети).

Рациональное управление товарными запасами – поддержание объёмов запасов на минимально достаточном уровне, исключающем как замораживание оборотных средств (излишки), так и простои из-за дефицита (невыполненные заказы).

Регулярный мониторинг результативности – измерение и анализ таких показателей, как стоимость обработки одной заказ-строки, доля ошибок при комплектации, среднее время нахождения товара на складе, коэффициент использования складской площади.

Внедрение цифровых решений и автоматизация – использование специализированных систем управления складом (WMS), терминалов сбора данных, радиочастотной идентификации, голосовой и световой комплектации.

Важнейшим практическим выводом, к которому приходят исследователи складской логистики, является понимание того, что управление запасами и складской обработкой – это не разовая акция, а перманентный процесс. Как верно отмечает М. А. Окландер, «задача менеджмента склада состоит не в том, чтобы однажды внедрить “правильные” методы, а в том, чтобы выстроить систему непрерывного совершенствования, позволяющую адаптироваться к меняющимся условиям» [5].

Методологической базой для такой системы выступает концепция «бережливого склада» (Lean-склад), заимствованная из производственного менеджмента. Применительно к складской логистике это означает систематическое выявление и устранение семи видов потерь: излишние перемещения персонала и техники, ожидания (простои), избыточные запасы, лишние этапы обработки, дефекты (ошибки комплектации), неиспользуемый потенциал сотрудников, а также нерациональное использование площади. Инструментарий бережливого подхода включает стандартизацию операций, организацию рабочих мест по системе «5S» (сортировка, соблюдение порядка, содержание в чистоте, стандартизация, совершенствование), визуальное управление (цветовая маркировка, навигационные схемы, световые индикаторы). Применение элементов Lean-логистики на складах позволяет сократить внутрискладские перемещения

на 20–35 %, а время обработки заказа – на 15–25 % без привлечения дополнительных инвестиций [6].

Не менее значимым направлением автоматизации складских процессов выступает внедрение адресного хранения в связке с WMS-системой. Суть метода заключается в том, что каждая единица хранения (паллета, короб, ячейка) получает уникальный адрес, а система в реальном времени фиксирует его местоположение и оптимальный маршрут для комплектации. Даже частичная автоматизация – например, замена бумажных заданий на терминалы сбора данных – сокращает количество ошибок с 3–5 % до 0,3–0,5 % [7]. Это особенно критично для предприятий, работающих с крупной номенклатурой и высокой частотой отгрузок.

Принципиальным отличием логистического подхода к управлению складом от традиционного административного является переход от функциональной разобщённости к процессной интеграции. В классической модели зона приёмки, зона хранения и зона отгрузки действуют как независимые подразделения, что порождает множество стыковочных потерь. В логистически организованном складе все операции рассматриваются как единый поток, а критерием эффективности служит не загруженность каждого участка в отдельности, а скорость и точность прохождения заказа «от ворот до ворот».

Как отмечает Ю. М. Неруш, «уровень складской логистики определяется двумя ключевыми ресурсами: качеством информационного обеспечения и состоянием материально-технической базы» [8]. Информационная составляющая включает достоверность учётных данных, оперативность обмена информацией между складом и другими подразделениями (отдел закупок, отдел продаж, бухгалтерия), а также наличие системы ключевых показателей. Материально-техническая база – это состояние стеллажного оборудования, погрузчиков, весовой техники, упаковочных линий. Только синхронное развитие обеих составляющих даёт синергетический эффект и приводит к реальному росту эффективности предприятия.

Важно подчеркнуть, что любые меры по оптимизации логистических процессов на складе должны базироваться на анализе требований конечных потребителей. Как справедливо утверждает В. И. Сергеев, «построение складской системы должно начинаться не с выбора техники или программного обеспечения, а с изучения запросов клиентов – желательных сроков, формата поставок, требований к упаковке и документообороту» [9, с. 267]. Такой подход гарантирует, что инвестиции в складскую инфраструктуру будут направлены на создание реальной ценности для покупателя, а не на решение внутренних удобств склада.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Складская логистика является одним из ключевых функциональных блоков

современного предприятия, определяющим его способность конкурировать по ценовым и сервисным параметрам. Оптимизация логистических процессов на складе представляет собой непрерывный управленческий цикл, включающий диагностику текущих операций, выявление источников потерь, выбор приоритетных методов улучшения (бережливые технологии, автоматизация, адресное хранение), внедрение изменений и контроль достигнутых результатов. Применение системного, процессного и функционального подходов в совокупности с использованием цифровых инструментов и регулярным мониторингом KPI позволяет предприятиям не только сокращать издержки, но и повышать оборачиваемость капитала, улучшать качество обслуживания и, в конечном счёте, увеличивать свою рыночную устойчивость в условиях экономической нестабильности.

Список литературы

1. Дыбская, В. В. Логистика: учебник для вузов / В. В. Дыбская, В. И. Сергеев; под общей редакцией В. И. Сергеева.– Москва: Издательство Юрайт, 2026.– 657 с.– (Высшее образование).– ISBN 978-5-534-18477-8.– Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].– URL: https://urait.ru/bcode/589615.

2. Миротин, Л. Б. Управление грузовыми потоками в транспортно-логистических системах: учебное пособие / Л. Б. Миротин, В. А. Гудков, В. В. Зырянов; под редакцией Л. Б. Миротина.– Москва: Горячая линия-Телеком, 2014.– 704 с.– ISBN 978-5-9912-0133-9.

3. Логистика: учебник для вузов / под редакцией В. В. Щербакова.– 2-е изд., перераб. и доп.– Москва: Издательство Юрайт, 2026.– 252 с.– (Высшее образование).– ISBN 978-5-534-06792-7.– Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].– URL: https://urait.ru/bcode/584806.

4. Григорьев, М. Н. Коммерческая логистика: теория и практика: учебник для вузов / М. Н. Григорьев, В. В. Ткач, С. А. Уваров.– 4-е изд., испр. и доп.– Москва: Издательство Юрайт, 2026.– 485 с.– (Высшее образование).– ISBN 978-5-534-21597-7.– Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].– URL: https://urait.ru/bcode/582726.

5. Финансовый менеджмент: учебное пособие / Е. Ф. Сысоева, А. И. Барабанов, А. С. Бородина [и др.]; под ред. Е. Ф. Сысоевой.– Москва: КноРус, 2020.– 496 с.– ISBN 978-5-406-01226-0

6. Интегрированные логистические системы доставки ресурсов: (теория, методология, организация) / И. А. Еловой, И. А. Лебедева.– Минск: Право и экономика, 2014.– 460 с.

7. Коргова, М. А. Менеджмент. Управление организацией: учебник для среднего профессионального образования / М. А. Коргова.– 3-е изд., испр. и доп.– Москва: Издательство Юрайт, 2026.– 206 с.– (Профессиональное образование).– ISBN 978-5-534-18729-8.– Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].– URL: https://urait.ru/bcode/587363.

DOI 10.34660/INF.2026.93.84.182

УДК 336.71:005.934

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ УГРОЗЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

Ермолов Кирилл Витальевич
студент
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Аннотация. *В работе исследованы основные внутренние и внешние угрозы финансовой безопасности кредитных организаций. Проведен SWOT-анализ банковского сектора и на его основе составлена матрица решений для нейтрализации ключевых рисков финансовой безопасности кредитных организаций. Проанализирована динамика просроченной задолженности физических лиц и уровня безработицы в Российской Федерации. Проведен корреляционно-регрессионный, демонстрирующий высокую зависимости между качеством выданных кредитов и колебаниями уровня занятости. На основе полученных результатов обоснована необходимость системного подхода к управлению рисками кредитных организаций, учитывающего взаимосвязь внутренних и внешних угроз.*

Ключевые слова: *финансовая безопасность, кредитные организации, SWOT-анализ, банковские риски, просроченная задолженность.*

Угрозы финансовой безопасности банковского сектора представляют факторы и условия, способные при определенных обстоятельствах привести к убыткам, оттоку капитала и в худшем случае масштабному банкротству кредитных организаций. Поэтому необходим их тщательный и всесторонний анализ.

Наиболее распространенная классификация существующих угроз предусматривает их разделение на внешние и внутренние [1]. Внешние опасности, как правило, возникают независимо от действий банковского сектора, соответственно, нельзя повлиять на возможность их реализации, но проведение мероприятий по обеспечению финансовой безопасности позволит снизить негативные последствия подобных рисков. Внутренние угрозы поддаются контролю: от действий банковского сектора зависит не только масштаб последствий, но и вероятность реализации опасности.

При этом всегда важно учитывать, что банковская деятельность всегда связана с риском, без этого невозможно получить прибыль. Поэтому в зависимости от сложившихся экономических условий, исторических особенностей, социальных факторов банки определяют приемлемую стратегию. Как правило, выбор стоит между более высокой доходностью и повышенным риском и низким риском и небольшой доходностью. Важно отметить, что подобное обстоятельство значительно затрудняет государственное регулирование банковской сферы, так как необходимо одновременно поддерживать безопасность и достаточный уровень доходности, учитывая индивидуальные особенности кредитных организаций.

Проанализируем основные внутренние и внешние угрозы финансовой безопасности банковской сферы, а также определим факторы, способствующие преодолению сложившихся рисков, методом SWOT-анализа (Таблица 1).

Таблица 1 – SWOT-анализ финансовой безопасности банковской сферы [2–13]

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
высокий уровень компетенции работников финансовой сферы	увеличение концентрации капитала
развитие национальных технологий в банковской сфере	рост просроченной задолженности физических лиц
использование большого количества различных финансовых инструментов	заключение договоров с ненадежными контрагентами
высокий уровень достаточности капитала и ликвидности активов	снижение процентной маржи
Возможности (O)	Угрозы (T)
тенденция к снижению ключевой ставки	развитие мошеннических схем
закрытие доступа к иностранным источникам капитала	повышение налоговых ставок, законодательные ограничения
рост объемов доступной информации	введение международных санкции
проведение социальной и экономической политики государством	экономические кризисы

На основе таблицы 1 можно сказать, что многие сильные и слабые стороны, возможности и угрозы финансовой безопасности также тесно связаны с отраслью информационных технологий. Так, развитие национальных технологий в банковской сфере позволило успешно осуществлять кредитные и расчетные операции после отключения от системы SWIFT [2]. Также активно развиваются интернет-банки, что значительно повышает удобство для пользователей услуг кредитных организаций [3]. Кроме того, в современном обществе объемы

информации растут очень быстро, банки, изучая потенциальных заемщиков, могут анализировать не только бухгалтерскую отчетность, но и судебные дела, отзывы клиентов, сообщения в СМИ. Все это позволяет сформировать целостный портрет того, кому планируется выдать кредит, поэтому важно уметь эффективно обрабатывать растущие потоки данных [4].

С каждым годом появляются новые мошеннические схемы. Большое распространение получают способы обмана с использованием современных технологий. Для финансовой безопасности банковской сферы необходимо уметь грамотно противостоять незаконным хищениям. Это связано с тем, что мошенники воруют деньги клиентов, представляясь сотрудниками кредитных организаций, что снижает доверие населения к финансовым институтам, также преступники могут обмануть внутренний персонал банка и украсть деньги [5]. Распространению хищений также способствует низкий уровень информационной безопасности организаций, с которыми работают банки, и злоумышленники часто получают доступ к ресурсам кредитных организаций через их подрядчиков [6]. Также, кроме прямых денежных потерь, взлом внутренних систем банка может привести к утечке данных, что также сопряжено с убытками и потерей деловой репутации.

Немало возможностей и угроз связаны с действиями государства. Так, снижение ключевой ставки центральным банком делает кредиты более доступными, что позволяет привлечь новых клиентов, тем самым увеличивая прибыль, ожидается, что к концу 2026 года ключевая ставка уменьшится до 12% [7]. Государственная социальная политика повышает спрос на банковские услуги, например программа Семейная ипотека делает кредиты на покупку жилья более привлекательными для семей [8]. Поддержка субъектов малого и среднего бизнеса облегчает погашение ими кредитов [9].

Банки должны постоянно анализировать изменения в законодательстве, регулирующие их деятельность, а также следить за процессом рассмотрения в Федеральном собрании Российской Федерации новых законопроектов, особенно тех, что направлены на регулирование налоговых взаимоотношений, работы финансовых институтов, раскрытия организациями бухгалтерской отчетности, функционирования рынка ценных бумаг. Если банковская сфера не сможет вовремя адаптироваться к законодательным изменениям, то это создает риски, способные привести к крупным штрафам, приостановлению деятельности, потери доверия со стороны клиентов и банкротству кредитных организаций. Следовательно, развитие системы нормативно-правовых актов является, с одной стороны, необходимым условием для поддержания стабильности и финансовой безопасности банковской сферы, с другой стороны, способно привести к определенным рискам для кредитных организаций [10].

Растет значимость международных событий как источника угроз и возможностей. Введение санкции негативно влияет на работу многих российских компаний, что отражается на их возможности погашать кредитные обязательства. В последние годы многие экономические кризисы (например, в 2008 году, 2014–2015 гг., 2019–2020 гг.) связаны с внешнеэкономическими событиями, такими как: спад экономики США, колебания цен на нефть и пандемия [11]. В это же время ограничения доступа к иностранному капиталу для российских компаний позволяет отечественным банкам увеличить объемы кредитования [12]. Но также важно отметить, что уход с российского рынка зарубежных компаний снизил возможности для диверсификации, из-за чего выросла концентрация капитала кредитных организаций [13].

Из слабых сторон следует отметить, что в настоящее время наблюдается снижение процентной маржи и ожидается ее сокращение в 2026 году до 4%, что негативно сказывается на финансовых показателях кредитных организаций [13].

В последние годы просроченная задолженность физических лиц демонстрировала высокие темпы роста, это приводит к увеличению рисков кредитного портфеля банков (Таблица 2).

Таблица 2 – Среднегодовая задолженность физических лиц-резидентов в Российской Федерации за 2021–2025 гг., млн руб. [3]

Год	2021	2022	2023	2024	2025	Базисный темп прироста (2026 г. к 2022 г.), %
Задолженность физических лиц-резидентов	22165618	25423557	29797960	35190009	35056366	58,16
Просроченная задолженность физических-лиц резидентов	941586	1021083	1132154	1210285	1528200	62,30

На основе таблицы 2 можно сказать, что базисный темп прироста просроченной задолженности за 2021–2025 гг., равный 62,3%, был выше базисного темпа прироста общей задолженности на 4,14 п.п. Таким образом, среднегодовой темп роста общей задолженности физических лиц-резидентов составил 112,14%, а просроченной задолженности – 112,87%. Если подобные темпы роста сохранятся, то в 2026 году просроченная задолженность составит 1724879 млн руб.

Сильными сторонами финансовой безопасности банковской сферы являются: высокая квалификация работников [11], значительный уровень

достаточности капитала и ликвидности [3], эффективное применение большого количества разнообразных финансовых инструментов [11].

На основе SWOT-анализа составим матрицу решений (Таблица 3).

Таблица 3 – Матрица решений по результатам SWOT-анализа банковской сферы

Сильные стороны+Возможности	Слабые стороны+Возможности
(S1+O3) квалифицированный персонал за счет новой информации сможет снизить банковские риски и повысить финансовые показатели	(W1+O2) инвестиции в отечественные компании, лишенных доступа к иностранным инвестициям, будет способствовать диверсификации капитала
(S2+O4) поддержка государством ИТ-отрасли уменьшит затраты на развитие национальных технологий и увеличит инновационную активность кредитных организаций	(W2+O1) снижение ключевой ставки позволит населению реструктуризировать кредит под более низкие процентные ставки, чтобы облегчить долговую нагрузку
Сильные стороны+угрозы	Слабые стороны+угрозы
(S3+T3) финансовые инструменты позволят найти новые возможности для вложения денежных средств в случае международных санкций	(W3+T1) заключение договоров с контрагентами с хорошей информационной защитой позволит снизить риски хакерских атак и мошеннических действий
(S4+T2) высокая финансовая устойчивость позволит сохранить прежние методы работы в случае усиления законодательных требований к банкам	(W4+T4) рост процентной маржи позволит сформировать резервы на случай наступления экономических кризисов

В таблице 3 представлены сочетания слабых сторон с возможностями и рисками, а также способы использования сильных сторон для устранения внешних угроз. Слабые стороны можно устранить за счет благоприятных условий: снижение ключевой ставки позволит снизить долговую нагрузку на население, а инвестиции в отечественные компании, которые потеряли доступ к источникам иностранного капитала, будет способствовать диверсификации кредитного портфеля. Устранение внутренних угроз позволит минимизировать внешние риски: выбор контрагентов с надёжной информационной защитой снижает угрозу хакерских атак и мошенничества, а рост процентной маржи позволяет сформировать резервы для преодоления экономических кризисов. Также благодаря сильным сторонам можно преодолеть внешние угрозы: использование финансовых инструментов позволяет снизить негативное влияние санкций на финансовые показатели банка (например, сделки РЕПО позволяют кредитным организациям повысить ликвидность в случае оттока иностранного капитала или договоры на покупку

иностранной валюты дают возможность получить дополнительный доход, если банком ожидаются изменения в экономике иностранного капитала), высокая финансовая устойчивость защищает от регуляторного риска, то есть кредитная организация может сохранить привычные методы работы без необходимости срочной и дорогостоящей перестройки процессов.

Рост просроченной задолженности негативно сказывается на финансовых показателях банковских организаций, так как ухудшает качество активов и может привести к значительным убыткам, что влияет на показатели достаточности капитала и ликвидности. Одним из основных факторов, влияющих на объемы просроченной задолженности, является уровень безработицы. Поэтому проведем анализ чувствительности и изучим, как колебания в уровнях безработицы способны повлиять на долю просроченной задолженности в общем объеме задолженности физических лиц (Таблица 4).

Таблица 4 – Доля просроченной задолженности физических лиц и уровень безработицы в Российской Федерации за 2024–2025 гг., % [3, 14]

	Просроченная задолженность физических лиц	Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет
1 кв. 2024 г.	3,4	2,8
2 кв. 2024 г.	3,4	2,6
3 кв. 2024 г.	3,4	2,4
4 кв. 2024 г.	3,5	2,3
1 кв. 2025 г.	3,8	2,3
2 кв. 2025 г.	4,2	2,2
3 кв. 2025 г.	4,5	2,1
4 кв. 2025 г.	4,7	2,2

На основе данных таблицы 4 можно сказать, что уравнение тренда для уровня безработицы составило (формула 1).

$$\hat{x} = 2{,}75 - 0{,}09t \quad (1)$$

где $\hat{x}$ – прогнозное значение уровня безработицы населения, %;

t – порядковый номер периода.

Коэффициент детерминации равен =0,84, следовательно, рассматриваемый показатель имеет тенденцию к снижению.

Для доли просроченной задолженности уравнение тренда составило (формула 2).

$$\hat{y} = 2{,}95 + 0{,}20t \quad (2)$$

где $\hat{y}$ – прогнозное значение доли просроченной задолженности физических лиц, %;

t – порядковый номер периода.

Коэффициент детерминации равен =0,87. Полученное уравнение свидетельствует о росте индикатора за 2024–2025 гг. Чтобы исключить влияние тенденции на уравнение регрессии уровня безработицы на долю просроченной задолженности, найдем отклонения от тренда (Таблица 5).

Таблица 5 – Отклонение от тренда доли просроченной задолженности физ. лиц и уровня безработицы в Российской Федерации за 2024–2025 гг., п.п. [3, 14]

	Отклонение от тренда доли просроченной задолженности физ. лиц, п.п.	Отклонение от тренда уровня безработицы, п.п.
1 кв. 2024 г.	0,28	0,13
2 кв. 2024 г.	0,05	0,02
3 кв. 2024 г.	-0,17	-0,09
4 кв. 2024 г.	-0,26	-0,11
1 кв. 2025 г.	-0,18	-0,02
2 кв. 2025 г.	0,01	-0,03
3 кв. 2025 г.	0,17	-0,05
4 кв. 2025 г.	0,11	0,14

Уравнение регрессии для отклонений от тренда составило (формула 3).

$$dy = 0{,}0002 + 1{,}524dx \quad (3)$$

где *dy* – отклонение от тренда доли просроченной задолженности физ. лиц, п.п.;

dx – отклонение от тренда уровня безработицы, п.п.

Коэффициент корреляции составил =0,75, что, согласно шкале Чеддока, говорит о высоком уровне связи (Таблица 6).

Таблица 6 – Регрессионный анализ отклонений от тренда доли просроченной задолженности физ. лиц и уровня безработицы в России за 2024–2025 гг. [3, 14]

Variable	Coefficient	Std Error	t-value	p-value	CI lower (95%)	CI upper (95%)
const	0.0002	0.0482	0.0042	0.9968	-0.1177	0.1181
dx2	1.524	0.5494	2,7739	0.0323	0.1797	2,8684

Проанализируем, как колебания уровня безработицы могут повлиять на просроченную задолженность физических лиц. Для этого рассчитаем прогнозные значения анализируемых показателей и определим отклонение ожидаемого значения уровня безработицы в 1 кв. 2026 г. от прогнозного (формула 4).

$$y_p = \hat{y} + 0{,}0002 + 1{,}524(x - \hat{x}) \quad (4)$$

где y_p – расчетное (прогнозное) значение доли просроченной задолженности физ.лиц, %;

$\hat{y}$ – прогнозное значение доли просроченной задолженности физических лиц, согласно линии тренда, %;

x – ожидаемое значение уровня безработицы в прогнозируемом периоде, %;

$\hat{x}$ – прогнозное значение уровня безработицы, согласно линии тренда, %.

На основе линий тренда в 1 кв. 2026 года ожидается, что доля просроченной задолженности физических лиц составит 5,3 %, а уровень безработицы – 1,9 %. Тогда, если безработица в 1 квартале 2026 года вырастит в 1,47 раз, то есть до уровня, когда наблюдалось наибольшее значение показателя в анализируемом периоде (2024–2025 гг.), то доля просроченной задолженности будет равна 6,7 %. Если уровень безработицы, наоборот, снизится в 1,47 раз, то доля просроченной задолженности составит 4,4 %. Следовательно, колебания в уровне безработицы способны привести к значительным изменениям объемов просроченной задолженности.

Таким образом, существует множество разнообразных внутренних и внешних угроз финансовой безопасности, которые следует рассматривать системно и комплексно. В то же время нейтрализация слабых сторон кредитных организаций помогает защититься от внешних угроз.

Используемая литература

1. Банковский менеджмент: учебник / коллектив авторов; под ред. д-ра экон. наук, проф. О. И. Лаврушина. – Москва: КНОРУС, 2024. – 332 с. – (Бакалавриат). – ISBN 978-5-406-12178-7.

2. Банк России. Итоги работы Банка России 2022: коротко о главном. [электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results_work/2022/razvitie-sistemy-platezhey-i-raschetov/ (дата обращения 06.06.2026)

3. Банк России. Статистика. [электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/ (дата обращения 05.06.2026)

4. Газпромбанк. Главные банковские тренды 2025 года. [электронный ресурс]. URL: https://www.gazprombank.ru/pro-finance/innovation/bankovskie-trendy-2025-goda/ (дата обращения 01.06.2026)

5. Банк России. Противодействие мошенническим практикам. [электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/information_security/pmp/ (дата обращения 05.06.2026)

6. Обзор основных типов компьютерных атак в финансовой сфере в 2025 году – М.: Банк России, 2026.

7. Ведомости. В «Финаме» прогнозируют ключевую ставку на уровне 12% к концу года. [электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2026/04/25/1193070-finame-klyuchevuyu-stavku (дата обращения: 27.05.2026)

8. ВТБ. Изменения в семейной ипотеке 2026 [электронный ресурс]. URL: https://www.vtb.ru/articles/ipoteka/izmeneniya-v-semeynoy-ipoteke-2026/ (дата обращения: 25.05.2026)

9. Банк России. Поддержка малого и среднего предпринимательства. [электронный ресурс]. URL: https://alfabank.ru/help/articles/sme/profits/kak-poluchit-lgotnyj-kredit-dlya-malogo-biznesa/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 30.05.2026)

10. Сравни. Закон о банках, федеральные законы о банковской деятельности, страхование в банках, ФЗ центрального банка. [электронный ресурс]. URL: https://www.sravni.ru/enciklopediya/info/zakon-o-bankakh/ (дата обращения 03.06.2026)

11. Банк России. Аналитика [электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/ (дата обращения 03.06.2026)

12. РБК. НРД под санкциями ЕС. Что можно и нельзя делать с бумагами России и США. [электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/629a30349a79473eb9e76922?= (дата обращения: 28.05.2026)

13. Эксперт РА. Банковский сектор [электронный ресурс]. URL: https://raexpert.ru/researches/bank_sector_2025/ (дата обращения: 29.05.2026)

14. Росстат: Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 05.06.2026)

DOI 10.34660/INF.2026.95.82.193

УДК 336.7:330.16

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Щупаковская Екатерина Алексеевна
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия

Аннотация: *В статье рассмотрены опыт, проблемы и новые вызовы в сфере финансовой грамотности населения России. Приведены данные о кредитной нагрузке, мошенничестве и поведении молодёжи. Представлены результаты небольшого опроса студентов, отражающего реальные финансовые привычки и пробелы в знаниях.*

Ключевые слова: *финансовая грамотность, финансовая культура, кредитная нагрузка, мошенничество, молодёжь, опрос, финансовое поведение.*

Abstract: *The article examines the experience, problems and new challenges in the field of financial literacy of the Russian population. Data on credit burden, fraud and the behaviour of young people are presented. The results of a small survey of students are given, reflecting real financial habits and gaps in knowledge.*

Keywords: *financial literacy, financial culture, credit burden, fraud, young people, survey, financial behaviour.*

В наше время финансовая грамотность является уже не дополнительным навыком, а частью повседневной жизни. То как человек распоряжается деньгами, напрямую отражается на его финансовом благополучии, отношении к кредитам и сбережениям. В конечном счете, на качество жизни семьи. При этом финансовая среда сегодня меняется очень быстро, появляются новые продукты и цифровые сервисы, а вместе с этим растет количество мошеннических схем.

Целью моей статьи является возможность рассмотреть опыт, проблемы и новые вызовы в сфере финансовой грамотности в России. Проверить отдельные выводы на примере небольшого опроса студентов. Использованы

анализ нормативных документов, обобщение данных Банка России и НАФИ, а также авторский опрос.

Регулярная работа в этой сфере началась в конце 2000х годов с совместного проекта Министерства финансов и Всемирного банка. Затем была принята стратегия повышения финансовой грамотности на 2017–2023 годы, а с 1 января 2024 года действует новая стратегия – повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р) [1].

Главное отличие новой стратегии – это акцент уже не только на знаниях, но и на установках и реальных привычках людей. По данным Аналитического центра НАФИ, индекс финансовой грамотности россиян вырос с 12,12 балла в 2018 году до 12,79 в 2022-м и составил 12,77 балла в 2024 году по шкале от 0 до 21 [4]. Около 70% граждан имеют средний или высокий уровень грамотности. Лучшие результаты – у людей старше 35 лет с высшим образованием в крупных городах, а молодёжь, сельские жители и неработающие традиционно отстают.

Ключевая проблема на данный момент это закредитованность. По данным Банка России, задолженность физических лиц на 1 января 2025 года составила 36,97 трлн рублей, увеличившись за 2024 год на 14,2%. Параллельно быстро растёт сумма начисленных, но ещё не выплаченных процентов – на 1 декабря 2024 года она достигла 607,8 млрд рублей [6]. Сервисы рассрочки воспринимаются многими не как кредит, а как удобный способ оплаты, и это создаёт скрытую долговую нагрузку.

Среди основных проблем будет являться мошенничество. В 2023 году объём операций, совершённых без согласия клиентов, составил 15,8 млрд рублей. Уже в 2024 году этот показатель вырос на 74% и достиг 27,5 млрд рублей [5]. Около половины случаев связаны с социальной инженерией: звонками от «службы безопасности», поддельными сайтами банков и государственных сервисов. Технические средства банков уже не справляются в одиночку – нужен грамотный пользователь, который умеет не доверять любому звонку и сообщению.

Значимым фактором является цифровизация. По отчёту ЦБ, в 2024 году доля цифровых финансовых услуг для граждан выросла с 83,4 до 86,9% [7]. Это удобно, но скорость операций сокращает время на размышление. Алгоритмы приложений подталкивают к импульсивным покупкам, оформлению подписок и кредитных карт «в один клик». В таких условиях финансовая грамотность – это не только знания, но и умение не торопиться, а проверять информацию и источники.

Существенным процессом выступает рост участия населения на фондовом рынке. Согласно данным Московской биржи, к концу 2024 года число людей с брокерскими счетами достигло 35,1 млн человек [8]. Однако в течение года сделки

совершали только 10,2 млн, а ежемесячно – около 3,9 млн. У многих уже есть банковские счета, но не у всех есть понимание, как ими правильно пользоваться.

Особого внимания заслуживает молодёжь. С одной стороны, она быстрее осваивает цифровые сервисы. С другой – именно у этой группы ниже уровень финансовой грамотности, выше склонность к спонтанным тратам и чаще встречается некритичное отношение к рассрочке и кредитным картам [4]. Поэтому в стратегии 2030г прямо зафиксирован ориентир: все школьники и студенты колледжей должны получать базовые знания по финансовой грамотности.

Чтобы понять как эти проблемы проявляются на практике, был проведен небольшой опрос среди студентов 1–4 курсов экономического факультета Кемеровского государственного университета. В опросе приняли участие 47 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Анкета включала 10 вопросов о ведении бюджета, использовании финансовых продуктов, столкновениях с мошенничеством и самооценке знаний. Опрос проводился анонимно в мае 2026 года через онлайн-форму.

Моя цель увидеть, какие установки и привычки преобладают у конкретной студенческой группы и совпадают ли они с общероссийскими тенденциями. Основные результаты сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Результаты опроса студентов КемГУ

Утверждение	Чел.	Доля, %
Ведут учёт расходов хотя бы периодически	19	40
Регулярно (каждый месяц) – только	7	15
Имеют кредитную карту	21	45
Пользовались рассрочкой («плати частями»)	28	60
Хотя бы раз тратили больше, чем планировали в месяце	39	83
Имеют сбережения (любую сумму на чёрный день)	17	36
Сталкивались со звонками или сообщениями мошенников	41	87
Перевели деньги или сообщили данные карты по такому звонку	4	9
Оценивают свои финансовые знания как «средние или высокие»	25	53
Реально знают, чем кредит отличается от рассрочки (по контрольному вопросу)	16	34

Самое заметное расхождение – между тем, как студенты сами оценивают свои знания, и тем, что они показывают на простых контрольных вопросах. О «средних или высоких» знаниях сообщили 53 %, а правильно объяснить

разницу между кредитом и рассрочкой смогли только 34%. При этом кредитной картой пользуется почти половины студентов, а рассрочка – больше половины.

Несмотря на позитивную оценку данной тенденции большинством опрошенных, актуальность остается. С мошенническими звонками сталкивались почти все 87%, однако поддались на их уговоры только 9%. Это совпадает с общей тенденцией: сами схемы становятся массовыми, но базовая настороженность у молодёжи в целом сформирована.

Можно сделать главный вывод практической части, что студенты в целом переоценивают уровень своих финансовых знаний. Тогда как навыки ведения бюджета, контроля расходов и накоплений недостаточно развиты. В результате наблюдается разрыв между тем, что респонденты знают о финансах, и тем как они действуют в повседневной жизни. Это подчеркивает важность развития практической составляющей программ финансовой грамотности.

Подводя итог, можно отметить несколько моментов. В России уже есть основа для финансового просвещения, а уровень финансовой грамотности постепенно растет. Остаются основные проблемы, в них входят закредитованность, мошенничество и разрыв между знаниями людей и их реальным финансовым поведением. Цифровизация также влияет на ситуацию, одновременно создавая новые возможности и риски.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года».

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.09.2017 № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы».

3. Кузина, О. Е. Финансовая грамотность и финансовое поведение населения России: динамика и факторы / О. Е. Кузина // Вопросы экономики. – 2022. – № 7. – С. 84–103.

4. Индекс финансовой грамотности россиян – 2024: результаты исследования Аналитического центра НАФИ [Электронный ресурс]. URL: https://nafi.ru/analytics/indeks-finansovoy-gramotnosti-rossiyan-2024/ (дата обращения: 10.05.2026).

5. Обзор операций, совершённых без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2024 год / Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 10.05.2026).

6. Российские банки второй год подряд обновили рекорд по чистой прибыли: задолженность физических лиц на 01.01.2025 / РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/finances/30/01/2025/ (дата обращения: 10.05.2026).

7. Итоги работы Банка России в 2024 году: развитие технологий и поддержка инноваций [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/results_work/2024/ (дата обращения: 10.05.2026).

8. Число частных инвесторов на Московской бирже превысило 35 миллионов: пресс-релиз ПАО Московская биржа [Электронный ресурс]. URL: https://www.moex.com/n76900 (дата обращения: 10.05.2026).

9. Зеленцова, А. В. Финансовая грамотность как фактор финансовой устойчивости домохозяйств / А. В. Зеленцова // Экономика. Налоги. Право.– 2021.– Т. 14, № 4.– С. 56–66.

10. Финансовая грамотность: официальный портал Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/fingram/ (дата обращения: 10.05.2026)

DOI 10.34660/INF.2026.96.14.169

УДК 657.6

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧЕТНЫХ ПРОЦЕССОВ: МОДЕЛЬ УЧЕТА ИМУЩЕСТВА

Беленкова Карина Андреевна
студент
Кемеровский государственный университет
Дудинская Татьяна Константиновна
преподаватель
Кемеровский государственный университет

Аннотация: *В статье рассмотрены проблемы развития бухгалтерского учета, анализа и аудита в условиях цифровой экономики, связанные с увеличением общего числа подлежащих учету хозяйственных операций в разных сферах экономики, что требует перехода на автоматизированную систему учета и анализа таких операций. В качестве предложения в статье для повышения качества учета, анализа и аудита операций предложен переход на цифровую модель учета имущества.*

Ключевые слова: *бухгалтерский учет, аудит, анализ, цифровая экономика, цифровая модель учета имущества, автоматизация.*

Abstract: *The article discusses the problems of the development of accounting, analysis and auditing in the digital economy, associated with an increase in the total number of business transactions to be accounted for in different areas of the economy, which requires the transition to an automated accounting system and analysis of such transactions. As a suggestion in the article, the transition to a digital property accounting model is proposed to improve the quality of accounting, analysis and audit of operations.*

Keywords: *accounting, audit, analysis, digital economy, digital property accounting model, automation.*

В условиях цифровой экономики совершенствованию процесса повышения достоверности ведения бухгалтерского учета, анализа и аудита активно способствует реализуемый ориентир на цифровизацию бухгалтерского учета, внедрение цифровой модели учета имущества предприятия.

Основой для получения эффективного финансового результата, недопущения наложения штрафов и санкций со стороны налоговых и иных проверяющих органов является грамотно выстроенная на предприятии цифровая модель учета, анализа и аудита. При этом понимание работы данной системы должно основываться на действующих нормативно-правовых основах осуществления бухгалтерского и налогового учета в РФ, внедрения новых цифровых технологий и моделей цифрового учета в бухгалтерском учете и аудите.

Отдел бухгалтерии и каждый его сотрудник должен в совершенстве владеть всей нормативно-правой базой принятой на законодательном уровне и подкрепленной разъяснениями и подзаконными актами в сфере бухгалтерского учета, правильно осуществлять учет имущества, основных и оборотных средств предприятия, а также источников его формирования.

При таких обстоятельствах исследования, связанные с проведением анализа проблем и перспектив развития в цифровой экономике бухгалтерского учета и аудита, основанных на внедрении цифровой модели учета, являются актуальными и практически востребованными.

Целью настоящей статьи является исследование проблем и перспектив развития в цифровой экономике бухгалтерского учета и аудита, ориентированного на цифровые модели учета имущества.

Бухгалтерский учет основан на соблюдении предприятием ключевых учетных принципов, сформированных в основе законодательной регламентации учета, выработавшейся на практике методологии учета, а также на применение современных моделей автоматизации и цифровизации бухгалтерского учета, анализа и аудита.

Цифровые технологии находят свое применение в различных областях бухгалтерского учета и требуют в свою очередь формирования надежной правовой базы регулирования правовых отношений, которые возникают между субъектами права при применении информационных технологий [1].

На сегодняшний день проблемы развития бухгалтерского учета, анализа и аудита в условиях цифровой экономики можно сформулировать следующим образом:

– увеличение общего количества хозяйственных операций в единицу времени в современном формате ведения предпринимательской деятельности, что требует больших трудозатрат при их учете. Применения только автоматизации учета и анализа недостаточно, необходимы более комплексные решения по цифровизации модели учета, анализа и аудита операций;

– рост количества хозяйственных операций усложняет процедуры анализа и аудита правильности их совершения, что также требует перехода

предприятий на новые программные решения в условиях цифровой экономики по более полной автоматизации данных процессов.

Решение обозначенных проблем состоит в перспективе внедрения в деятельность предприятий программных продуктов, связанных с цифровой моделью учета имущества.

Регулирование процесса использования информационных технологий, реализация субъектами права своих возможностей и вступление в правоотношения в системе информации, информационных коммуникаций, защиты права собственности на информационные интеллектуальные продукты – все это входит в направление активного использования в процессе бухгалтерского учета цифровых продуктов, включая и цифровую модель учета имущества.

Цифровая модель учета имущества представляет собой систему регистрации и автоматизации управления активами организации с учетом отражения всех необходимых сведений об имуществе в регистрах бухгалтерского учета в автоматизированной форме [2].

В настоящее время цифровые модели учета имущества как элемент цифровизации системы бухгалтерского учета, анализа и аудита включают в себя следующие инструменты:

– RFID-метки и штрих-коды. Данная технология представляет собой нанесение определенного штрих-кода на поверхность объекта основных средств организации для внесения в него всех данных об этом объекте, периоде постановки на баланс, начисленной суммы амортизации и т.д. в цифровом режиме. Для анализа такого имущества достаточно провести сканером по данной RFID-метке и штрих-коду, чтобы получить интересующую информацию об объекте;

– мобильные терминалы сбора данных в составе цифровой модели учета имущества (TCD). Технология позволяет с применением мобильного приложения осуществлять учет и управление объектом имущества в режиме реального времени;

– облачные технологии, которые позволяют также автоматизировать процесс учета имущества предприятия, его оценку, синхронизацию данных об использовании данного объекта;

– интеграция с ERP-системами, которые в свою очередь входят в состав продукта 1С: Бухгалтерия. 8.3. За счет такой синхронизации возможно обеспечить более полный контроль, комплексный учет и управление вверенными объектами имущества малого предприятия.

Автоматизированная форма бухгалтерского учета, исходя из цифровой модели учета имущества, предполагает собой использование сотрудниками бухгалтерии предприятия специальных программных продуктов в сфере заполнения, анализа и формирования бухгалтерской документации с применением персонального компьютера. Первоначальной основой ведения автоматизированного

бухгалтерского учета является установка на компьютеры бухгалтерии лицензированного программного продукта, обучение сотрудников по его использованию, а также реализация практических примеров формирования форм бухгалтерской отчетности и документов в автоматизированном режиме [2].

Преимущества и перспективы внедрения на предприятие цифровой модели учета имущества:

– переход на автоматизацию и цифровизацию бухгалтерского учета основных средств и оборотных активов, включая товарно-материальные запасы предприятия, что существенно упрощает характер осуществления бухгалтерами работ по учету такой категории объектов;

– сокращение времени на проведение операции по бухгалтерскому учету, формированию документов и сводной бухгалтерской отчетности за счет внедрения модели цифрового учета имущества предприятия, оптимизации процесса формирования и поиска данных по каждому объекту в цифровом режиме;

– повышение точности, достоверности учетной информации, снижение количества ошибок по сравнению с ручной формой учета имущества предприятия, проводимых операций с активами, вовлечением их процесс осуществления производства либо выполнения работ, оказания услуг клиентам;

– повышение производительности труда работников бухгалтерии, освобождение их от исполнения рутинных трудовых обязанностей по подсчету, суммированию показателей, предоставление возможности для развития информационного поля анализа и улучшения результатов финансовой деятельности предприятия;

– формирование в единое целое отдельных структурных элементов учета и планирования, единая систематизированная форма учета сведений и информации по бухгалтерскому учету.

Таким образом, рассмотренные проблемы развития бухгалтерского учета, анализа и аудита в условия цифровой экономики требуют своего объективного решения, что и послужило основой формирования предложения по внедрению на предприятии цифровой модели учета имущества.

Список литературы:

1. Жигунова, Н. В. Анализ и развитие цифровой трансформации бухгалтерского учета / Н. В. Жигунова // Экономика и бизнес: теория и практика.– 2026.– № 1.– С. 97–101.

2. Лапидус, Л. В. Прикладной искусственный интеллект и цифровая трансформация бизнеса. Книга 1: Эпоха цифровой экономики, экономики данных, ИИ-трансформации и Индустрии X.0: монография / Л. В. Лапидус.– Москва: ИНФРА-М, 2026.– 501с.

DOI 10.34660/INF.2026.96.51.075

УГЛУБЛЁННАЯ АНАЛИТИКА АЗИАТСКИХ РЫНКОВ ДЛЯ ПОСТАВОК ПРОДУКЦИИ РОССИЙСКОГО ЛПК

Такваров Тарас Яковлевич
аспирант
Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова», г. Пермь, Россия

Важной особенностью развития рынков продукции российского лесопромышленного комплекса является существенная переориентация экспортных поставок продукции ЛПК с западного направления (рынков Западной Европы) на юго-восточное: Китай, Вьетнам, Южная Корея. При этом Китай представляет собой не единый рынок, а совокупность региональных рынков с существенно различающимися особенностями спроса, ценообразования и логистики [1]. Для целей стратегического планирования развития российского экспорта продукции ЛПК нужно выделить семь ключевых региональных рынков в КНР, имеющих значение для российских экспортёров лесопродукции (см.таблицу 1)

Таблица 1. Структура емкости импорта российской лесопродукции на китайских региональных рынках

Регион	Ёмкость, млн м³ п/м	Доля в импорте из РФ, %	Средняя цена, $/м³	Ключевая спецификация
Северо-Восток (Хэйлунцзян, Цзилинь)	5,2	38,1	205	Пиломатериалы строит., мебельные
Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй	3,8	15,4	238	Строит. пиломатериалы, плита
Дельта Янцзы (Шанхай)	4,1	11,9	265	Мебельные, интерьерные
Дельта Чжуцзян (Гуандун)	3,9	14,7	248	Мебельные для экспорта
Шаньдун	2,4	8,2	220	Строит., мебельные
Юго-Запад (Чунцин, Сычуань)	2,1	6,8	228	Строит., интерьерные
Северо-Запад (Шэньси, Ганьсу)	1,2	4,9	242	Строит., мебельные

Стратегические рекомендации автора по региональному распределению экспортных усилий заключаются в необходимости концентрации усилий по расширению экспорта лесоматериалов прежде всего на Северо-Восточном направлении (самая короткая логистика, крупнейшая ёмкость, традиционные связи), постепенное освоение сегмента мебельного экспорта через кластер Гуандун, таргетирование сегмента премиальной интерьерной древесины в дельте Янцзы с опорой на эстетические породы (ясень, дуб, карагач, лиственница сибирская).

Нужно отметить, что двусторонняя торговля РФ–КНР лесопродукцией за период 2018–2025 гг. претерпела кардинальные структурные изменения. Объём российского экспорта лесоматериалов в КНР в стоимостном выражении вырос с 4,1 млрд долл. в 2018 г. до 6,7 млрд долл. в 2024 г. (+63 %), тогда как общая экспортная выручка ЛПК РФ за этот же период сократилась с 13,9 до 9,3 млрд долл. (–33 %). Доля КНР в российском лесном экспорте увеличилась с 31 % до 72 %. Одновременно Россия остаётся чистым импортёром китайской мебели (2,8 млрд долл. в 2024 г.), деревянных строительных конструкций и лесохимии (1,1 млрд долл.). далее в таблице 2 представлена структура экспорта отечественной продукции отраслей ЛПК в КНР.

Таблица 2. Структура экспорта продукции отраслей российского ЛПК в КНР

Номенклатура	Объём 2024	Ед. изм.	Цена, долл./ед.	Доля в экспорте в КНР, %
Пиломатериалы хвойные	15,9	млн м³	218	47,2
Пиломатериалы лиственные	2,1	млн м³	289	8,3
Круглый лес	3,2	млн м³	94	4,1
Фанера	1,4	млн м³	472	9,9
Пеллеты топливные	0,68	млн т	171	1,7
ЦБП	0,9	млн т	612	8,3
Продукция высокого передела	—	—	—	20,5

Источник: составлено автором

В целом динамика экспорта лесопродукции РФ и доли КНР в этом экспорте в 2018–2025 гг. представлена на рисунке 1.

График на рисунке 1 демонстрирует устойчивый рост доли КНР в российском лесном экспорте с 44,2 % в 2018 г. до 73,4 % в 2025 г. (прогноз) на фоне резкого сокращения экспорта круглого леса после 2022 г. в связи с санкционными ограничениями и повышением пошлин на необработанную древесину [3].

Рисунок 1. Динамика экспорта лесопродукции РФ и доли КНР, 2018–2025 гг.

Источник: составлено автором

Однако расширение российского экспорта лесопродукции в КНР ограничено рядом факторов, относящихся к внутренним факторам формирования данного рынка в самом Китае. Это следующие факторы

1. *Наличие в Китае крупных мебельных кластеров.* Китайская мебельная индустрия организована в виде территориально-производственных кластеров, крупнейшими из которых являются: кластер Дунгуань (провинция Гуандун, офисная и мягкая мебель, около 38% экспортного производства мебели КНР), кластер Фошань (Гуандун, плитная мебель и кухни), кластер Шанхай–Цзясин (премиальная мебель), кластер Цзинань (Шаньдун, деревянные двери и окна), кластер Ланьконь (Фуцзянь, мебель из массива). Эти кластеры выступают ключевыми потребителями российского пиловочника и пиломатериалов. Однако российская продукция глубокой переработки (CLT, мебельный щит, инженерный паркет) имеет ничтожную долю на китайском рынке – менее 0,4%.

2. Барьеры выхода глубокопереработанной продукции. Основные барьеры для выхода российской высокопередельной лесопродукции на рынок КНР: (1) ценовая конкуренция с местными производителями при высоких логистических издержках; (2) отсутствие развитых дистрибьюторских сетей и шоурумов в ключевых регионах КНР; (3) слабая узнаваемость российских брендов; (4) регуляторные барьеры – требования CCC-сертификации, санитарно-гигиенические нормы GB-18580, противопожарные

нормы GB-8624; (5) дефицит русско-китайских специалистов по технико-коммерческим переговорам; (6) курсовая волатильность пары рубль–юань, затрудняющая долгосрочное контрактование.

Тем не менее, можно привести успешные пример создания стратегических альянсов с китайскими девелоперами.

В качестве такого примера в сегменте CLT-экспорта рассматривается гипотетический проект сотрудничества ООО «ТаёжныйЛес» с китайским девелопером среднего уровня (условно – «Shandong Luheng Construction»), специализирующимся на школьном и дошкольном строительстве в провинции Шаньдун. Ключевые параметры альянса: долгосрочный (7 лет) контракт на поставку 18 тыс. м³ CLT-панелей в год с ежегодной индексацией на 3,5 %, совместные инвестиции в склад и шоурум в Циндао (50/50, 220 млн руб.), совместная разработка проектной документации типовых школ на базе российского CLT, обмен инженерами для технологического аудита и подтверждения качества. Такой альянс обеспечивает гарантированный сбыт 30 % мощности CLT-линии и снижает рыночный риск проекта.

Далее кратко проанализируем возможности расширения экспорта продукции российского ЛПК в других станы Юго-Восточной Азии: Вьетнам, Южную Корею, Индия и Ближний Восток.

Второй мировой мебельной фабрикой (после Китая) в настоящее время становится Вьетнам. В 2024 г. Вьетнам обеспечил экспорт мебели на сумму 14,2 млрд долл. Вьетнамская мебельная индустрия концентрируется в провинциях Биньзыонг (кластер Туандык – 45 % производства), Донгнай (22 %), Хо Ши Мин (12 %), Бакнинь (8 %). Ключевой сырьевой ресурс – плантационная акация и эвкалипт (собственные плантации Вьетнама – 4,2 млн га), плюс импорт из Лаоса, Камбоджи, Китая. Российский пиломатериал (особенно лиственничный и ясеневый) находит нишевый спрос в сегменте премиальной мебели из массива; объёмы экспорта в 2024 г.– 280 тыс. м³, перспектива роста – до 600 тыс. м³ к 2030 г. при целенаправленной маркетинговой работе.

Особый премиальный сегмент в продаже продукции деревообработки обеспечивает Южная Корея. Это страна является ключевой на азиатских рынках для премиальных лесопродуктов. В структуре спроса доминируют: пеллеты премиум-сегмента (DINplus, ENplus-A1) – 3,8 млн т/год, строительные пиломатериалы для высотного строительства – 2,1 млн м³/год, инженерная древесина – 0,6 млн м³/год, мебельный щит – 0,2 млн м³/год. Требования к качеству и сертификации чрезвычайно высоки (KS-маркировка, сертификация Korean Institute of Forest Science), но отпускные цены на 25–40 % выше китайских. Российские экспортёры после 2022 г. существенно увеличили присутствие на корейском рынке: экспорт пеллет вырос с 180 тыс. т в 2022 г. до 520 тыс. т в 2024 г., пиломатериалов – с 1,1 до 2,4 млн м³.

Перспектива – закрепление на сегментах наноструктурированных материалов, термодревесины, премиальной мебели.

Индийский рынок лесопродуктов, оцениваемый в 28 млрд долл. (2024 г.), представляет значительный потенциал для российской экспортной экспансии, особенно в сегментах фанеры, плит MDF/XDF, мебельного щита, домокомплектов для премиального загородного строительства. Индия ввозит 85% фанеры и 68% MDF (основные поставщики – Малайзия, Индонезия, Китай). Российские производители имеют конкурентные возможности в сегменте лиственной древесины (берёза, осина, тополь) – собственные индийские леса дают преимущественно тропические породы, не пригодные для плитного производства. Логистика через российские порты на Чёрном море (Новороссийск, Туапсе) и далее через Суэцкий канал либо через Иран и далее по Международному транспортному коридору «Север–Юг» обеспечивает 28–35-дневные сроки доставки [2].

Ближневосточные рынки (ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Оман) демонстрируют устойчивый рост спроса на премиальные лесопродукты, в первую очередь на CLT для высотного жилого строительства, дубовый паркет, premium-мебель из массива, инженерный пиломатериал. Ключевые покупатели – строительные холдинги Emaar, Nakheel, DAMAC, Aldar, мебельные сети The One, Home Centre, IKEA Middle East. Рынок ценит российский дуб и лиственницу за экзотическую эстетику и возможность прямого импорта без колониальных цепочек поставок.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать вывод о достаточно значительных возможностях предприятий российского лесопромышленного комплекса по расширению экспорта их продукции.

Список источников

1. В Китай уходит больше половины экспорта российской древесины. Электронный ресурс: Режим доступа: https://prim.rbc.ru/prim/freenews/651a488d9a79476f289ecbb4 (дата обращения 11.05.2026)

2. Кривокоченко Л. В. Возможности и перспективы развития российского экспорта пиломатериалов в Китай и Индию // Российский внешнеэкономический вестник, 2020, № . 7, с 58–66. doi:10.24411/2072-8042-2020-00071

3. Якимов А. Экспорт российской древесины в Китай 2026: перспективы и логистика. Электронный ресурс: Режим доступа: https://chinalogist.ru/export/eksport-rossiiskoi-drevesiny-v-kitai-2026-perspektivy-i-logistika (дата обращения 11.05.2026)

DOI 10.34660/INF.2026.94.27.093

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Абдусаломзода Мунаввара Алиакбар
соискатель
Институт философии и политологии им.А.Багоутдинова Национальной академии наук Таджикистана,
г. Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. *В статье анализируются особенности формирования и реализации государственной молодежной политики Республики Таджикистан в условиях современных социально-политических преобразований. Рассматриваются основные факторы, влияющие на социализацию молодежи, включая процессы глобализации, цифровизации, миграции, трансформации ценностных ориентаций и развитие гражданского общества. Особое внимание уделяется нормативно-правовым основам государственной молодежной политики, механизмам вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь страны, а также проблемам повышения эффективности реализации стратегических документов в данной сфере. Обосновывается необходимость совершенствования межсекторного взаимодействия государственных институтов, образовательных организаций, семьи и институтов гражданского общества в целях формирования активной гражданской позиции и укрепления национальной идентичности молодежи.*

Ключевые слова: *молодежь, государственная молодежная политика, социализация молодежи, национальная идентичность, политическое участие, гражданское общество, молодежные организации, цифровизация, миграция, Республика Таджикистан.*

Современный мир всё чаще сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами, затрагивающими государства и общества. В стремлении реализовать собственные военно-политические и экономические интересы, расширить сферы влияния и укрепить свои позиции на международной арене ведущие мировые державы используют различные механизмы воздействия на другие

страны. К таким механизмам относятся как прямое давление, так и дипломатические и экономические инструменты влияния.

Однако особую опасность представляют процессы, способствующие возникновению внутренних противоречий и социальной напряжённости. Речь идёт о распространении чуждых культурных образцов, ценностей и идей, внедрении установок, противоречащих национальным интересам государства, а также формировании негативного отношения населения к проводимой государственной политике. В современных условиях экспансия всё чаще осуществляется посредством инструментов «мягкой силы» и информационного воздействия.

В этой связи необходимо учитывать, что наибольшему влиянию подобных процессов подвержена молодёжь, которая нередко становится основной целевой аудиторией внешних идеологических воздействий. Именно поэтому каждое государство разрабатывает механизмы защиты своих внутренних и внешних интересов, одним из которых выступает государственная молодёжная политика, реализуемая через соответствующие стратегии и программы развития молодёжи.

Молодёжная политика является одним из важнейших направлений социальной политики Правительства Республики Таджикистан. Она охватывает все основные сферы работы с молодёжью как внутри страны, так и за её пределами, определяет приоритеты, формы и механизмы государственной поддержки молодого поколения, а также основные направления реализации государственной политики в данной области [9, с. 103–106; 6, с. 137].

Начиная с 1970-х годов большинство государств мира стало уделять повышенное внимание вопросам молодёжи, рассматривая молодёжную политику в качестве одного из приоритетных направлений государственной деятельности. В общем виде к основным задачам государственной молодёжной политики относятся:

– защита прав и законных интересов молодёжи;

– привлечение молодых граждан к общественно-политической и социально-экономической жизни страны;

– воспитание чувства патриотизма, гражданской ответственности и национальной гордости;

– сохранение и укрепление национальных ценностей.

Для эффективной реализации поставленных задач необходимо наличие специализированного государственного института, ответственного за работу с молодёжью, координацию соответствующей деятельности и контроль за её осуществлением. Вместе с тем должно быть чётко определено, на какую социально-демографическую группу направлена молодёжная политика, то есть необходимо установить критерии отнесения граждан к категории молодёжи (возрастные рамки, социальный статус и другие характеристики). Важным условием успешного осуществления молодёжной политики является наличие

стратегических ориентиров и долгосрочных планов деятельности соответствующих органов. Не менее значимым представляется создание механизмов мониторинга и оценки результатов реализуемых программ, позволяющих своевременно выявлять существующие недостатки, определять сильные и слабые стороны проводимой политики и корректировать её дальнейшее развитие.

Представляется необходимым выделить ряд специфических факторов, характерных для современного развития Республики Таджикистан, которые следует учитывать при формировании государственной молодёжной политики, а также при разработке стратегий и целевых программ, ориентированных на молодое поколение.

Прежде всего следует отметить процессы становления общества потребления, которые, с одной стороны, выступают следствием социально-экономического развития страны, а с другой – способствуют распространению новых ценностных установок, не всегда согласующихся с традиционными национальными ценностями. Особенно заметным становится усиление индивидуалистических ориентаций среди молодёжи, что может оказывать влияние на характер семейных отношений, межпоколенческие связи и механизмы социальной солидарности.

Если представители предыдущих поколений в большей степени ориентировались на производительную деятельность и коллективные формы взаимодействия, то в условиях потребительского общества всё более заметной становится тенденция формирования модели поведения, основанной на приоритете личных интересов и удовлетворении индивидуальных потребностей. В результате значительная часть молодёжи оказывается вовлечённой в систему ценностей, где личный успех, материальное благополучие и потребление занимают центральное место.

В связи с этим при разработке и реализации программ работы с молодёжью необходимо учитывать объективные социальные изменения, происходящие в обществе, а также их влияние на ценностные ориентации и поведенческие установки молодого поколения. Исследование данных процессов приобретает особую актуальность, о чём свидетельствует значительное внимание, уделяемое данной проблематике в современной социологической литературе и исследованиях российских учёных [4, 64, 65].

Во-вторых, существенное влияние на формирование мировоззрения и ценностных ориентаций молодёжи оказывает развитие информационного общества. Современные информационно-коммуникационные технологии значительно расширяют возможности получения знаний, обмена информацией и участия в общественной жизни. Вместе с тем наряду с позитивными эффектами наблюдаются и определённые риски, связанные с распространением недостоверной информации, информационными манипуляциями, снижением

критического восприятия отдельных социальных и политических процессов, а также некритическим заимствованием чуждых ценностных установок.

В научной и общественно-политической литературе всё больше внимания уделяется различным механизмам информационного воздействия на массовое сознание. В частности, в качестве одной из моделей изменения общественного восприятия нередко рассматривается концепция так называемого «окна Овертона», разработанная американским исследователем Джозефом Овертоном и впоследствии получившая дальнейшее развитие в работах ряда авторов. Согласно данной концепции, общественное отношение к тем или иным идеям может постепенно трансформироваться под воздействием информационных, культурных и политических факторов, вследствие чего первоначально неприемлемые для общества взгляды со временем могут перейти в категорию допустимых или даже общепринятых.

Следует согласиться с мнением М. У. Хидирзода, который отмечает, что молодое поколение XXI века существенно отличается от молодёжи предыдущих эпох, поскольку формируется в условиях беспрецедентной доступности информационных ресурсов и цифровых технологий [7, с. 157]. Это обстоятельство требует пересмотра традиционных подходов к работе с молодёжью и внедрения современных механизмов взаимодействия, отвечающих потребностям и особенностям нынешнего поколения.

При этом использование инновационных методов молодёжной политики не означает отказа от накопленного опыта предыдущих лет. Напротив, эффективная государственная политика должна сочетать проверенные временем формы воспитательной и образовательной работы с новыми технологиями и инструментами коммуникации, позволяющими адекватно реагировать на вызовы современного информационного общества.

В-третьих, одной из характерных особенностей современного таджикского общества является высокий уровень миграционной активности населения, прежде всего молодёжи. Несмотря на наличие ряда положительных аспектов, связанных с трудовой миграцией, к её негативным последствиям относится отток квалифицированных специалистов и сокращение интеллектуального потенциала страны. В этой связи государственная молодёжная политика должна предусматривать комплекс мер, направленных на сохранение человеческого капитала и создание условий для профессиональной самореализации молодёжи внутри страны.

Кроме того, неуправляемые и стихийные миграционные процессы способны оказывать влияние на демографическую ситуацию. Массовый выезд наиболее активной части населения приводит к сокращению трудовых ресурсов, изменению возрастной структуры общества и нарушению сложившегося социально-демографического баланса. Подобные процессы могут отражаться

и на функционировании института семьи, поскольку изменяется соотношение молодых мужчин и женщин, усложняются условия создания и сохранения семейных отношений.

В связи с этим представляется целесообразным уделять особое внимание вопросам воспитания, образования и социализации молодёжи, особенно девушек и молодых женщин, проживающих в сельской местности. Значительный интерес в данном направлении представляют результаты исследований, посвящённых проблемам трудовой миграции в системе социально-трудовых отношений Республики Таджикистан [7]. Существенный научный материал по данной проблематике содержится также в работах отечественных исследователей, анализирующих исторические предпосылки миграционных процессов и их современное состояние.

В-четвёртых, при разработке государственной молодёжной политики необходимо учитывать региональную специфику развития страны. Социально-экономические, культурные и демографические особенности различных регионов Республики Таджикистан существенно различаются, что требует дифференцированного подхода к реализации молодёжных программ. Эффективность государственных мер во многом зависит от того, насколько полно учитываются местные условия, традиции и потребности молодого населения конкретных территорий [5, с. 429].

В-пятых, важным направлением исследований является изучение особенностей мировоззрения современной молодёжи и факторов, определяющих его формирование. Анализ показывает, что в последние десятилетия как в мировом масштабе, так и в Таджикистане наблюдается рост интереса к религиозным ценностям и практикам. Представители различных направлений общественных наук связывают данный процесс с совокупностью экономических, социальных и культурных причин.

К числу экономических факторов относятся снижение уровня благосостояния отдельных групп населения, безработица, ограниченный доступ к ресурсам и неравномерность их распределения. Среди социальных факторов выделяются различия в доступе к качественному образованию и медицинским услугам, а также усиление социального расслоения общества. Культурно-ценностные факторы связаны с трансформацией традиционной системы ценностей, поиском новых мировоззренческих ориентиров и изменением духовно-нравственных установок молодёжи.

Актуальность изучения данных процессов неоднократно подчёркивалась в трудах отечественных и зарубежных исследователей [3, с. 78–81]. Так, М. Г. Хотамова отмечает, что формирование мировоззренческих установок молодого поколения во многом определяется влиянием семьи, системы образования и средств массовой информации [8]. В современных условиях

развития информационного общества, усиления глобализационных процессов и трансформации потребительской культуры изменяются функции семьи, её ценностные ориентиры и механизмы социализации, что неизбежно отражается на мировоззрении молодёжи.

Показательно, что в настоящее время всё больше семей рассматривают возможность получения детьми образования и дальнейшей профессиональной реализации за пределами страны. Подобные установки оказывают влияние на формирование жизненных стратегий молодого поколения и требуют дополнительного внимания со стороны институтов воспитания и социализации, ответственных за укрепление гражданской идентичности, патриотизма и социальной ответственности молодёжи.

В связи с этим специалисты, осуществляющие работу с молодёжью, должны проявлять высокий уровень профессиональной ответственности, поскольку именно они во многом определяют эффективность процессов воспитания, социализации и гражданского становления молодого поколения. Особое внимание при этом следует уделять вопросам профилактики социальных конфликтов, используя широкий спектр организационных, образовательных и воспитательных механизмов.

Одной из важнейших задач программ, реализуемых в рамках государственной молодёжной политики, является предупреждение факторов, способных порождать социальную напряжённость и конфликтные ситуации в молодёжной среде. Существенную роль в решении данной задачи играет консолидация молодёжи на основе общих интересов, ценностей и социально значимых целей. В этой связи особую актуальность приобретает создание молодёжных объединений, поддержка общественных инициатив и вовлечение молодых людей в различные формы совместной деятельности.

Вместе с тем необходимо учитывать, что ключевое влияние на формирование личности молодого человека оказывают семья, система образования и средства массовой информации. Именно эти социальные институты выступают основными агентами социализации и определяют мировоззренческие установки, ценностные ориентиры и модели поведения молодёжи. В данном контексте представляется обоснованной позиция М. Г. Хотамовой, которая подчёркивает, что именно в семье закладываются основы физиологического, культурного, нравственного, психологического и социального развития личности, а также формируется система её потребностей и интересов [8, с. 93].

Республика Таджикистан последовательно реализует курс на построение правового государства и развитие институтов гражданского общества. В этих условиях одной из приоритетных задач государственной молодёжной политики становится расширение участия молодёжи в общественно-политической жизни страны. Особое значение приобретает формирование политической культуры

молодого поколения, развитие политического сознания и повышение уровня гражданской активности.

Необходимость усиления внимания к данным вопросам обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего молодые люди, обладающие недостаточно сформированным политическим сознанием, не всегда способны объективно оценивать происходящие в стране и мире процессы, критически воспринимать информацию и осознавать стратегические цели развития государства. Вследствие этого они могут оказаться более уязвимыми перед различными формами деструктивного воздействия и противоправного вовлечения в деятельность, противоречащую интересам общества и государства.

В свою очередь, расширение участия молодёжи в общественно-политической жизни способствует укреплению доверия к государственным институтам, формированию чувства гражданской ответственности, развитию патриотизма и национального самосознания. Кроме того, вовлечение молодого поколения в процессы принятия общественно значимых решений создаёт условия для формирования кадрового резерва, подготовки будущих руководителей и повышения общей политической культуры общества.

Таким образом, участие молодёжи в политической жизни следует рассматривать не только как важный элемент демократического развития государства, но и как эффективный механизм формирования активного, ответственного и социально ориентированного поколения граждан.

Идеологическое содержание государственной молодёжной политики находит своё отражение в политической доктрине Республики Таджикистан и представляет собой систему идей, ценностных ориентиров, приоритетов и целей, определяющих основные направления деятельности государства на конкретном историческом этапе развития общества. Практическим выражением данной доктрины выступают государственные программы и стратегии в сфере молодёжной политики, в которых определяются последовательность мероприятий, механизмы реализации поставленных задач и приоритетные направления работы с молодым поколением.

Идеология молодёжной политики выполняет ряд важных функций, среди которых особое значение имеют ориентирующая, интеграционная, мобилизационная, просветительская и воспитательная функции [2, с. 12]. Посредством государственной доктрины определяются ключевые ценности, цели, приоритеты и механизмы реализации молодёжной политики. Наряду с этим идеологическая составляющая способствует формированию доверия молодёжи к государственным институтам, расширению её участия в общественной жизни и укреплению социальной сплочённости.

Одной из важнейших задач государственной молодёжной политики является интеграция молодого поколения в систему общественных отношений

и формирование у молодёжи чувства ответственности за судьбу государства и общества. В данном контексте молодёжная политика выступает важным инструментом консолидации общества, укрепления гражданской идентичности, сохранения национального единства и защиты государственных интересов.[1, 295]

Повышение уровня политической культуры и политической грамотности молодёжи является необходимым условием её активного участия в общественно-политических процессах. Осознание демократических ценностей, прав и обязанностей гражданина, уважительное отношение к институтам государства и гражданского общества способствуют формированию зрелой гражданской позиции и расширяют возможности молодёжи участвовать в принятии общественно значимых решений.

Современные условия развития независимого Таджикистана, характеризующиеся динамичными социально-экономическими преобразованиями и ускоренными процессами глобального развития, предъявляют повышенные требования к уровню политической культуры молодого поколения.[1, 297] В этой связи особое значение приобретает формирование политически грамотной, социально ответственной и патриотически ориентированной молодёжи, способной активно участвовать в обеспечении устойчивого развития государства и укреплении его общественно-политической стабильности.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, государственная молодёжная политика должна разрабатываться на основе комплексного анализа социальных, экономических, политических и культурных процессов, оказывающих влияние на формирование мировоззрения, системы ценностей, физического и психологического состояния молодёжи.

Во-вторых, в условиях стремительного развития цифровых технологий и ускорения социальных изменений особое значение приобретает использование прогностического подхода при разработке молодёжной политики. Государственные органы и профильные специалисты должны своевременно выявлять возникающие тенденции и риски, прогнозировать возможные изменения в ценностных ориентациях молодого поколения и принимать превентивные меры по их регулированию.

В-третьих, эффективность молодёжной политики во многом определяется её способностью учитывать как внутренние, так и внешние факторы развития общества. Поэтому стратегические цели, приоритеты и механизмы реализации государственной молодёжной политики должны формироваться с учётом национальных интересов, международных тенденций и актуальных вызовов современности.

Государственная молодёжная политика является объективной необходимостью современного этапа общественного развития. Её эффективная реализация посредством деятельности уполномоченных государственных органов, институтов гражданского общества и общественных организаций, участвующих в решении социально значимых задач, способствует преодолению существующих проблем молодёжной среды и созданию благоприятных условий для всестороннего развития молодого поколения.

Особое значение государственная молодёжная политика приобретает в контексте формирования у молодёжи чувства любви к Родине, патриотизма, гражданской ответственности, национального самосознания и уважения к историко-культурному наследию народа. Она направлена на развитие национального мышления, укрепление духовно-нравственных ценностей и повышение ответственности молодёжи за будущее страны, защиту её национальных и государственных интересов.

Содержание государственной молодёжной политики свидетельствует о том, что отношение государства к молодому поколению основывается на принципах гуманизма, социальной справедливости и уважения прав личности. При этом особое внимание уделяется созданию условий для удовлетворения социальных, образовательных, культурных, интеллектуальных и духовных потребностей молодёжи, а также обеспечению возможностей для её активного участия в общественной и государственной жизни.

Практическая реализация государственных программ и стратегий в сфере молодёжной политики выступает важным показателем эффективности государственной деятельности в данном направлении. Результаты их осуществления находят отражение в повышении уровня социальной активности молодёжи, укреплении её гражданской позиции, развитии человеческого потенциала и формировании устойчивых предпосылок для дальнейшего социально-экономического и общественно-политического развития Республики Таджикистан.

Список использованной литературы:

1. Абдусаломзода М. Татбиќи сиёсати љавонон дар шароити имрўзаи Чумхурии Точикистон. Ахбори Институти фалсафа, сиёсатшиносї ва хуқуқи АМИТ. № 4.– Душанбе, 2023.– С. 293–298.

2. Гендерная политика в Республике Таджикистан. 2023.- 53с.–С.12.

3.Зангиев А.Э., Городецкая Ю. А. Мировоззрение современной молодёжи как способ осознания действительности.// Социологические науки. Новосибирск. № 18. 2013.–с. 78–81.

4. Молодёжное движение в России. Документы федеральных органов РФ и программные документы молодёжных объединений: Специальный выпуск информационного бюллетеня «Молодёжная политика».– М., 1995.

5. О молодежи и государственной молодежной политике: Закон Республики Таджикистан от 27 ноября 2004 г. № 1161 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан.– 2004.. № 7-с.459,–2011. № 6.–С.429.

6. Рашковецкая Н. С. Социальное проективание в формировании и реализации региональной молодежной политики. Историческая и социально-образовательная мысль.2011.№ 5(10)-с. 137

7. Хидирзода М. У. Истиқлолият ва стратегияњои муваффақ(Независимость и стратегии устойчивого развития). Душанбе, 2017. С. 157.

8. Хотамова М. Г. Мировоззренческие предпочтения молодёжи Таджикистана в условиях трансформации общества. Дисс.на соискание уч.степ.к.ф.н.– Худжанд, 2022

9. Муродзода М. М. Масоили таҳкими ҳувияти миллии ҷавонон дар замони соҳибистиқлолии Тоҷикистон: ҷанбаи сиёсӣ-иҷтимоӣ. Дисс.н.и.с.-с.103–106.

DOI 10.34660/INF.2026.96.64.187

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ МЬЯНМОЙ И РОССИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕ 2021 ГОДА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Мун Шайн Аунг,
Кхант Ньи Зо,
Чжо Паинг
Томский государственный университет

Аннотация: *В данном исследовании рассматриваются характер, масштабы и последствия стратегического сотрудничества между Мьянмой и Россией в политическом контексте после 2021 года. После политического перехода в Мьянме в 2021 году внешняя политика страны претерпела значительную переориентацию на фоне международной изоляции, экономических санкций и геополитических сдвигов. В этом контексте двусторонние отношения с Россией расширились в ключевых областях, включая оборону, энергетику, образование и дипломатию. В исследовании утверждается, что более тесное взаимодействие России с Мьянмой обусловлено необходимостью альтернативных дипломатических отношений, военной и технической поддержки, а также экономического сотрудничества в условиях западных санкций. Для России Мьянма является стратегическим партнером в Юго-Восточной Азии и предоставляет возможности для усиления ее влияния в Индо-Тихоокеанском регионе. Несмотря на растущее сотрудничество, глубину отношений ограничивают несколько факторов. К ним относятся внутриполитическая нестабильность в Мьянме, международные санкции, ограниченные экономические возможности и растущее влияние страны в Индо-Тихоокеанском регионе. Также усиливается геополитическая конкуренция между такими крупными державами, как Индия и Россия. Результаты исследования показывают, что, хотя сотрудничество между Мьянмой и Россией, вероятно, продолжится в отдельных стратегических секторах, оно остается более прагматичным и ориентированным на сделки, чем полноценный альянс.*

Ключевые слова: *Мьянма, Россия, Стратегическое сотрудничество, Дипломатические отношения, Индо-Тихоокеанский регион.*

Введение

Политические изменения, произошедшие в Мьянме в феврале 2021 года, оказали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. В условиях усиления экономических и дипломатических санкций со стороны западных стран Мьянма стремится к более тесному сотрудничеству с другими партнерами. В таких обстоятельствах Российская Федерация все больше становится важным стратегическим партнером для Мьянмы.

В период после 2021 года сотрудничество между двумя странами в областях обороны, энергетики, образования, науки и техники, космоса и дипломатии значительно улучшилось. Однако эти отношения также сталкиваются с проблемами из-за внутренних и международных ограничений. Поэтому данное исследование направлено на анализ возможностей и ограничений стратегического сотрудничества между Мьянмой и Россией после 2021 года.

Согласно теории реализма в международных отношениях, государства формируют внешнюю политику и выбирают союзников, исходя из своих национальных интересов, безопасности и мощи. По мнению Уолта (1987), теория баланса угроз утверждает, что страны формируют альянсы в ответ на внешние угрозы и давление, и российско-мьянманские отношения также развивали альянсы в ответ на эти внешние угрозы и давление[1].

Тори, И. (2022), в книге «Мьянманская хунта и Россия: стратегическое партнерство под давлением», утверждает, что сотрудничество в области обороны является ключевым столпом двусторонних отношений [2]. Исследования показывают, что после 2021 года Россия стала одним из основных поставщиков вооружений для Мьянмы, поставляя истребители, системы противовоздушной обороны и военные технологии.

Эгрето, Р. (2023), в книге «Внешняя политика Мьянмы и стратегическое партнерство в меняющейся геополитической обстановке», утверждает, что энергетика и ядерные технологии имеют важное значение[3]. Также отмечается, что сотрудничество между Мьянмой и Россией расширилось в областях образования, науки и техники. Однако в нем также учитывается, что международные санкции, внутренняя политическая нестабильность в Мьянме и региональное влияние Китая могут ограничить долгосрочное развитие двусторонних отношений. В данной статье используется качественный метод анализа. Источниками исследования послужили международные новостные агентства, новостные агентства, принадлежащие Мьянме, а также тематический анализ. Данные анализируются с помощью тематического анализа.

После политических изменений 2021 года сотрудничество в области обороны и безопасности между Россией и Мьянмой стало более важной опорой двусторонних отношений. В условиях усиления экономических и дипломатических санкций со стороны Запада Мьянма стала рассматривать Россию как

важного стратегического партнера, а Россия – как важного партнера в области безопасности и геополитики в Юго-Восточной Азии. В оборонном секторе Россия стала одним из основных поставщиков вооружений для Мьянмы. Согласно базе данных SIPRI по передаче вооружений, после 2021 года она продолжала поставлять Мьянме российские учебно-тренировочные/штурмовые самолеты Як-130, истребители МиГ-29, вертолеты Ми-35, зенитные ракетные комплексы «Панцирь-С1» и другую военную технику[4]. Кроме того, по итогам переговоров, состоявшихся в Москве в июле 2022 года, Министерство обороны России заявило о намерении продолжить укрепление оборонного сотрудничества между двумя странами [5]. Два (2) истребителя Су-30 СМЕ, сверхзвуковой самолет четвертого поколения, приобретенные у России, поступили на вооружение 16 декабря 2023 года.В настоящее время Вооруженные силы Мьянмы сотрудничают с Россией в различных областях и приобрели и эксплуатируют шесть (6) истребителей Су-30 у России [6]. Кроме того, в 2025 году президент России Владимир Путин и лидер Мьянмы, генерал Мин Аун Хлаинг, встретились в Москве и договорились о дальнейшем расширении соглашений в области безопасности, энергетики, технологий и обороны. Российское правительство также выразило мнение о Мьянме как о важном партнере в регионе Восточной Азии [7].

В ходе встречи министров иностранных дел АСЕАН в 2025 году Мьянма совместно с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым председательствовала на Постминистерской конференции АСЕАН-Россия, которая стала первой встречей на министерском уровне за время пребывания Мьянмы на посту координатора отношений АСЕАН-Россия [8]. В 2025 году Россия и Мьянма подписали межправительственное соглашение о строительстве малой атомной электростанции (малого модульного реактора – ММР) [9]. Соглашение связано с повышением энергетической безопасности Мьянмы и стратегией России по расширению экспорта ядерных технологий.Россия и Мьянма также подписали соглашения об усилении сотрудничества в нефтегазовом секторе и расширении инвестиций российских энергетических компаний в морские энергетические проекты Мьянмы [10]. В области технологий и цифровой безопасности в 2024 году две страны подписали Соглашение о сотрудничестве в области кибербезопасности, договорившись о сотрудничестве в таких областях, как кибербезопасность, цифровое управление и информационная безопасность [11]. В космической и научно-технической сфере в 2026 году российское космическое агентство «Роскосмос» и Мьянма подписали соглашение о сотрудничестве в космической сфере, объявив, что Россия поможет в отборе и подготовке первого космонавта Мьянмы. Они также обсудили строительство инфраструктуры для российской спутниковой навигационной системы ГЛОНАСС в Мьянме [12].

Расширение государственных стипендий для бирманских студентов в российских университетах является важной частью образовательного и научно-технического сотрудничества между двумя странами. Российское правительство и соответствующие организации, включая Росатом, расширяют возможности получения стипендий для бирманских студентов, особенно в области инженерии, ядерной науки, медицины и информационных технологий [13].Кроме того, в ходе двусторонних политических консультаций стороны подчеркнули стратегическое партнерство в области образования, науки и техники и договорились о расширении научно-исследовательских обменов, трансфера технологий и стипендиальных программ [14].Кроме того, в августе 2025 года министр науки и технологий Мьянмы, д-р Мьо Тейн Кьяу, совершил официальный визит в Российскую Федерацию и встретился с российскими научно-техническими учреждениями, где обсудил сотрудничество в области исследований, а также соглашения о сотрудничестве в сфере технологического развития и развития человеческих ресурсов [15].

Политические преобразования в Мьянме с 2021 года привели к значительным изменениям в международных экономических отношениях. В условиях усиления экономических санкций со стороны западных стран Мьянма все активнее расширяет экономическое сотрудничество с Российской Федерацией. Энергетический сектор стал ключевым столпом российско-мьянмарских экономических отношений. В 2024 году российский импорт нефти в Мьянму стал крупнейшим источником общего объема импорта, внеся значительный вклад в энергетическую безопасность. Кроме того, российские энергетические компании проявляют все больший интерес к расширению своих инвестиций в шельфовые нефтегазовые проекты Мьянмы [16]. В 2025 и 2026 годах две страны подписали соглашения по нефти, СПГ/СУГ и электростанциям, а также обсудили дальнейшее развитие угольных электростанций, нефтеперерабатывающих заводов и терминалов СПГ в специальной экономической зоне Давей [17]. В 2025 году две страны подписали «Соглашение о поощрении и защите инвестиций» и защите инвестиций. Они согласовали политику по построению правовой системы и содействию иностранным инвесторам[18]. Это соглашение позволяет российским компаниям развивать энергетику, транспорт. Оно создает возможности для расширения бизнеса в сельском хозяйстве и телекоммуникационном секторе. В 2026 году Россия и Мьянма подписали меморандум о взаимопонимании в области торговли электроэнергией и энергоносителями, а также договорились о долгосрочных поставках нефти, СПГ и нефтепродуктов. Кроме того, российские технологии и инвестиции были задействованы в проектах развития инфраструктуры, включая специальную экономическую зону Давей. С 2021 года российско-мьянманские экономические отношения трансформировались в «стратегическое экономическое

партнерство, ориентированное на энергетику». Хотя энергетический сектор является основной опорой, инвестиции, торговля, технологии и развитие инфраструктуры также постепенно расширяются. Однако из-за международных санкций, геополитического давления и внутриполитической нестабильности это сотрудничество еще не достигло формы полностью институционализированного экономического альянса и остается ограниченным соглашениями, основанными на общих интересах.

Заключение

Политическая трансформация Мьянмы с 2021 года привела к значительным изменениям во внешней и экономической политике, а отношения с Российской Федерацией вышли на уровень стратегического партнерства. В частности, сотрудничество между двумя странами значительно расширилось в оборонной, энергетической, технологической, образовательной и космической отраслях, и Россия стала важным военно-экономическим партнером Мьянмы.Однако эти отношения еще не достигли уровня полноценного институционализированного альянса, а остаются основанными на интересах и транзакционном сотрудничестве. Такая ситуация обусловлена международными санкциями, внутриполитической нестабильностью, региональной геополитической конкуренцией и ограничениями экономического развития.Таким образом, хотя отношения между Мьянмой и Россией имеют долгосрочные возможности для сотрудничества, их стабильность и глубина будут зависеть от изменений в международной обстановке и стратегических интересов обеих стран. Поэтому в будущем эти отношения могут продолжать развиваться как «избирательное стратегическое партнерство», но на пути к достижению уровня полноценного альянса все еще существуют проблемы.

Список литературы

1. Walt, S. M. (1987). The origins of alliances. Ithaca, NY: Cornell University Press.

2. Storey, I. (2022). Myanmar's junta and Russia: A strategic partnership under pressure. ISEAS Perspective, No. 2022/45.

3. Egreteau, R. (2023). Myanmar's foreign policy and strategic partnerships in a changing geopolitical environment. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute.

4. SIPRI. (2024). SIPRI Arms Transfers Database. Stockholm International Peace Research Institute. Retrieved from https://www.sipri.org/resources/arms-transfers-database.

5. CNIMyanmar(2021).Vice Chairman of the National Defense Commission and Russian Deputy Defense Minister discuss military-technical cooperation. https://cnimyanmar.com/index.php/political-2/politics-local/954–2021–09–04–11–37–33

6. NP News, 2023, Dec 16, Two Russian-made Su-30 SME fighter jets join the Royal Myanmar Army. https://www.npnewsmm.com/news/657d25d16235db7bbc672e73

7. Associated Press. (2025). The head of Myanmar's military government visits Russia for cooperation talks with Putin

8. Ministry of Foreign Affairs of Myanmar. (2025). Coordination Meeting on ASEAN–Russia Relations. https://www.mofa.gov.mm/en/conveining-of-the-coordination-meeting-on-the-proposed-asean-russia-commemorative-summit-and-related-activities-to-mark-the-35th-anniversary-of-asean-russia-relations/?utm_source=chatgpt.com

9. Reuters. (2025a, March 4). Russia and Myanmar sign agreement on small-scale nuclear plant construction in Myanmar. Reuters.

10. Reuters. (2025b, June 20). Russia signs investment deal with Myanmar and eyes offshore oil and gas prospects. Reuters.

11. Waradana. (2024, December 6). Russia and Myanmar sign cybersecurity cooperation agreement. Waradana News.

12. Reuters. (2026, February 26). Russia to help select and train first Myanmar cosmonaut. Reuters.

13. Ministry of Foreign Affairs of Myanmar. (2024). Myanmar–Russia political consultations and cooperation in education and science. https://www.mofa.gov.mm/.

14. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (2024). International scholarship programs for Myanmar students in Russian universities.

15. Rosatom State Atomic Energy Corporation. (2025). Educational cooperation and nuclear engineering scholarship programs for partner countries.

16. Reuters. (2025). Russia signs investment deal with Myanmar, expands oil and gas cooperation.

17. Myanmar President's Office. (2026, April 18). Energy sector: Myanmar and Russia sign energy cooperation agreement.

18. Interfax. (2025, June 20). Russia and Myanmar sign agreement on promotion and protection of investments.

DOI 10.34660/INF.2026.94.46.090

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ БУДУЩЕГО ЮРИСТА: КАК ФОРМИРОВАТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Волохова Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Аннотация. *Статья посвящена проблеме формирования криминалистического мышления у будущих юристов в условиях цифровой трансформации правовой сферы. Анализируется, как меняется структура профессионального мышления следователя под влиянием цифровых технологий, искусственного интеллекта и новых видов преступностей. Предлагаются практические подходы к обновлению образовательных программ и методов преподавания криминалистических дисциплин. Обосновывается тезис о том, что в настоящее время традиционная система подготовки юристов не в полной мере отвечает современным вызовам и требует определённой перестройки».*

Ключевые слова: *криминалистическое мышление, цифровая трансформация, подготовка юристов, следователь, образовательные технологии, профессиональные компетенции.*

Если спросить преподавателя криминалистики, чему он учит студентов, он, скорее всего, ответит: «Как правильно проводить допрос, как изымать вещественные доказательства, как строить версии, как взаимодействовать с экспертами и т. п.». Всё это важно. Но за этими конкретными навыками стоит нечто большее – определённый тип мышления. Криминалистическое мышление.

Что это такое? Это не просто знание уголовно-процессуального закона и не только владение тактическими приёмами. Это способность видеть за хаосом фактов – событие, за показаниями – живого человека, за цифровыми следами, некоторые ученые еще их называют знаковыми – реальную картину преступления. Это умение выдвигать версии там, где нет очевидного, и отказываться от них там, где они не подтверждаются. Это привычка сомневаться,

проверять, перепроверять и при этом принимать решения в условиях жёсткого дефицита информации и времени.

Традиционно криминалистическое мышление формируется через теорию и практику: студент слушает лекции, читает учебники, потом попадает в следственный отдел и начинает учиться «на живых делах», расследование которых в некоторых случаях отличается от теоретических знаний. Но сегодня этот путь даёт определенный сбой. Потому что сама преступность изменилась. Она ушла в цифру – в мессенджеры, криптовалюты, даркнет, deepfake. А следователь, даже очень опытный, часто оказывается не готов работать с этой новой реальностью. Его мышление, отточенное на «классических» преступлениях, даёт сбои. И это проблема не столько его личной квалификации, сколько системы подготовки кадров, которая не поспевает за временем. И в этой статье мы поговорим о том, каким должно быть криминалистическое мышление в цифровую эпоху и как его можно – и нужно – формировать уже на студенческой скамье.

На первый взгляд может показаться, что хороший юрист – это уже хороший следователь. Знает закон, умеет строить аргументы, анализирует факты. Но практика показывает: одного знания закона недостаточно. Криминалистическое мышление – это особый склад ума, который формируется не столько изучением норм, сколько погружением в логику реального расследования.

В чём же его ключевые особенности? Прежде всего, оно обращено в прошлое. Юрист часто работает с тем, что есть здесь и сейчас: договор, исковое заявление, приговор. Следователь – с тем, что было. Он должен восстановить событие, которого не видел, по его остаткам – следам, показаниям, документам. Это требует способности к реконструкции, к построению мысленных моделей того, как всё происходило [1].

Кроме того, криминалистическое мышление работает в условиях неопределённости. У юриста – готовое дело, у следователя – только версия. А версия – это предположение, которое может оказаться неверным. И следователь должен быть готов к этому психологически и профессионально: не цепляться за свою догадку, а постоянно проверять её, искать опровержения так же активно, как и подтверждения.

Ещё одна особенность – опора на воображение. Это звучит странно для профессии, связанной с законом. Но без воображения – способности представить себе, как двигался преступник, где он мог спрятать орудие, что он чувствовал – невозможно реконструировать событие. Особенно если речь идёт о «бесконтактных» преступлениях: мошенничестве в интернете, кибератаке, распространении фейков.

И наконец, криминалистическое мышление требует терпимости к неполноте. Следователь никогда не знает всего. Он принимает решения на основе той информации, которая есть, и должен быть готов к тому, что завтра появятся

новые данные, которые перевернут его версию. Это требует особого склада характера – не ригидного, а гибкого.

В итоге можно сформулировать следующее определение: криминалистическое мышление – это способность реконструировать событие преступления по его следам, опираясь на логику, воображение и правовые знания, принимать решения в условиях неопределённости и сохранять готовность к пересмотру любой версии при поступлении новых данных.

Традиционно всё это формировалось на практике, методом проб и ошибок. Но сегодня, когда цифровая среда создаёт сотни новых «ловушек», метод проб и ошибок становится слишком дорогим. А значит, нужно понять, что именно изменилось в самой преступности, чтобы скорректировать и подходы к обучению.

Чтобы понять, что должно измениться в подготовке юристов, нужно сначала увидеть, что изменилось в самой преступности. И изменения эти достаточно серьезные.

Первое – исчезает привязка к месту. Раньше преступление имело чёткую локацию: место происшествия. Сегодня взломанный сервер может находиться в одной стране, жертва – в другой, а преступник – в третьей. Следователь должен научиться работать без «привязки» к физическому месту, оперируя виртуальными координатами. Это требует совсем другого типа пространственного мышления.

Второе – следы становятся цифровыми, некоторые ученые их еще называют знаковыми [2, с. 42]. Их нельзя пощупать, сфотографировать в привычном смысле, упаковать в конверт. Они – в логах, метаданных, транзакциях, облачных хранилищах. Чтобы их увидеть, нужно понимать, как устроены цифровые системы. И это уже не криминалистика в чистом виде, а её стык с информатикой. Следователь должен хотя бы на базовом уровне разбираться в том, что такое операционная система, как работает сеть, что такое шифрование.

Третье – скорость. Цифровые следы могут исчезнуть за секунды: достаточно преступнику дистанционно стереть данные. А следователь, привыкший к неторопливому «классическому» расследованию, просто не успевает. Его мышление должно стать быстрее, решительнее, готовым к параллельным действиям. Он должен уметь одновременно изымать, анализировать, допрашивать – потому что промедление означает потерю доказательств.

И четвёртое – объём информации. Терабайты данных, тысячи сообщений, сотни эпизодов. Человек физически не может обработать такой объём без помощи технологий. Но технологии – это не просто инструменты. Они меняют сам процесс мышления. Следователь должен научиться доверять алгоритмам, но не подчиняться им. Должен уметь ставить задачи ИИ-системам и критически оценивать их выводы [3, с. 31].

Всё это – не дополнительные «плюшки», а новые требования к профессиональному мышлению. Требования, которые старая система образования

пока не учитывает и не может учесть, потому что она формировалась в другую эпоху. И здесь мы подходим к главному вопросу: а что именно не так в традиционной подготовке юристов?

Проблема не в плохих преподавателях и не в ленивых студентах. Проблема в том, что сама модель обучения несколько устарела.

Первое – перекос в сторону теории. Студенты изучают уголовно-процессуальный закон, тактику допроса, методику расследования отдельных видов преступлений. Но всё это – в отрыве от реальной цифровой среды. Они знают, как должен быть составлен протокол, но не знают, как изъять телефон, чтобы данные не были утеряны. Они слышали о «цифровых следах», но никогда не работали с реальными дампами памяти.

Второе – отсутствие междисциплинарности. Криминалистика сегодня – это не только право. Это ещё и IT, и психология, и анализ данных, и теория коммуникации. Но учебные планы построены так, что эти дисциплины изучаются отдельно и не пересекаются, если вообще изучаются в юридическом вузе. Студент может блестяще знать УПК, но не понимать, что такое хеш-сумма. Может программировать, но не знать, как оформить результаты изъятия цифровых доказательств процессуально.

Третье – недостаток практики. Реальных кейсов, особенно в цифровой среде, в учебном процессе – единицы. Студенты решают задачи из учебников, где всё разложено по полочкам. А в реальной жизни всё иначе: улики противоречивы, версий много, времени в обрез, а технологии дают сбои. К этому не готовят.

И четвёртое – разрыв между вузом и практикой. Преподаватели часто сами не имеют опыта работы в цифровой среде. Они учились в другое время и не успевают за изменениями. А практики, которые могли бы поделиться опытом, редко приходят в вузы. Получается замкнутый круг: никто не учит, потому что никто не умеет; никто не умеет, потому что никто не учил.

В результате – разрыв между тем, что нужно следствию, и тем, что даёт вуз. Выпускник приходит на службу и оказывается не готов. Его доучивают «с колёс», методом проб и ошибок. А цена этих ошибок – потерянные доказательства, закрытые дела, несправедливые приговоры.

Если проблема ясна, то возникают следующие вопросы: что конкретно можно и нужно изменить в образовательном процессе? Как сделать так, чтобы выпускник юридического вуза был не просто знатоком УПК, а готовым к реальной работе следователем – особенно в цифровой среде? Ответов несколько, и они лежат в плоскости не отдельных реформ, а системных изменений.

Во-первых, погружение в цифровую среду через кейсы. Вместо абстрактных задач – реальные кейсы из практики. Студент получает не «условную квартиру», а смоделированную цифровую среду: логи сервера, переписку

в мессенджерах, дамп памяти телефона, выписки по криптокошельку. Его задача – не просто составить протокол, а разобраться в массиве данных, выделить значимое, построить версию, понять, как изъять и зафиксировать доказательства. Такие задачи требуют знаний из разных областей: студент должен разбираться и в криминалистике, и в информационных технологиях, хотя бы на начальном уровне.

Второй вариант – междисциплинарные модули. Вместо отдельных, никак не связанных курсов, студентам предлагают сквозные темы, которые ведут преподаватели нескольких дисциплин. Например, модуль «Цифровые доказательства»: криминалист объясняет, как их правильно обнаружить и изъять, IT-специалист – как анализировать, а процессуалист – как оформлять в протоколах. В итоге студент видит всю проблему целиком, а не отдельные её части.

Третий момент – развитие гибкого мышления. Следователь должен уметь менять версии, признавать свои ошибки, искать нестандартные решения. Этому не научишь на обычных лекциях. Такие навыки формируются в дискуссиях, при разборе сложных ситуаций, в игровых форматах, где нет одного правильного ответа. Например, можно использовать кейс-метод в форме дебатов: одна группа отстаивает одну версию, другая – противоположную. А в конце выясняется, что каждая из сторон была права лишь отчасти. Это помогает привыкнуть к неопределённости и видеть проблему с разных сторон.

Четвёртое – привлечение практических работников. Речь не об отдельных лекциях, а о регулярных мастер-классах. Практик приносит реальную задачу из своего дела, рассказывает, как действовал, где ошибся, что сделал бы по-другому. Студенты видят живую работу, а не идеализированные примеры из учебников.

И, наконец, пятое – формирование цифровой культуры. Это уже не столько конкретные навыки, сколько отношение к цифровой среде. Студент должен привыкнуть, что цифровые следы – это не что-то «ненастоящее», а зачастую самые надёжные и единственные доказательства. Что современные технологии – не враг его профессии, а мощный инструмент, который делает его эффективнее. И что в цифровую эпоху учиться надо постоянно, потому что всё меняется слишком быстро.

Все эти подходы в совокупности способны изменить саму атмосферу юридического образования – перейти от простого запоминания информации к живому формированию профессионального мышления.

В заключение стоит сказать: мы привыкли судить об образовании по тому, какие знания получил студент. Но в мире, который меняется стремительно, знания устаревают за несколько лет. Сегодня выигрывает не тот, кто просто знает больше, а тот, кто умеет учиться заново, перестраиваться, адаптироваться и нестандартно мыслить.

Криминалистическое мышление – это не перечень знаний и умений. Это способность разглядеть за фактами целое событие, за показаниями – живого человека, а за цифрами – реальную картину преступления. Это умение сомневаться и при этом принимать решения, быть уверенным, но готовым пересмотреть позицию, опираться на технологии, но оставаться человеком.

За пару лекций такое мышление не сформировать. Но можно создать среду, где оно будет развиваться. Это требует от вузов частичного отказа от устаревших учебных планов и смелости в экспериментах. Но альтернатива – подготовка следователей, которые не готовы к цифровой реальности, а значит – не готовы защищать права граждан в XXI веке.

Криминалистическое мышление – это не роскошь и не «надстройка». Это профессиональная необходимость. И задача высшей школы – не только дать знания, но и помочь этому мышлению сформироваться.

Литература:

1. Волохова О. В. Криминалистическое моделирование как метод прогнозирования региональных криминальных угроз / О. В. Волохова // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции, Луганск, 07 ноября 2025 года.– Самара: Самарама, 2025.– С. 225–232.– EDN YQTOYC.

2. Криминалистика: учебник / под ред. Е. И. Галяшиной, Е. П. Ищенко; отв. ред. Я. В. Комиссарова.– Москва: Проспект, 2025.– 512 с.

3. Волохова О. В. Следствие и ИИ: новые этические границы / О. В. Волохова // Всероссийские криминалистические чтения (с международным участием), посвященные 120-летию со дня рождения профессора Ивана Филипповича Крылова: Сборник материалов научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 февраля 2026 года.– Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2026.– С. 28–32.– EDN NJREJP.

DOI 10.34660/INF.2026.94.47.142

КОДЕКС ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Горобец Виталий Андреевич
магистрант
Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Калининградский филиал

В статье автор проводит сравнительный анализ юридических категорий «общественный порядок» и «общественная безопасность» в интерпретации российского законодательства и источников международного права. Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности являются одними из ключевых задач любого государства, решение которых позволяет гарантировать неприкосновенность личных прав и свобод граждан Российской Федерации от незаконных посягательств со стороны правонарушителей.

Ключевые слова: *административное право, источники международного права, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, общественная безопасность, общественный порядок, права человека, теория умеренного дуализма, юридическое лицо.*

Общественный порядок и общественная безопасность выступают одними из самых базовых элементов для устойчивого развития общества и государства. Отсутствие вышеупомянутых элементов приводит к ряду существенных неблагоприятных последствий, представляющих угрозу жизни, здоровью, материальному благополучию граждан, в конечном счете подрывая доверие общественности к функционирующим в государстве институтам, окончательно дестабилизируя «государственный фундамент».

Необходимость обеспечивать общественный порядок и безопасность способствовало развитию законодательства в данной сфере, охватывающего значительный массив нормативно-правовых актов. В частности, в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [1], закреплена отдельная глава 20, нормы права которой регулируют правоотношения в сфере общественного порядка и безопасности. Вместе с тем,

Россия, признающая фундаментальные основы, содержащиеся в источниках международного права обязана учитывать международные стандарты и нормы в своей национальной системе права.

В свою очередь, это создает предпосылку для изучения, сравнения и анализа точек соприкосновения положений главы 20 КоАП РФ и норм, содержащихся в различных источниках международного права – в контексте эффективности их применения в вопросах общественной и национальной безопасности, а также в сфере обеспечения общественного порядка.

Ни в одном международно-правовом акте, как и в российском законодательстве нет общепризнанного определения научных категорий «общественный порядок» и «общественная безопасность».

Так, например, при подготовке Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года [2] подчеркивалось, что французский термин «ordre public» не эквивалентен английскому «public order» и испанскому «orden publico». Противоречивое правопонимание рассматриваемых юридических категорий, обусловленное особенностями национальных систем права, привело к тому, что международном праве не было выработано единой концепции в отношении рассматриваемых юридических категорий.

Среди причин, препятствующих созданию унифицированных норм-дефиниций в международно-правовых актах можно выделить следующие: актах.

– во-первых, отсутствует единое понимание общественной безопасности и общественного порядка как социальных явлений на уровне отдельных государств.

Например, несмотря на отсутствие легального определения «общественный порядок» в российских источниках права, законодатель достаточно четко определяет составы преступлений и административных правонарушений, посягающих на него, в Уголовном кодексе РФ и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях РФ.

Следует отметить, что составы преступлений, посягающих на общественный порядок, определяются исключительно федеральным законодателем. В свою очередь, административные правонарушения определяются как федеральным, так и региональным законодателями. Это существенное, но далеко не единственное их отличие [1, 3].

Во-вторых, отсутствие единого подхода к общественной безопасности и общественному порядку осложнено политическим фактором, поскольку данный вопрос тесно связан с внутренней политикой государств, их суверенитетом и ограничением прав граждан. Любое универсальное определение может восприниматься как вмешательство во внутренние дела государства или попыткой ограничить суверенитет.

В-третьих, отсутствует универсальный механизм нормотворчества. В мире существуют различные правовые семьи, которые кардинально различаются

в подходах к правовому регулированию. И даже в рамках одной правовой семьи могут наблюдаться существенные отличия в сфере права и правоприменения.

В-четвертых, существуют серьезные этнокультурные, религиозные и языковые отличия между всеми субъектами международного права, что в принципе осложняет любую деятельность по унификации и стандартизации в любой сфере деятельности, не говоря уже о вопросах правового регулирования общественных отношений.

Все перечисленные факторы осложняют любые попытки полноценной интеграции правовых систем государств в подобие какой-то единой системы. Даже в рамках удачных проектов, например, таких как Евросоюз, видны, правовые противоречия между юридическими нормами национального и европейского права. Однако, существование ЕС свидетельствует о том, что в рамках интеграционного объединения государств, обладающих ряд фундаментальных общих черт (менталитет, религия, культура) возможно достичь единого мнения.

Что же касается взаимодействия российской системы права с международным правом, то оно характеризуется сложной правовой конструкцией – умеренным дуализмом.

С одной стороны, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [4] закрепляет положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. При этом нормы права международного договора, в случае их расхождения с национальным законодательством имеют приоритет в применении.

С другой стороны, верховенство Конституции РФ, установленное ч. 1 ст. 15 создает иерархический барьер: ни одна норма, включая международные обязательства не может противоречить основному закону государства. Таким образом, в системе российского права формируется определенный баланс, при котором международное право интегрировано в национальную систему, но исключительно в рамках конституционных границ.

Подтверждением этого тезиса служат положения таких основополагающих международно-правовых актов, как Всеобщая декларация прав человека (1948 года) [5, с. 5–10] и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 года) [2, с. 11–21] (далее – МПГПП) нашедших свое отражение в ряде статей главы 20 КоАП РФ.

Так, например, ст. 20.3.1 КоАП РФ «Возбуждение ненависти или вражды, а ровно унижение человеческого достоинства» содержит в себе перечень наказуемых действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства. Это соотносится со ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, где декларируется равенство всех перед законом и защита от дискриминации и ч. 2 ст. 20 Международного пакта

о гражданских и политических правах, где также запрещена дискриминация на почве расовой, национальной или религиозной ненависти.

Другим примером является корреляция между МПГПП и ст. 20.33 КоАП РФ «Участие в деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ её деятельности». С одной стороны, ч. 1 ст. 22 МПГПП гарантирует право на свободу ассоциации, однако, уже в ч. 2 данной статьи говорится об возможности ограничения деятельности организации, если она создает угрозу государственной или общественной безопасности, общественному порядку, охране здоровья и нравственности населения или защите прав и свобод других лиц, при условии соблюдения ряда общепризнанных международных принципов.

Подобные примеры подтверждают факт того, что российское законодательство ориентировано на соблюдение основных принципов международного права. Взаимодействие национальных норм права с источниками международного права имеет как свои положительные аспекты, так и отрицательные.

К числу положительных аспектов взаимодействия КоАП РФ с международным правом относится приоритет, который государство придает принципу защите прав и свобод человека от незаконных противоправных посягательств. При этом обеспечивается неукоснительное соблюдение всех ратифицированных международных договоров, что позволяет гармонизировать национальное законодательство с общепризнанными стандартами в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности.

Особую актуальность приобретает и международное сотрудничество в рамках противодействия экстремизму и терроризму – особенно в рамках ЕАЭС и СНГ. Это позволяет координировать усилия в обмене оперативной информацией, совместном выявлении и пресечении деятельности террористических и экстремистских группировок, а также в разработке единых профилактических мер. Такое взаимодействие повышает эффективность превентивных механизмов и способствует раннему обнаружению и пресечению трансграничных угроз безопасности.

Проблемными аспектами взаимодействия КоАП РФ, а в частности главы 20 и международного права являются:

1. Различное толкование одних и тех же принципов международного права (может быть, как более «широким», так и узконаправленным»).

2. Отсутствие унифицированных норм права.

3. Процессуальные и правоприменительные отличия (различные сроки, меры воздействия, судебная практика и другое).

Подводя итог вышеизложенному, отметим – взаимодействие КоАП РФ с международным правом по вопросам охраны общественного порядка и общественной безопасности основывается на фундаментальных принципах

международного права, межгосударственного сотрудничества в рамках двусторонних договоров и соглашений. Это взаимодействие позволяет гармонизировать нормы национального законодательства и международного права, координировать действия государств в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, повышая эффективность обеспечения безопасности как отдельных государств, так и международного сообщества в целом. Однако, существующие проблемы, связанные с различиями в правовых системах, спецификой регулирования, требуют постоянно совершенствовать формы международного сотрудничества.

Список используемой литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.10.2024, с изм. от 06.11.2024) // Собрание законодательства РФ, 2019, № 30, ст. 4097.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. В 3-х томах. Составители: Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Т. 2.– М.: Московского независимого института международного права, 1997.– 832 с.

3. Закон Калининградской области от 12.05.2008 № 244 (ред. от 07.10.2019) «Кодекс Калининградской области об административных правонарушениях» (принят Калининградской областной Думой 24.04.2008 г.) // URL: http://www.pravo.gov.ru

4. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

5. Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Действующее международное право. В 3-х томах. Составители: Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Т. 2.– М.: Московского независимого института международного права, 1997.– 832 с.

DOI 10.34660/INF.2026.97.74.062

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПОДЛОГА ДОКУМЕНТОВ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Струщенко Игорь Олегович
магистрант
Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Аннотация. *В статье исследуется система криминалистического обеспечения выявления и нейтрализации подлога документов при мошенничестве в сфере трудовых правоотношений в Республике Беларусь. Проанализированы особенности материального и интеллектуального подлога, а также современные методы их обнаружения с учетом цифровизации кадрового делопроизводства. Обоснована ключевая роль судебно-экспертных исследований и межведомственного взаимодействия в доказывании. Сформулированы практические предложения по совершенствованию деятельности: разработка новых методик исследования электронных документов, создание автоматизированных сервисов верификации и внедрение стандартов проверки подлинности документов для нанимателей.*

Ключевые слова: *криминалистическое обеспечение, мошенничество, трудовые правоотношения, подлог документов, судебная экспертиза документов, электронный документооборот, Республика Беларусь.*

Криминалистическое обеспечение выявления и нейтрализации подлога документов как способа совершения мошенничества в сфере трудовых правоотношений представляет собой комплексную систему научных положений, правовых норм, специальных средств, приемов и методов, направленных на собирание, исследование и использование доказательств по данной категории уголовных дел. В условиях Республики Беларусь данное обеспечение опирается на положения Уголовного кодекса Республики Беларусь [1] (в частности, ст. 209 «Мошенничество», 380 «Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков», 427 «Служебный подлог»), Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регламентирующего

порядок назначения и проведения судебных экспертиз, а также нормы Трудового кодекса Республики Беларусь, устанавливающие строгие требования к документам, предъявляемым при заключении трудового договора.

«Криминалистическое исследование документов – одна из отраслей криминалистической техники, в рамках которой разрабатываются приемы осмотра и приобщения к материалам дела, а также исследования документов, с применением естественнонаучных методов и экспертно-криминалистических методик с целью получения доказательственной информации, установления причин и условий, способствующих совершению отдельных видов преступлений, разработки защитных средств, затрудняющих подделку документов» [2].

Процесс выявления подложных документов на первоначальном этапе расследования мошенничества начинается с детального визуального и инструментального осмотра представленных работником бумаг, таких как дипломы об образовании, трудовые книжки, медицинские справки, характеристики или трудовые договоры.

Применительно к техническому исследованию документов выделяют три группы объектов:

– реквизиты документов;
– материалы документов;
– орудия, приспособления, используемые для их изготовления.

Первая группа включает в себя такие элементы, как текстовая информация, рукописные подписи, оттиски печатей и штампов, фотографии, фоновые защитные сетки, голограммы и другие аналогичные компоненты.

Вторая группа объединяет материалы, используемые при изготовлении документов. Их традиционно классифицируют на основные и вспомогательные. К основным относятся носители изображения и красящие вещества. В подавляющем большинстве случаев в роли основы для нанесения изображения выступает бумага.

Любой красящий состав обязательно содержит не менее двух ключевых компонентов: пигмент (красящее вещество) и связующую основу. При этом современные красители, как правило, отличаются сложным многокомпонентным составом. В них вводятся специальные добавки, формирующие необходимые печатно-технологические и эксплуатационные характеристики. Наибольшее распространение в процессе создания реквизитов документов получили красящие материалы в жидком и порошкообразном состоянии.

Документы – это искусственные предметы материального мира. При их изготовлении используются различные орудия, приспособления, которые и составляют третью группу объектов данной экспертизы. К данной категории традиционно относят пишущие принадлежности, печати, штампы, печатные формы, пишущие машины, ножи для резки бумаги, а также иное

полиграфическое и офисное оборудование. При этом важно подчеркнуть, что в качестве объектов исследования целесообразнее рассматривать не сами инструменты в целом, а именно их рабочие (следообразующие) элементы, непосредственно участвующие в создании документов.

Кроме того, отличительной чертой любого документа является наличие в его структуре специфических компонентов, именуемых реквизитами. «Реквизит – это официально установленные составные элементы документа, которые придают ему юридический характер. Реквизитами являются бланк, его форма, цвет, размер, защитные средства (фоновые сетки), оттиски печатей и штампов, фотокарточки, подписи должностных лиц и т. д.» [2].

Реквизиты документов подразделяются на постоянные (фиксированные) и изменяемые (вносимые при заполнении). Постоянные реквизиты закладываются на этапе изготовления документа или его бланка и включают обложку, бланочные листы, бумагу и защитные элементы.

«Бланк документа – форма документа с постоянными реквизитами для последующего внесения в него текста, цифрового материала, иной информации или штриховых изображений и др.» [2].

Изготовление подобных документов осуществляется как методами полиграфии, так и с применением копировально-множительной техники. Переменные реквизиты вносятся непосредственно в процессе оформления, выдачи или передачи документа от одного лица другому. К этой категории относятся: фамилия, имя и отчество владельца, фотографии, оттиски печатей и штампов, автографы уполномоченных должностных лиц и самого владельца, дата выдачи, срок действия, а также иные специфические отметки.

По степени достоверности документы классифицируются на две основные группы:

– подлинные (содержание и реквизиты которых полностью отражают реальное положение дел). Они могут находиться в статусе действующих или утративших силу (недействительных);

– поддельные (подложные) (содержащие искаженные сведения или реквизиты, не соответствующие действительности). Данный вид фальсификации подразделяется на интеллектуальный подлог (внесение заведомо ложных данных в документ правильной формы) и материальный подлог (физическая подделка самого носителя или его отдельных элементов).

Интеллектуальным подлогом называется составление документов с ложной по содержанию информацией. Важно, что при их изготовлении используются способы и материалы, регламентированные для документов данного вида. Выявить интеллектуальный подлог методами криминалистической экспертизы невозможно, поскольку такие документы не содержат материальных следов их противоправного изготовления. Как правило, факт подобного подлога

устанавливается в ходе проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий. При материальном подлоге изготавливается полностью подложный документ или изменяется содержание подлинного документа, либо исправляются отдельные его реквизиты.

Криминалистическая техника позволяет обнаружить признаки полной или частичной подделки: дописки, подчистки, травления, замены листов, несоответствие шрифтов, аномалии в расположении реквизитов или признаки изготовления документа на полиграфическом оборудовании, не свойственном данному виду бланков. Важным элементом выявления является сопоставление данных, содержащихся в документе, с информацией из единых государственных регистров, баз данных образовательных и медицинских учреждений, а также архивов организаций, что позволяет оперативно установить факт отсутствия записи о выдаче документа или несоответствие указанных в нем сведений действительности.

Нейтрализация подлога документов как криминалистически значимого способа совершения мошенничества достигается путем процессуального закрепления доказательственной базы и пресечения возможности дальнейшего использования фальсифицированных документов для извлечения незаконной выгоды. Ключевым следственным действием на этом этапе является назначение судебных экспертиз. Почерковедческая экспертиза решает задачи по установлению исполнителя рукописного текста или подписи, а также выявлению факта выполнения текста от имени другого лица или с подражанием почерку. Техническая экспертиза документов подтверждает факт изготовления документа с нарушением установленных технологий или с использованием материалов, не применявшихся изготовителем подлинных бланков в указанный период. Одновременно с этим следователь обязан обеспечить изъятие поддельного документа в качестве вещественного доказательства, что физически нейтрализует возможность его повторного использования преступником для получения кредитов, социальных выплат или незаконного трудоустройства.

Особую актуальность в современных реалиях Республики Беларусь приобретает криминалистическое обеспечение выявления подлога электронных документов и документов, заверенных электронной цифровой подписью. Это напрямую связано с активной цифровизацией кадрового делопроизводства, внедрением электронных трудовых книжек и развитием систем межведомственного электронного взаимодействия.

Так, с началом 2024 г. в Республике Беларусь начал функционирование обновленный Трудовой кодекс Республики Беларусь [3]. Одно из нововведений касалось новых положений ведения кадрового электронного документооборота. Также изменения в Трудовом кодексе Республики Беларусь коснулись заполнения дубликата трудовой книжки. Эта корректировка направлена

на облегчение работы нанимателя по заполнению дубликата трудовой книжки, а также в целях исключения злоупотребления со стороны работника. Ранее существовала лазейка, позволявшая работникам скрывать негативный трудовой опыт. Сотрудник с неблагоприятной записью в трудовой книжке мог заявить о ее утере. Поскольку дубликат заполнялся преимущественно со слов работника, он мог легко исключить из списка неугодного нанимателя, тем самым обнулив негативные последствия своей предыдущей деятельности и введя нового нанимателя в заблуждение. «С 1 января 2024 г. подверглась корректировке ст. 50 Трудового кодекса Республики Беларусь, которая регулирует вопросы заполнение трудовой книжки. Статья однозначно закрепляет требования, что при утере работником трудовой книжки ее дубликат заполняется на основании сведений Фонда социальной защиты населения, сведения в нем содержатся с 1 января 2003 г. Также скорректирована Инструкция о порядке ведения трудовой книжки, утвержденная постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 40 (в ред. от 08.05.2026 г.). В ней предусмотрена обязанность нанимателя при утере работником трудовой книжки обращаться в фонд, чтобы он направил нанимателю сведения о трудовой деятельности работника. На основании этих сведений наниматель в дальнейшем может запрашивать в указанных организациях дополнительные сведения о работнике, например, какую должность он занимал, в каком структурном подразделении работал. Те сведения, которые нужно отразить в трудовой книжке до 1 января 2003 г., как и ранее, сообщаются работником непосредственно нанимателю» [4].

Эффективность криминалистического обеспечения напрямую зависит от качества межведомственного взаимодействия следственных подразделений с оперативными аппаратами органов внутренних дел и иными контролирующими органами. Оперативно-розыскные мероприятия, такие как наведение справок, получение объяснений и наблюдение, позволяют выявить круг лиц, причастных к изготовлению или сбыту поддельных документов, а также установить каналы их распространения.

Таким образом, успешное выявление и нейтрализация подлога документов в сфере трудовых правоотношений требуют системного применения традиционных криминалистических методов в сочетании с современными цифровыми технологиями, неукоснительного соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства и глубокого понимания специфики документооборота в трудовой сфере Республики Беларусь.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию криминалистического обеспечения выявления и нейтрализации подлога документов как способа совершения мошенничества в сфере трудовых правоотношений:

1. Разработка специализированных методик для электронных документов: В связи с цифровизацией кадрового делопроизводства (введение электронных трудовых книжек, ЭЦП) необходимо разработать и внедрить в практику судебно-экспертных учреждений Беларуси новые частные методики исследования электронных документов. Это включает анализ метаданных файлов, журналов аудита систем электронного документооборота и выявление признаков программной модификации (например, использования графических редакторов для «дорисовки» печатей или подписей).

2. Развитие межведомственного и информационного взаимодействия. Создание единого автоматизированного сервиса верификации: На базе существующих государственных информационных ресурсов разработать защищенный веб-сервис с API для следователей и кадровых служб крупных предприятий. Это позволит в режиме реального времени (с соблюдением законодательства о защите данных) подтверждать или опровергать подлинность реквизитов документа (номер диплома, запись в трудовой книжке) без направления громоздких межведомственных запросов.

3. Профилактические меры. Стандартизация алгоритмов проверки для нанимателей: разработать и утвердить на уровне Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь типовые методические рекомендации для нанимателей по проверке подлинности документов при приеме на работу.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН: информ.– поисковая система (дата обращения: 06.06.2026).

2 Криминалистическая техника: учебник / под ред. К. Е. Дёмина.– М.: Юридический институт МИИТ, 2017.– 426 с.– URL: https://miit.ru/content/%D0%A1%D0%BE% D0%B4% D0 %B5%D1%80 %D0%B6%D0%B8%D0 %BC%D0 %BE%D0%B5.pdf?id_vf=243287 (дата обращения: 05.06.2026).

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН: информ.– поисковая система (дата обращения: 06.06.2026).

4. Электронное делопроизводство и дубликат трудовой книжки. Что изменится в Трудовом кодексе // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti- prava/2023/november/76074/ (дата обращения: 05.06.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.97.92.201

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ 12-ШАГОВЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ ИЗ АЛКОГОЛЬНЫХ И ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙ

Пронер Светлана Сергеевна
магистрант
Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия
*Научный руководитель –***Чухрова М.Г.**
доктор медицинских наук, профессор
Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. *В статье представлен теоретико-аналитический обзор преимуществ и недостатков 12-шаговых групп Взрослых Детей Алкоголиков (ВДА) как формы взаимопомощи без постоянного профессионального ведущего-психолога. Систематизированы психологические механизмы их эффективности: нормализация травматического опыта, репарентинг, спонсорство, и ключевые риски: отсутствие профессионального модерирования, «духовный обход», ограниченная доказательная база, ретравматизация. Обоснована перспективность гибридной модели, сочетающей каркас 12 Шагов, профессиональное ведение и доказательные подходы.*

Ключевые слова: *взрослые дети алкоголиков, ВДА, ВДД, 12-шаговые программы, детская травма, репарентинг, гибридная модель.*

Синдром взрослых детей алкоголиков (ВДА) объединяет долгосрочные психологические последствия проживания в семье, где один или оба родителя страдают зависимостью либо иной формой дисфункции. Клинически он распознаётся по характерному «контуру»: хроническому стыду, диффузности границ, заниженному самоуважению, тревожно-депрессивному фону и склонности воспроизводить созависимые сценарии [4]. По данным классического исследования Неблагоприятного детского опыта, более половины опрошенных сталкивались хотя бы с одним подобным фактором, а связь с психической и соматической патологией взрослого возраста оказалась дозозависимой [4]. В отечественной выборке В. В. Литвинова заключает, что

выраженные нарушения самоотношения и эмоциональной сферы регистрируются у значительной части взрослых, выросших в семьях с алкогольной зависимостью [3]. В условиях, когда профессиональная психотерапия недоступна по стоимости, времени ожидания или из-за стигматизации, группы взаимопомощи по программе «12 шагов» становятся массовым низкопороговым ресурсом. Цель статьи – теоретико-аналитическое сопоставление сильных и слабых сторон групп ВДА как формы взаимопомощи без постоянного профессионального ведущего-психолога.

Теоретические основы и формат групп

Концепция ВДА вошла в клиническую практику благодаря Дж. Войтиц, выделившей 13 типичных черт: трудности с распознаванием и выражением чувств, перекосы в ответственности, страх отвержения, гиперконтроль, тяготение к зависимым партнёрам [2]. Эти черты обобщены во внутреннем «Списке характерных черт». Сообщество зародилось в США около 1978 г. как ответвление от Анонимных Алкоголиков; инициаторы – Тони А. и подростки из Алатин (часть семейных групп Ал-Анон (АА), но рассчитанное на собрания подростков 13–19 лет), ощутившие, что АА не покрывает специфики их опыта [1]. Принципиальное отличие от АА – фокус не на прекращении употребления вещества, а на проработке последствий ранней травмы, диалоге с «внутренним ребёнком» и репарентинге (когда взрослый работает над удовлетворением своих собственных эмоциональных или физических потребностей, которые остались неудовлетворенными в детстве. Эти потребности могут включать в себя: привязанность, безопасность, сострадание и др.). Программа сохраняет 12 Шагов и Традиций, но прочитывает их через оптику посттравматической работы; встречи строятся на чтении литературы, открытом обмене опытом и индивидуальном наставничестве спонсора. По разным оценкам, ВДА-черты обнаруживаются у 25–50 % российского населения [3].

Таблица 1. Сопоставление групп ВДА со смежными форматами помощи

Параметр	ВДА	АА	Ал-Анон	Психотерапия
ЦА	Выросшие в дисфункциональных семьях	Лица с алкогольной зависимостью	Близкие зависимых	Люди, нуждающиеся в психологической поддержке
Фокус	«Внутренний ребёнок», травма	Трезвость	Созависимость	Симптом / глубинная переработка
Формат	Ведут сами участники без профессионального психолога.	Ведут сами участники без профессионального психолога.	Ведут сами участники без профессионального психолога.	Лицензированный специалист

Параметр	ВДА	АА	Ал-Анон	Психотерапия
Стоимость	Бесплатно	Бесплатно	Бесплатно	Платно
Доказательная база	Ограниченная	Сильная (Кокрейновские обзоры [5])	Умеренная	Высокая (РКИ)

Преимущества

Преимущества участия в 12-шаговых программах ВДА:

1. Снижение изоляции и нормализация опыта. Многолетнее ощущение «не такой, как все» – едва ли не самая болезненная составляющая ВДА; механизм социального сравнения на встречах впервые даёт участнику опыт «нас таких много», и стыд, ранее казавшийся уникальной патологией, теряет монолитность [2].

2. Структурированная пошаговая логика: от признания бессилия перед последствиями семейного хаоса – к моральной инвентаризации, прощению и переписыванию идентичности. «Список характерных черт» «опредмечивает» расплывчатую боль, привязывая её к конкретным паттернам – перфекционизму, страху отвержения, размытости границ; для людей с историей внутрисемейного хаоса предсказуемость самого маршрута становится терапевтическим фактором [1; 2].

3. Доступность и экономика: Кокрейновские обзоры показывают, что мануализированное клиническое сопровождение участия в 12-шаговых программах сопоставимо с КПТ по показателям длительной ремиссии и существенно сокращает расходы на здравоохранение [5].

4. Регулярные встречи и отношения со спонсором (опытным участником-наставником) формируют сеть устойчивых связей; активное вовлечение, а не пассивное посещение, повышает приверженность изменениям и снижает риск возврата к созависимым стратегиям [8].

5. Концепция «Силы, более могущественной, чем мы», прочитывается каждым индивидуально – от внутренних ресурсов до коллективной мудрости группы; именно эта смысловая открытость работает с глубинным переживанием беспомощности.

Таблица 2. Психологические механизмы преимуществ

Механизм	Эффект
Социальное сравнение, идентификация	Снижение изоляции и стыда
Пошаговая структура программы	Рост самоэффективности
Репарентинг	Улучшение самоотношения
Спонсорство и сообщество	Здоровые модели близости

Недостатки и риски

Недостатками и рисками 12-шаговых программах ВДА являются:

1. Отсутствие профессионального модерирования. Оборотная сторона демократичности формата взаимопомощи без постоянного профессионального ведущего-психолога: групповая динамика без квалифицированного контейнирования допускает коллективное мышление, поиск «козла отпущения», некорректные интерпретации и давление в сторону преждевременного самораскрытия. Для лиц с комплексным ПТСР такая среда повышает вероятность ре-травматизации [10].

2. «Духовный обход»: акцент на «сдаче» и Высшей силе при определённой расстановке смыслов превращается в защитную реакцию: стыд, гнев и горе подменяются отстранёнными духовными формулами. А. Мендола подчёркивает, что апелляция к Высшей силе остаётся клинически неопределённым конструктом, не заменяющим стандартов доказательной помощи [10].

3. Слабая эмпирическая база именно по ВДА и высокий отсев: РКИ для популяции практически отсутствуют, а значительная доля новичков 12-шаговых программ выбывает в первый год [6; 7]. Для людей с травматическим семейным опытом этот риск ещё выше: те самые механизмы, на которых держится группа (близость, доверие, самораскрытие), для них изначально небезопасны.

4. Непригодность при коморбидности: при тяжёлой депрессии, активном ПТСР, диссоциации или суицидальном риске формат взаимопомощи без постоянного профессионального ведущего-психолога без клинической оценки оказывается потенциально вредным; программа не предусматривает ни когнитивной реструктуризации, ни экспозиции, ни медикаментозной поддержки [11].

5. Длительное пребывание иногда замещает семейную дисфункцию групповой: выход воспринимается как «срыв», критика – как предательство; качество отдельных групп при этом не унифицировано [10].

Таблица 3. Основные риски групп ВДА

Риск	Возможные последствия
Нет профессионального ведущего-психолога	Ретравматизация, групповое мышление
«Духовный обход»	Замедление переработки травмы
Слабая доказательная база именно по ВДА	Высокий отсев, неясная эффективность
Коморбидные расстройства	Ухудшение симптомов

Сравнительный анализ и интегративная модель

Группы ВДА не противостоят доказательной психотерапии, а действуют в иной плоскости. КПТ и схема-терапия дают точечные инструменты – реструктуризацию

когниций, рескриптинг ранних дезадаптивных схем; группа же предлагает то, чего эти подходы по природе своей дать не могут: длительную горизонтальную поддержку и медленное, годами длящееся переписывание идентичности. Травмофокусированные методы – ДПДГ (десенсибилизация и переработка движениями глаз) и травмофокусированная КПТ превосходят группы в прямой переработке травматических воспоминаний, однако группы ВДА сильнее в нормализации опыта и работе со стыдом [10].

Наиболее перспективными вариантами являются:

1) гибридная модель «12 шагов»: психолог проводит первичную оценку тяжести травмы и коморбидности, направляет клиента в группу за нормализацией и сообществом, а в индивидуальной работе перерабатывает поднимающийся материал – например, методами схема-терапии или Терапии внутренних семейных систем (IFS);

2) целенаправленная доработка самого формата: сохранение его сильных сторон (длительности сопровождения, горизонтальной поддержки, низкого порога входа) при одновременном включении в структуру группы профессионального ведущего-психолога и элементов доказательных подходов, релевантных именно ВДА/ВДД (схема-терапия, IFS, травмофокусированная КПТ). Такая модифицированная модель, реализуемая по доступной цене (групповой формат снижает стоимость одной сессии в разы относительно индивидуальной терапии), способна закрыть ключевые риски и одновременно сохранить ту самую среду «таких же», которая остаётся уникальным ресурсом сообщества ВДА/ВДД.

Д. Марковиц показывает, что профессиональная терапия и 12-шаговые программы запускают пересекающиеся механизмы выздоровления – самоэффективность, аффективную регуляцию, ресурс отношений [9].

Заключение

Группы ВДА не являются альтернативой профессиональной психотерапии, а являются ее социальной инфраструктурой: пространство, в котором выросший в дисфункциональной семье взрослый медленно переписывает представление о близости, ответственности и собственной ценности. Сильные стороны (доступность, длительность сопровождения, точечная работа со стыдом) раскрываются полностью лишь в связке с клинической оценкой и доказательной психотерапией; слабые стороны (отсутствие модерирования, «духовный обход», скудная эмпирическая база, риск групповой зависимости) требуют от помогающего специалиста не противопоставления, а грамотной маршрутизации клиента. Отдельной и, по нашему мнению, наиболее продуктивной перспективой представляется не только направление клиента в существующие группы, но и доработка самого 12-шагового формата. Перспективы дальнейших исследований в России связаны с лонгитюдными

сравнениями гибридных моделей с монотерапией, изучением факторов удержания участников и качественным анализом отечественного опыта.

Список источников

1. Взрослые дети из алкогольных и дисфункциональных семей: офиц. изд. / Всемир. сервис. орг. сообщества «Взрослые дети алкоголиков» (ACA WSO).– 2023.– 813 с.

2. Войтиц Дж. Дж. Взрослые дети алкоголиков: семья, работа, отношения. Полный справочник ВДА / пер. с англ. Л. Лучиной.– М.: Независимая фирма «Класс», 2014.– 368 с.

3. Литвинова В. В. Клинико-психологические особенности взрослых детей алкоголиков // Тюменский медицинский журнал.– 2017.– Т. 19, № 1.– С. 33–36.

4. Felitti V. J. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults: the Adverse Childhood Experiences (ACE) Study / V. J. Felitti, R. F. Anda, D. Nordenberg [et al.] // American Journal of Preventive Medicine.– 1998.– Vol. 14, № 4.– P. 245–258.

5. Kelly J. F. Alcoholics Anonymous and other 12-step programs for alcohol use disorder / J. F. Kelly, K. Humphreys, M. Ferri // Cochrane Database of Systematic Reviews.– 2020.– Iss. 3.– Art. CD012880.

6. Kelly J. F. Dropout from 12-step self-help groups: prevalence, predictors, and counteracting treatment influences // Journal of Substance Abuse Treatment.– 2003.– Vol. 24, № 3.– P. 241–250.

7. Laudet A. B. Attitudes and beliefs about 12-step groups among addiction treatment clients and clinicians // Substance Use & Misuse.– 2003.– Vol. 38, № 14.– P. 2017–2047.

8. Lookatch S. J. Effects of social support and 12-Step involvement on recovery from substance use disorders / S. J. Lookatch [et al.] // Substance Use & Misuse.– 2019.– Vol. 54, № 13.– P. 2144–2155.

9. Marcovitz D. E. Overlapping mechanisms of recovery between professional treatments and 12-step programs / D. E. Marcovitz [et al.] // Psychiatric Services.– 2020.– Vol. 71, № 5.– P. 478–485.

10. Mendola A. Addiction, 12-Step programs, and evidentiary standards for ethically and clinically sound treatment // AMA Journal of Ethics.– 2016.– Vol. 18, № 6.– P. 646–655.

11. Recovery Centers of America. The benefits & limitations of 12-step programs for addiction [Электронный ресурс] URL: https://recoverycentersofamerica.com/blogs/the-benefits-and-limitations-of-12-step-programs-for-addiction/ (дата обращения: 06.04.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.94.66.072

ВОПРОСЫ САМООБРАЗОВАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Гафори Махбуба Гафор
доцент
Академия МВД Республики Таджикистан,
Худжанд, Таджикистан
Султонзода Бехзод Султони
кандидат исторических наук, начальник кафедры
Академия МВД Республики Таджикистан,
Худжанд, Таджикистан

Аннотация: *Решается проблема качества подготовки специалистов. Использованы исходные положения, в которых отражается философское видение мира. В педагогической науке считаются методологическими ведущие идеи и концепции, которые вписываются в систему научно-материалистического мировоззрения и соответствуют тенденциям развития современной науки. Таким образом, системный подход реализуется как методологический принцип системы профессионально-юридической подготовки. То есть, готовность к самообразованию не формируется стихийно, ее возможно сформировать в учебном заведении только в том случае, если она становится органической частью целостного педагогического процесса в школе или вузе. Это особенно актуально для педагогического процесса в вузе. Высшая школа готовит профессионалов для различных отраслей производства. Современные условия таковы, что осуществлять профессиональную деятельность на высоком уровне невозможно, если постоянно не заниматься самовоспитанием и самообразованием.*

Ключевые слова: *подготовки специалистов, методологические принципы, юридической, самовоспитание и самообразование, диалектико-материалистическая философия.*

Решение проблемы качества подготовки специалистов высшей ква-лификации, в частности юристов, определяет необходимость исследования самообразовательной деятельности слушателей высших учебных за-ведений Министерства внутренних дел. Теория обучения высшей школы

рассматривает самообразовательную деятельность специалиста как важный компонент его квалификационной характеристики, а формирование умений самообразования – как составную часть системы профессионально- юридической подготовки.

В связи с тем, что в педагогике высшей школы не в полной мере изучена проблема самообразовательной деятельности слушателей высшей школы МВД, теоретико-методологическое обоснование данной проблемы представляется актуальным.

Любая наука пользуется такими исходными положениями, в которых отражается философское видение мира. В педагогической науке считаются методологическими ведущие идеии, концепции, которые вписываются в систему научно-материалистического мировоззрения и соответствуют тенденциям развития современной науки. Поэтому в нашем исследовании диалектико – материалистическая философия составляет фундамент методологии педагогической науки.

Наиболее высокий уровень – всеобщая научная методология – вы-ражение эвристической функции диалектико-материалистической фило-софии, т.е. диалектический метод. Основные принципы, составляющие стержень диалектики,– всеобщая связь, становление и развитие. Так, диалектика утверждает, что качества предмета обнаруживаются как нечто сохраняющееся в многообразных отношениях данного предмета с другими. Отсюда вытекает методологический принцип, согласно которому следует предусмотреть определенные методы исследования, позволяющие выявить именно качество объекта. Диалектический принцип также требует рассматривать социальные процессы в их развитии, изменении.

Согласно диалектико-материалистической теории отражения, «спе-цифически человеческое отражение осуществляется в неразрывной связи и на основе практической преобразовательной деятельности. Поэтому и сам познавательный процесс протекает не в форме пассивного созерцания некоторых вовне данных объектов, а в виде ряда организованных в систему идеальных действий, операций, формирующих определенные идеальные объекты, которые служат средством для познавательного освоения» [1, с 423].

Теория деятельной сущности человека основывается на признании материального, активного преобразующего характера этой деятельности. Человеческая деятельность является по своей природе социальным процессом. Посредством деятельности человек активно воздействует на окружающий мир с целью его изменения и преобразования в своих интересах.

Таким образом, всякая деятельность предполагает действующего индивида – субъекта этой деятельности. Но самый этот субъект и его пси-хические свойства проявляются и формируются в деятельности.

В психологии считается общепринятым вычленение в деятельности следующих образований: деятельность как процесс активности субъекта, отвечающий мотиву; действие, отвечающее той или иной цели; операция, отвечающая условиям, в которых она осуществляется.

Основными составляющими отдельных деятельностей являются осуществляющие их действия. Действием называется «процесс, подчи-ненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е. процесс, подчиненный сознательной цели» [2, с. 107–108]

Следует отметить важную методологическую сторону приведенной классификации: любое свойство выступает здесь как определенная функция состояния обучаемого, знание и оценка которой могут служить важным средством при формировании умений.

Одним из основных методологических принципов нашего исследования является системный подход, представляющий собой современный метод научного исследования. Системный подход – это общенаучный метод анализа любого изучаемого явления. По своему месту в иерархии уровней методологии науки этот подход выступает как связующее звено между философской методологией и методологией специальных наук.

Таким образом, основными характеристиками любой системы являются целесообразность, наличие структурных компонентов, определенных связей и отношений между ними; взаимосвязь и взаимодействие с внешней средой; функционирование системы как целостного единства; динамичность (объектом системного анализа являются, прежде всего, развивающиеся системы); иерархичность и упорядоченность; многоуровневость.

Важным для нас является то, что использование системного подхода позволяет осознанно программировать перспективы развития образова-тельной практики, обосновывать новые педагогические технологии.

Таким образом, если реализуется системный подход как методоло-гический принцип, то исследование ведется с позиции системного анализа состава системы и ее подсистем (компонентов), их связей и отношений в процессе функционирования и развития системы, т.е. педагогический объект исследуется как система с точки зрения ее структурно – функциональных связей и отношений.

Составной частью системы профессионально-юридической подготовки является формирование самообразовательных умений, которое осуществляется в процессе учебно-познавательной и практической деятельности с опорой на методологические и методические основы формирования учебных умений и навыков. Разработке методологических и методических основ формирования учебных умений и навыков придавалось важное значение в трудах психологов и педагогов: Ю. К. Бабанского [3. с. 132], М. А. Данилова [4. с. 33–36],

Е. А. Милеряна [5. с. 179], К. К. Платонова [6. с. 98–103], П. И. Пидкасистого [7. с. 31–34], С. Л. Рубинштейна, Т. И. Шамовой и других.

Таким образом, готовность к самообразованию не формируется сти-хийно, ее возможно сформировать в учебном заведении только в том случае, если она становится органической частью целостного педагогического процесса школы, вуза. Это особенно актуально для педагогического процесса в вузе. Высшая школа готовит профессионалов для различных отраслей производства. Современные условия таковы, что осуществлять профессиональную деятельность на высоком уровне невозможно, если постоянно не заниматься самовоспитанием и самообразованием. Таким образом, формирование готовности к самовоспитанию и самообразованию должно стать обязательным элементом в целостном педагогическом процессе любого вуза.

Проблема самообразования первоначально являлась составляющей более крупной проблемы – самостоятельности учебно-познавательной деятельности. Так, в монографии «Самостоятельная работа учащихся на уроках» Б. П. Есипов утверждает: «Организуя самостоятельную работу учащихся, работники школы должны преследовать задачу подготовки молодых людей к продуктивной самообразовательной работе» [8. с. 239]

Нужно отметить, что, несмотря на разнообразие в понимании сущности самообразования, все авторы считают, что самообразование является познавательной деятельностью и что самообразование не может осуществляться само по себе. Основой самообразования являются знания, приобретенные в процессе организованного обучения.

Эти выводы указывают на тесное единство учения и самообразования, так как и учение, и самообразование являются познавательной деятельностью. Кроме того, как уже было отмечено, основой самообразования является учение, которое осуществляется в современных условиях в различных учебных заведениях при управляющей функции педагога.

По нашему мнению, именно различие в уровне управления познавательной деятельностью субъекта и является основным различием между учением и самообразованием. В учебном процессе школы, вуза и других учебных заведений управление деятельностью осуществляется в большей степени педагогом, а самообразовательная деятельность осуществляется при самоуправлении личности, т.е. самообразование есть не что иное, как переход от системы внешнего управления к самоуправлению.

Список литературы:

1. Философский энциклопедический словарь.– М.: Советская энциклопедия, 1989.– 423 с.

2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность.– М.: Политиздат, 1975.- с. 107–108.

3. Бабанский Ю. К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований. -М.: Просвещение, 1982.–132 с.

4. Данилов М. А. Воспитание у школьников активности и самостоятельности в процессе обучения // Сов. педагогика, 1961. № 8.– с. 33–36.

5. Милерян Е. Н. Психология формирования общетрудовых политехнических умений.– М.: Педагогика, 1973.–179 с.

6. Платонов К. К. О знаниях, навыках и умениях // Сов. педагогика.– 1963.-№ 11.– С. 98–103.

7. Пидкасистый П. И., Пискунов А. Е. Навыки самообразования – важная цель обучения // Вестн. высш. школы.– 1987.– № 4.– С. 31–34.

8. Есипов Б. П. Самостоятельная работа учащихся на уроках.– М.: Учпедгиз, 1961.- 239 с.

DOI 10.34660/INF.2026.94.95.005

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ПРОГРАММИРОВАНИЮ УЧАЩИХСЯ 7–9 КЛАССОВ

Еремина Ирина Ильинична
кандидат педагогических наук, доцент
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

Аннотация. *В статье представлена педагогическая модель интеграции игровых технологий в процесс обучения программированию учащихся 7–9 классов, направленная на повышение эффективности формирования алгоритмических компетенций и развития логического мышления школьников. Модель базируется на системном подходе к внедрению элементов геймификации в образовательный процесс и учитывает возрастные особенности подростков. Предложенные механизмы интеграции игровых элементов способствуют формированию устойчивых навыков решения алгоритмических задач и развитию профессиональных компетенций будущего программиста.*

Ключевые слова: *геймификация, игровые технологии, программирование, обучение, школьники, педагогическая модель, алгоритмическое мышление, цифровая педагогика, образовательный процесс, мотивация.*

Abstract. *The article presents a pedagogical model for integrating gaming technologies into the programming education of 7th-9th grade students, aimed at improving the efficiency of developing algorithmic competencies and logical thinking in schoolchildren. The model is based on a systematic approach to incorporating elements of gamification into the educational process and takes into account the age-related characteristics of adolescents. The proposed mechanisms for integrating gaming elements contribute to the formation of stable skills for solving algorithmic problems and the development of professional competencies for future programmers.*

Keywords: *gamification, gaming technologies, programming, education, students, pedagogical model, algorithmic thinking, digital pedagogy, educational process, motivation.*

В современных условиях цифровизации образования особую актуальность приобретает проблема повышения эффективности обучения программированию учащихся средней школы. Цифровая трансформация общества создает новые требования к подготовке будущих специалистов IT-сферы, что обуславливает необходимость формирования алгоритмического мышления и базовых навыков программирования у школьников 7–9 классов.

Анализ существующей практики показывает, что традиционные методы обучения программированию не обеспечивают достаточного уровня мотивации и вовлеченности учащихся. Противоречие между растущей потребностью общества в квалифицированных IT-специалистах и недостаточной эффективностью традиционных подходов к обучению программированию определяет актуальность разработки новых педагогических решений.

В рамках настоящего исследования разработана комплексная педагогическая модель, направленная на интеграцию игровых технологий в образовательный процесс обучения программированию учащихся 7–9 классов.

Основные результаты исследования включают создание целостной системы, объединяющей традиционные образовательные подходы с современными игровыми механиками, формирование критериев отбора игровых элементов для обучения программированию, а также определение условий эффективного применения игровых технологий в образовательном процессе.

Методологическая база исследования позволила выявить и систематизировать методические особенности внедрения игровых механик при обучении основам программирования, а также установить взаимосвязи между игровыми элементами и формированием алгоритмического мышления учащихся.

Разработанная модель существенно расширяет понимание педагогических возможностей геймификации в образовательном процессе и вносит вклад в развитие теории и методики обучения программированию. Практическая реализация модели способствует повышению эффективности формирования алгоритмических компетенций и развитию программистских навыков у учащихся.

Практическая реализация разработанной модели возможна при создании методических материалов, организации учебных занятий и построении образовательного процесса в условиях современной цифровой образовательной среды, что подтверждается результатами проведенного исследования.

В основу модели положены теоретические положения о взаимосвязи игровой деятельности и образовательного процесса, а также современные представления о возможностях геймификации в повышении эффективности обучения. Модель строится на принципах системности, последовательности, доступности и учитывает возрастные особенности учащихся 7–9 классов, что обеспечивает её практическую реализуемость в условиях современного образовательного процесса.

Далее представим детальное описание структурных компонентов модели, их взаимосвязи и механизмы функционирования, которые позволят раскрыть потенциал игровых технологий в контексте обучения программированию.

Педагогическая концепция направлена на формирование образовательной экосистемы для школьников 7–9 классов, где они могут эффективно развивать алгоритмическое мышление и осваивать языки программирования Python и Scratch. Ключевая особенность модели заключается в создании мотивирующей среды с использованием игровых элементов, что способствует устойчивому интересу к обучению.

В образовательном процессе участвуют две основные категории: педагоги и учащиеся. Преподаватель выступает в качестве куратора образовательного процесса: он разрабатывает учебные материалы, управляет группой, определяет критерии оценки и анализирует успеваемость. Учащийся, в свою очередь, становится активным участником образовательного процесса, самостоятельно планирующим свою деятельность и отслеживающим достижения в игровой среде. Подобное распределение ролей соответствует принципам теории самоопределения и обеспечивает баланс контроля и свободы действий для всех участников.

Учебная программа построена на двух форматах практических заданий. Python-задания ориентированы на написание кода с применением определённых синтаксических конструкций, в то время как Scratch-проекты предполагают создание визуальных решений с последующей публикацией работ. Возрастная дифференциация позволяет оптимально выстроить образовательный процесс: младшие школьники (7 класс) начинают с Scratch для преодоления синтаксических трудностей, а учащиеся 8–9 классов постепенно переходят к более сложному Python.

Сочетание практического обучения с игровыми технологиями создаёт эффективную среду для освоения программирования. Реальные задачи в сочетании с увлекательными игровыми элементами поддерживают интерес учащихся и усиливают их мотивацию к обучению.

Программный комплекс «LearnToCode» стал успешным примером интеграции педагогических задач и технологических решений. Детальная система соответствий между образовательными целями и техническими реализациями позволила создать эффективную модель обучения.

Каждый технологический компонент платформы направлен на достижение конкретных учебных результатов. Разработанное решение представляет собой инновационный инструмент, который не только обучает основам программирования, но и делает образовательный процесс увлекательным и результативным.

Таблица 1 – Соответствие элементов педагогической модели архитектуре платформы «LearnToCode».

Элемент педагогической модели	Педагогическое содержание	Реализация в архитектуре приложения
Педагогическая цель платформы	Создание мотивирующей среды обучения программированию с автоматической проверкой заданий	Клиент-серверная архитектура (Node.js + Express); REST API обеспечивает асинхронное взаимодействие без зависимости от внешних сервисов
Субъект обучения – учитель	Организация учебного процесса, управление контентом и мониторинг успеваемости	Роль teacher; middleware requireTeacher; разделы управления учениками, заданиями, просмотра успеваемости
Субъект обучения – ученик	Выполнение заданий, формирование алгоритмического мышления	Роль student; персонализированный интерфейс с фильтрацией заданий по классу
Содержание обучения – задания	Практические задачи, дифференцированные по классу и сложности	Сущность Assignment в assignments.json; поля: title, description, class, type, keywords, maxPoints, isActive
Возрастная дифференциация (7–9 кл.)	Учёт уровня развития алгоритмического мышления каждой параллели	Поле class в задании и в профиле ученика; для 7 кл.– тип Scratch, для 8–9 кл.– тип Python
Принцип немедленной обратной связи (теория потока)	Мгновенное информирование ученика о результате	Эндпоинт POST /api/check; проверка по ключевым словам; toast-уведомления на клиенте
Компетентность (теория самоопределения)	Ощущение прогресса и успеха как основа внутренней мотивации	Балльная система; четыре уровня; прогресс-бар как визуализация накопленного результата
Автономия (теория самоопределения)	Самостоятельный выбор заданий и элементов персонализации	Произвольный порядок выполнения заданий; PATCH /api/me для смены аватара
Принадлежность (теория самоопределения)	Социальная идентификация и здоровая конкуренция	Лидерборд, сегментированный по классам; GET /api/leaderboard?class=N
Положительное подкрепление (бихевиоризм)	Закрепление желательного учебного поведения	Анимация конфетти при полном выполнении задания; всплывающие toast-уведомления
Централизованное управление данными	Независимость прогресса ученика от рабочего места	JSON-хранилище на сервере; данные не привязаны к конкретному компьютеру в классе

Безопасность и разграничение доступа	Исключение несанкционированных действий учеников	JWT-аутентификация; middleware authenticate и requireTeacher на каждом защищённом эндпоинте

Каждый элемент образовательной модели получил точное воплощение в программном коде, а все технические решения были разработаны с учётом конкретных учебных задач. Продуманная архитектура обеспечила тесную взаимосвязь между образовательными целями и технологическим исполнением, что позволило создать эффективный инструмент для обучения. Подобная методология разработки предотвращает возникновение технических элементов, не связанных с учебными целями. Архитектурное решение построено на клиент-серверной модели взаимодействия. Серверный модуль разработан с использованием платформы Node.js и фреймворка Express.js. Система хранения данных реализована через два JSON-файла (users.json и assignments.json), что позволяет избежать установки дополнительных СУБД и существенно упрощает процесс внедрения в локальную сеть образовательного учреждения. Клиентская составляющая представлена в виде одностраничного веб-приложения (SPA), созданного с применением современных технологий: нативного HTML5, CSS3, JavaScript (ES6+).

Приложение обеспечивает кроссбраузерную совместимость и не требует дополнительной компиляции перед использованием. Система безопасности построена на механизме аутентификации JSON Web Token (JWT). При успешной авторизации сервер генерирует защищённый токен, который клиентское приложение использует при каждом обращении к защищенным ресурсам. Контроль доступа осуществляется через middleware-функции, выполняющие проверку пользовательских ролей на стороне сервера.

Педагогическая модель платформы «LearnToCode» сформировалась как комплексная система, где теоретические основы геймификации эффективно трансформируются в практические технические решения. Созданная архитектура служит фундаментом для всех последующих этапов развития проекта и определяет принципы их реализации.

В рамках технической реализации платформы были разработаны и интегрированы три ключевых модуля: Система управления доступом – комплекс механизмов для аутентификации пользователей и контроля их прав в системе; Игровой компонент – набор инструментов для внедрения элементов геймификации и системы мотивации; Пользовательские интерфейсы – специализированные рабочие пространства для преподавателей и учащихся.

Данные модули формируют базовый операционный уровень, который реализует педагогические принципы, описанные в теоретической части

исследования. Архитектура системы безопасности построена на двухуровневой ролевой модели, предусматривающей следующие категории пользователей: администраторы контента (педагогические работники); пользователи-исполнители (обучающиеся);.

База данных реализована в формате структурированного JSON-документа, содержащего полную информацию о пользовательских профилях. Каждый аккаунт включает следующие параметры: уникальный идентификационный номер, данные для аутентификации, присвоенная роль в системе, дополнительная информация (класс, выбранный визуальный образ), статистика успеваемости, история выполненных заданий.

Такая организация данных обеспечивает эффективное взаимодействие всех компонентов системы и поддерживает необходимый уровень безопасности при работе с пользовательской информацией. Механизм аутентификации построен на технологии JSON Web Token с ограниченным периодом действия 24 часа. При успешной верификации учётных данных генерируется криптографически защищённый токен, содержащий информацию о пользователе. Токен сохраняется в localStorage клиента и передаётся в заголовке Authorization при взаимодействии с API. Контроль доступа обеспечивается посредством middleware-компонентов, реализующих многоуровневую проверку прав. Базовый компонент authenticate осуществляет валидацию JWT-токена и проверку срока его действия. Специализированный компонент requireTeacher дополнительно верифицирует принадлежность пользователя к категории администраторов. Безопасность системы обеспечивается централизованным управлением учётными записями, где регистрация учащихся производится исключительно преподавателем. Такой подход исключает несанкционированный доступ и предоставляет педагогу полный контроль над составом учебной группы.

Предложенная архитектура системы аутентификации обеспечивает оптимальное сочетание безопасности, удобства использования и масштабируемости решения. Система игровых элементов платформы направлена на реализацию мотивационной составляющей образовательного процесса и объединяет комплекс взаимосвязанных компонентов: система баллов (механизм накопления достижений, позволяющий пользователям отслеживать прогресс и получать вознаграждения за успешное выполнение заданий), левел-ап система (структурированная иерархия уровней, отражающая развитие пользователя и открывающая доступ к новым возможностям по мере роста компетенций), рейтинговая система (публичное отображение достижений пользователей в формате соревновательной таблицы, стимулирующее здоровую конкуренцию), персонализация (возможность индивидуальной настройки пользовательского профиля, включая выбор визуального оформления и уникальных элементов), система поощрений (комплекс визуальных и функциональных наград за достижения, мотивирующих

к дальнейшему развитию). Все перечисленные компоненты органично интегрированы в общую педагогическую модель и работают как единый механизм, направленный на повышение вовлеченности и эффективности образовательного процесса. Каждый элемент системы способствует формированию устойчивой мотивации к обучению и развитию.

Программный комплекс имеет корректную систему оценки: за безупречное выполнение задания начисляется 100% баллов, при наличии недочётов – 50%, а при несоответствии требованиям баллы не начисляются, повторное выполнение заданий не разрешается.

Платформа использует специальный API-интерфейс для обработки учебных заданий. Через эндпоинт POST /api/submit происходит комплексная проверка: валидация токена доступа, контроль уникальности решения и анализ программного кода. Для Python-программ применяется метод лексического анализа без выполнения кода, а проекты Scratch проверяются по URL-адресу на принадлежность к официальному сайту.

Система предусматривает четыре ступени развития пользователей: от начального уровня «Новичок» до продвинутого «Мастер». Рейтинг формируется отдельно для каждого класса, а таблица лидеров (доступная через GET /api/leaderboard?class=N) демонстрирует тройку лучших учеников. Мотивационный компонент платформы включает игровые элементы: возможность выбрать аватар из 30 эмодзи, визуальную анимацию при успешном выполнении заданий и моментальные уведомления о результатах. Такой подход обеспечивает быструю обратную связь и наглядно демонстрирует прогресс обучения, что существенно повышает вовлечённость пользователей в образовательный процесс.

Панель управления преподавателя, доступная исключительно для пользователей с правами администратора, включает три основных функциональных блока. Первый модуль предназначен для управления учётными записями учащихся. Здесь педагог может создавать новые профили с возможностью настройки персональных данных (логин, пароль, принадлежность к классу), просматривать детальную статистику успеваемости в формате сводной таблицы, отражающей количество выполненных заданий и набранные баллы, а также выполнять удаление неактивных аккаунтов при необходимости. Второй модуль отвечает за контент-менеджмент образовательной платформы. Преподаватель имеет возможность разрабатывать учебные задания двух форматов, устанавливать для каждого из них максимальную оценку, задавать специфические параметры (список ключевых слов для Python-проектов или требования к URL для Scratch-работ). Дополнительно реализована функция активации/деактивации материалов: активные задания отображаются в личном кабинете учащихся соответствующего класса, в то время как деактивированные остаются в системе, но становятся невидимыми для пользователей. Третий модуль

представляет собой систему аналитики успеваемости, которая агрегирует и визуализирует данные об эффективности образовательного процесса. Преподаватель получает доступ к комплексной статистике: процент выполнения заданий каждым учащимся, суммарные баллы по всем работам, рейтинговые позиции как отдельных учеников, так и целых параллелей. Веб-интерфейс платформы построен по принципу одностраничного приложения и объединяет три основных блока: хранилище учебных материалов, персональный кабинет и рейтинговую систему. При авторизации система автоматически настраивает доступ к контенту в соответствии с назначенной ролью пользователя.

Ключевое преимущество платформы – моментальная оценка выполненных заданий, что существенно снижает уровень тревожности учащихся и поддерживает их вовлечённость в образовательный процесс. Личный кабинет предоставляет полный набор информации о прогрессе: персональный аватар, накопленные баллы, текущий уровень в системе, статус выполнения общих заданий класса и подробный журнал с оценками всех отправленных работ.

Система рейтинга наглядно демонстрирует положение учащегося в рамках класса и выделяет топ-3 участника. Система предоставляет преподавателям удобный инструмент для мониторинга успеваемости и оперативной корректировки учебного процесса. Платформа создана как единая образовательная экосистема, включающая систему авторизации, персональный кабинет, игровые механики, административные функции. Все технологические решения платформы разработаны с опорой на педагогические принципы, что обеспечивает результативность образовательного процесса. Архитектурное решение базируется на REST-принципах, где каждый элемент системы (от пользовательских данных до рейтинговой информации) имеет уникальный идентификатор.

Таблица 2 – Основные эндпоинты REST API платформы «LearnToCode».

Эндпоинт	Назначение	Доступ
POST /api/login	Аутентификация; возвращает JWT-токен и профиль	Открытый
GET /api/me	Получение профиля текущего пользователя	Все роли
PATCH /api/me	Обновление эмодзи-аватара	Все роли
GET /api/assignments	Список заданий (с фильтрацией по классу для ученика)	Все роли
POST /api/assignments	Создание нового задания	Учитель
PATCH /api/assignments/:id	Активация / деактивация задания	Учитель
DELETE /api/assignments/:id	Удаление задания	Учитель

Эндпоинт	Назначение	Доступ
POST /api/check	Предварительная проверка кода без сохранения результата	Ученик
POST /api/submit	Сдача задания, проверка кода, начисление баллов	Ученик
GET /api/users	Список учеников	Учитель
POST /api/users	Создание учётной записи ученика	Учитель
DELETE /api/users/: id	Удаление учётной записи	Учитель
GET /api/leaderboard	Рейтинг учеников с параметром?class=N	Все роли

Платформа отличается продуманной интеграцией мультимедийного контента: учителя могут добавлять видеоматериалы из RuTube и VK Видео прямо в задания. Система автоматически встраивает плееры, что избавляет от необходимости загружать файлы на сервер и решает проблему с ограниченным дисковым пространством.

Безопасность обеспечивается многоуровневой защитой, достаточной для работы в школьной сети. В системе внедрена многоступенчатая защита данных с проверкой прав доступа для каждого запроса.

Образовательная платформа «LearnToCode» – это иновое решениедля учителя информатики, которое органично соединяет современные технологические возможности с эффективными педагогическими методиками. Система работает автономно в локальной сети, обеспечивает синхронизацию данных между разными устройствами и предоставляет широкие возможности для администрирования. Многоуровневая система контроля доступа гарантирует надёжную защиту пользовательских данных.

В основе платформы лежит комплексный подход, охватывающий все этапы образовательного процесса – от постановки учебных целей до итоговой оценки результатов. Традиционные методы обучения здесь гармонично сочетаются с элементами геймификации, построенными на современных педагогических принципах. Мотивационная система включает балльно-рейтинговую оценку, уровни достижений, таблицы лидеров, возможность персонализации профиля и своевременную систему уведомлений. Разработанный интерфейс обеспечивает потребности всех участников образовательного процесса. Преподаватели получают полный инструментарий для управления учебным процессом: создание заданий по Python и Scratch, мониторинг успеваемости учеников. Ученики могут эффективно работать через удобный редактор кода и личный кабинет с доступом к учебным материалам. Техническая составляющая платформы, построенная на стеке Node.js, Express.js и REST API, обеспечивает стабильную работу при минимальных требованиях к оборудованию. Успех платформы

определяется не количеством игровых элементов, а их грамотной интеграцией в образовательный процесс с учётом возрастных особенностей учащихся.

Такой подход позволяет сделать обучение программированию одновременно эффективным и увлекательным. Платформа полностью готова к внедрению в реальную образовательную среду и может успешно применяться для обучения основам программирования.

Список литературы:

1. Еремина, И. И. Использование технологий адаптивного обучения в образовательном процессе / И. И. Еремина, Д. М. Лысанов // Проблемы современного педагогического образования. – 2026. – № 90–3. – С. 123–125.

2. Еремина, И. И. Цифровая оценка качества обучения: математическая модель квалиметрии в условиях цифровой университетской среды / И. И. Еремина, Д. М. Лысанов // Проблемы современного педагогического образования. – 2026. – № 90–4. – С. 59–62.

3. Еремина, И. И. Оценка качества обучения в stem-образовании: математическая модель в условиях цифровой университетской среды / И. И. Еремина, Д. М. Лысанов // Лучшие практики общего и дополнительного образования по естественно-научным и техническим дисциплинам: Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика РАН К. А. Валиева, Елабуга, 23 января 2026 года. – Казань: Казанский федеральный университет, 2026. – С. 228–238.

4. Еремина, И. И. Формирование цифровых компетенций студентов – слушателей программ дополнительной профессиональной переподготовки проекта «Цифровые кафедры» / И. И. Еремина, А. А. Шаронова // Современные наукоемкие технологии. – 2024. – № 4. – С. 138–144. – DOI 10.17513/snt.39984.

5. Еремина, И. И. Использование кейсовых технологий при изучении специальных дисциплин в вузе / И. И. Еремина, Д. М. Лысанов // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – Т. 15, № 1–2. – С. 174–180.

DOI 10.34660/INF.2026.95.53.103
УДК 7.316

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕДАГОГИКЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА И В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Итерман Лилия Николаевна
соискатель ученой степени кандидата наук
Московский государственный институт культуры

Аннотация: *Статья посвящена инновационным подходам в педагогике и использованию Искусственного Интеллекта в области изучения иностранного языка и других дисциплин. Рассмотрены понятия Искусственный Интеллект, примеры инновационных подходов и их активного применения в педагогике и образовании в целом. Приведены примеры использования Искусственного Интеллекта в Китае и России и объективная оценка его использования.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, рациональный подход, мониторинг, лексико-грамматические синтагмы, адаптивное обучение, Панноктекум.*

Abstract: *This article is devoted to pedagogy and artificial intelligence in the field of foreign language learning and other disciplines. The concept of artificial intelligence and its active application in pedagogy and education in general are discussed. Examples of the use of artificial intelligence in China and Russia and an objective assessment of its use are provided.*

Keywords: *artificial intelligence, rational approach, monitoring, lexical and grammatical syntagmas, adaptive learning, Pannokthecum.*

Институт культуры и искусств объединяет в себе множество направлений, музыкальное, библиотечное, фотографическое искусство, журналистика и т.д

Все эти направления были объединены в одно сообщество изучения английского языка на базе факультета дополнительного образования и показали вою эффективность и востребованность. Специалист со знанием иностранного языка – это всесторонне-развитая, культурно-сформированная, востребованная

личность. Культура и язык тесно взаимосвязаны – это ключи к многополярному и поликультурному обществу. Современные технологии способствуют развитию такого общества.

Инновационные подходы в педагогике и сфере культуры, интеграция новых технологий делают культурное образование более эффективным, мотивационным и продуктивным, направленным на формирование личности, способной жить и развиваться в многокультурном пространстве.

К основным инновационным технологиям в педагогике, культуре, и сфере изучения иностранных языков относятся: применение генеративного искусственного интеллекта GenAI, который помогает в развитии диалогического искусства и критического мышления. Такие системы как Khanmigo из Khan Academy оказывают персонализированную поддержку в обучении в виде уточняющих вопросов на основе ответов ученика.

Иммерсивные технологии (от английского слова immerse – погружаться), предлагают ролевые игры, цифровые модели для погружения в исторические и культурные контексты. Применение видео игр Brendan's Voyage и Operation Lapis позволяют изучать языки и культуру через игровые сценарии.

Виртуальные музеи и онлайн курсы делают культуру, искусство и языки доступными для более широкой аудитории. В современных, непростых реалиях такие платформы – это способ знакомства с мировыми достояниями и наследиями не только зарубежной, но и русской культуры. Ведь посетить Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Третьяковскую Галерею в Москве, или Британский Музей в Лондоне, благодаря цифровым возможностям может каждый желающий, что способствует расширению кругозора и самовыражения культурно-развивающейся личности.

Арт Педагогика – комбинация педагогики, искусства и психологии. Искусство, как средство создания благоприятной обстановки и творческого поиска личности. Арт педагогика способствует при помощи искусства воздействовать на эстетические, этические и коммуникативно-рефлексивные основы личности в процессе обучения. В век цифрового поколения, так называемого «wired generation» (проводное поколение от английского термина wire -провод и generation -поколение) очень важно сохранить интерес к культурному наследию и сделать использование информационного пространства наиболее благоприятным, полезным, и модерационным, то есть в меру.

Проблемно-ориентированная и проектная деятельность: вовлечение обучающихся в решение культурных и образовательных задач, нацеленных на развитие аналитических, коммуникативных и интерпретационных умений и навыков. Создание совместных проектов, способствует воспитанию командного духа и единению обучающихся.

Интеграция традиционных и современных технологий: например, в декоративно- прикладном искусстве комбинируют крафтовые техники с цифровыми, трансформируя ручные эскизы в цифровой формат.

И конечно же нейросети: незаменимые помощницы не только студентов и обучающихся, но и ученых, учителей и специалистов различных сфер.

Искусственный интеллект или нейросеть – все стремительнее и стремительнее проникает в разные сферы современного общества России и образования в частности.Понятие Искусственный Интеллект от английского языка Artificial Intelligence или AI -широко известно в современном цифровом мире. Направление в компьютерных науках, которое занимается созданием систем, способных выполнять задачи, требующие в обычной жизни человеческого интеллекта, включающее в себя обучение, рассуждение, принятие решений, распознавание речи и образов, анализ и генерацию текстов, адаптацию и планирование новых ситуаций. Впервые термин «Artificial Intelligence» или «Искусственный разум» был представлен английским ученым и новатором Джоном Маккарти, который создал язык программирования Lisp и разработал концепцию разделения времени в 1956 г.

В сущности, Искусственный Интеллект в образовании и обучении иностранного языка, в частности может использоваться для следующих целей:

– Персонализированное обучение, то есть личностно-ориентированный подход, интеллектуальная машина применяется и адаптируется к уровню -студента предпочитаемому стилю обучения, темпу обучения, соответствующим целям и задачам.

– Автоматизация задач. Искусственный Интеллект может автоматизировать, селектировать материалы для курса, делать оценку и предоставлять обратную связь ученику.

Практически работа учителя – но безэмоциональный и рациональный подход.

Помощь в понимании сложных предметов и других компликаций, связанных с видом образовательной деятельности. Искусственный Интеллект может представлять простые, но интуитивные объяснения учащемуся. Однако построение лексико-грамматических синтагм без понимания основ грамматики и лексики иностранного языка, в частности, не дает практических результатов, первый же тест по говорению это покажет. Соответственно применения Искусственного Интеллекта на практике возможно только при условии высокого уровня обучающегося и для последующей доработки заданий.

– Улучшения опыта обучения в классе, путем применения Искусственного Интеллекта делают ранее недоступный материал доступным для разных категорий учащихся и студентов с особыми потребностями. Такая опция значительно может облегчить обучение учащихся с отклонениями, аутистов

и др. В современном обществе данная проблема очень актуальна и помощь обучающимся с отклонениями важна и нужна, в этой области данный инструмент необходим, но с поддержкой любящего педагога.

Важным событием в истории образования Российской Федерации является Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 октября 2023 г.,2894-р. «Стратегическое направление в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации[9].

Мониторинг прогресса и достижений учеников. Искусственного Интеллекта может сообщать учителю о прогрессе учеников динамики и потенциальных областях улучшения, создавать отчеты для педагога и родителей.

В результате три важных компонента объединяются в единый пользовательский интерфейс, с которым взаимодействует учащийся.

Однако система адаптивного обучения несовершенна, и противоречива. Цель – дать студенту как можно быстрее сложные знания без осмысления и достаточного понимания. Если вопросы слишком простые учащийся усваивает материал слишком быстро, без углубления, то есть поверхностно, а если сложные, то у учащегося пропадает мотивация к дальнейшему обучению что в долгосрочной перспективе может привести к снижению успеваемости. Возникает тонкая грань между активным использованием Искусственного Интеллекта и его применением в педагогике и образовании.

Нужен целый научный пласт для изучения осознанного применения Искусственного Интеллекта, его отрицательных компонентов и положительных компонентов для эффективного использования в педагогической деятельности.

В Китае ИИ применяется достаточно широко не только для обучения и тестирования, но и для наблюдения за учащимися при помощи камер, которые отслеживают сосредоточен ли ученик на занятии (Коннер 2018) на основе этих наблюдений можно обратиться к ученику и применить действующий метод для включения его в процесс обучения на уроке в режиме реального времени. В Китае широко внедряется метод мониторинга, посредством камер, однако реакция у студентов негативная:" Я не смею отвлекаться после того, как за мной наблюдают пара искусственных глаз», мой Панноктикум. Бентана. Панноктикум – это тюрьма, в которой социальный контроль осуществляется при помощи камер, где заключенные постоянно чувствуют, что за ними наблюдают. С одной стороны, это оказывает влияние на учеников – Искусственный супервайзер помогает не отвлекаться внешне, но не дает гарантии, что ученик сосредоточен. Только интерес к изучаемому предмету, его понимание, осознание необходимости в этом предмете – мощные ключи к мотивации у студентов и школьников.

В заключении можно утверждать, что без эмоционального влияния учителя, его любви к ученикам и предмету невозможно достичь высоких результатов,

а значит взрастить будущих компетентных профессионалов в области науки, педагогики. медицины и других областях.

Список литературы.

1. О'Коннел М- Искуственный Интеллект и будущее человечества (2018 г.)

2. Соколов Н. В., Виноградский В. Г., «Искусственный Интеллект в образовании.Перспективы и риски в РФ».журнал «Проблемы современного педагогического образования в 2022 г.

3. Овсянницкая Л. Ю., Кравченко И. А., «Об интеграции технологий искусственного интеллекта и педагогических технологий».

DOI 10.34660/INF.2026.97.48.106

DIGITAL ECO-MEDIADISCOURSE OF THE FORESTRY AGENCY OF UZBEKISTAN: LINGUO-PRAGMATIC AND SYNTACTIC TRANSFORMATIONS

Djuraeva Dilnoza Fazliddinovna
Independent researcher
Uzbekistan University of Journalism and Mass Communications

Abstract. *In the context of global environmental challenges and large-scale greening programs, this article comprehensively analyzes the digital eco-mediadiscourse of the Forestry Agency under the Ministry of Ecology, Environmental Protection, and Climate Change of the Republic of Uzbekistan. The study examines the linguo-pragmatic features, syntactic structure, and emerging internet genres of media content on the Agency's official website and social media platforms. Using discourse analysis methods, the issues of excessive terminological load and official-business style (chancellery language) in public communications are identified. Scientific and practical proposals are put forward to enhance the accessibility of texts for a wide audience through syntactic transformations and the implementation of digital storytelling.*

Keywords: *eco-mediadiscourse, digital PR, Forestry Agency, environmental journalism, linguo-pragmatics, chancellery language, syntactic transformation, media-infographics, public communications.*

Introduction and Relevance of the topic. In the developmental stage of the modern digital society, open, rapid, and comprehensible public communication by state administration bodies and specialized agencies stands as a primary condition for ensuring political-social stability and public safety, especially during environmental emergencies. Today, as global climate change, land degradation, desertification, and biodiversity loss are acutely felt, the social value of ecological and forestry information has grown incomparably. Located at the heart of the Central Asian region, which is heavily impacted by environmental crises, the Republic of Uzbekistan considers the preservation, expansion, and scientific management of its forest funds a strategic priority.

Decrees and resolutions of the President of the Republic of Uzbekistan emphasize the fundamental digitalization of the ecological and forestry sectors,

the implementation of advanced information technologies, and the establishment of high-quality, direct dialogue with the population via mass media and social networks (p. 1). Alongside traditional media, these digital transformation processes have shaped a distinct digital public relations (Digital PR) system for state organizations. This network has given rise to a novel linguo-mediatic phenomenon possessing unique linguistic, pragmatic, and genre characteristics: digital eco-mediadiscourse.

However, from the perspectives of journalism, medialinguistics, and social communication, a significant portion of the texts distributed through the digital channels (website, Telegram, Facebook) of the Forestry Agency is still heavily burdened by traditional, complex scientific-professional terminology and official-bureaucratic style chancellery language. The pragmatic impact of eco-media texts on the public consciousness, the simplicity of their language, and their genre diversity remain critical scientific challenges. Linguistic barriers often lead to communicative disconnects when notifying the public about mass tree-planting campaigns, green initiatives ("Yashil Makon"), or ecological regulations. These factors determine the relevance of this research within the framework of Congress-2026.

Research Methodology and Empirical Base. The methodological framework of this research is built upon the theories of medialinguistics, syntactic stylistics, discourse analysis, and digital journalism. The main digital information resources of the Forestry Agency of the Republic of Uzbekistan were selected as the object of study: the official website and its primary social media platforms, including Telegram, Facebook, and Instagram.

To collect empirical data, a total of 680 media texts published on these digital resources between January 2025 and May 2026 were sampled and analyzed using the following scientific methods:

1. **Quantitative and qualitative content analysis:** Materials on all digital platforms were statistically categorized by genre, topic, and pragmatic direction.

2. **Discursive and linguo-pragmatic analysis:** Lexical units, specialized forestry, ecological, and botanical terms were evaluated for density and their capability to attract reader attention and prompt civic action.

3. **Syntactic and stylistic analysis:** Sentence structures, the balance between nominal and verbal constructions, and the syntactic density of the public texts were investigated.

4. **Communicative monitoring:** User comments under digital content were reviewed to detect comprehension levels and points of communicative breakdown between the Agency and the public.

Research results and statistical analysis. Monitoring the digital PR activity of the Forestry Agency revealed systemic indicators and patterns regarding genre and linguistic priorities. The distribution of text genres across different digital channels demonstrates various pragmatic functions.

Table 1. Genre and pragmatic distribution of texts on the agency's media resources (2025–2026 Analysis)

Genres and Media Formats	Official Website (%)	Telegram Channel (%)	Instagram & Facebook (%)	Pragmatic Orientation (Main Goal)
Official forestry reports and scientific-botanical bulletins	65%	20%	5%	Official accountability to higher authorities and industry sectors
Emergency warnings and urgent ecological announcements	25%	40%	20%	Prompt warning to protect nature and guide public action
Eco-infographics, digital maps, and visual texts	6%	25%	35%	Visualizing and simplifying complex ecological and statistical data
Climate trends, popular science articles, and green posts	4%	13%	25%	Enhancing the ecological and environmental culture of society
Storytelling (human stories) and interactive polls	0%	2%	15%	Connecting with the audience, establishing a two-way dialogue

The quantitative analysis demonstrates that traditional, official, and dry information genres still hold high priority on the Agency's digital platforms, accounting for 65% on the website and 20% of the total volume on Telegram. Interactive and human-centric storytelling formats, which form the cornerstone of modern digital PR, remain highly limited, indicating a primarily monologic communication model.

Scientific Discussion. The quantitative and qualitative findings necessitate a deeper linguistic discussion regarding public communication. A state organ's text in the digital sphere must not merely present data but should execute a high pragmatic function, steering public consciousness toward active ecological participation.

1. Lexical-semantic load and the barrier of professional terms. An analysis of the lexical level reveals an excessively high density of professional, academic, and technical terms. In 48% of the analyzed texts, complex terminology was actively utilized:

- **Forestry and botanical terms:** *Defragmentation of forest funds, agroforestry phytomelioration, arid dendrochronology, ecosystem degradation index, introduction of exotic taxons.*
- **Ecological and regulatory phrases:** *Parameters of carbon sequestration, monitoring of soil erosion, volume of forest reproduction.*
- **Bureaucratic cliches (Chancellery language):** *In order to ensure the execution of measures aimed at radically improving forestry provision, monitoring work is being carried out in cooperation with relevant services.*

According to the laws of linguo-pragmatics, a fast-paced social media reader abandons a text after encountering multiple unfamiliar terms, creating a barrier that prevents critical ecological information from reaching its destination.

Table 2. Linguo-Stylistic Dominance of Texts in the Forestry Agency's Digital Eco-Mediadiscourse (2025–2026 Analysis)

No.	Linguistic and Stylistic Directions of the Agency's Digital Texts	Share in Total Texts (%)	Pragmatic Impact Level
1	Official-business style (Chancellery language)	38%	Low (creates a linguistic barrier for the audience)
2	Professional-technical style (Industry terminology)	48%	Medium (intended mainly for industry specialists)
3	Popular, journalistic, and vernacular language	14%	High (most effective model for digital PR)
Total	Volume of empirically analyzed materials	100%	Complex Indicator

As Table 2 illustrates, only 14% of the texts generated for the digital media space meet the journalistic standards of accessibility, simplicity, and clarity. The remaining 86% are trapped within scientific and bureaucratic linguistic barriers.

2. Syntactic density and the issue of nominalization. A major stylistic challenge identified during the study is the replacement of verbal constructions with heavy nominal ones – known as "text nominalization" or "bureaucratic weight". Let us analyze a typical syntactic structure from the Agency's Telegram channel:

Original text (example 1): *In connection with the expectation of the introduction of modern localized seedling cultivation technologies in the northern forest infrastructure regions, the implementation of necessary measures regarding the acceleration of greening indicators is highly recommended.*

This sentence is syntactically complex and multi-component, relying almost entirely on nouns rather than dynamic verbs. Such structures fail to generate immediate pragmatic responses in the public consciousness. Media linguistics dictates a syntactic transformation:

Transformed text (recommendation): *We are introducing modern seedling technologies in our northern forests. This will accelerate our greening programs. We invite everyone to join the initiative.*

The second version breaks the long sentence into short, active, and dynamic sentences, instantly capturing the user's attention on a mobile screen.

3. Deficit of digital storytelling and communicative disconnect. In modern global environmental journalism, dry statistics are replaced by digital

storytelling – highlighting issues through human experiences and the daily hard work of industry employees. In the Forestry Agency's eco-mediadiscourse, this genre is almost entirely absent, accounting for a mere 2 %.

Stories about ordinary foresters, rangers protecting wildlife, and young scientists working in remote desert tree nurseries are rare. Instead, formal coverage of official meetings and signed memoranda dominates. This builds a pragmatic perception that the Agency communicates as a reporting mechanism for higher authorities rather than for the general public. Furthermore, interactive two-way communication remains weak, leaving numerous public inquiries regarding tree-planting seasons, seedling distribution, and local green rules unanswered, which results in a communicative breakdown.

Conclusion and scientific-practical proposals. Systemic analysis of the digital eco-mediadiscourse of the Forestry Agency yields several conclusions:

1. The Agency's digital PR channels are developed one-sidedly, favoring official reports and scientific bulletins over modern internet genres and interactive media formats.

2. The prevalence of chancellery language and dense industry jargon restricts the accessibility and speed of public information, decreasing its pragmatic impact.

3. The communication model is primarily monologic, lacking robust mechanisms to address real-time audience feedback and inquiries.

To eliminate these deficiencies and enhance digital PR efficiency, the following proposals are put forward for Congress-2026:

Avoid long nominal syntactic structures on platforms like Telegram and Instagram. Shorten sentences, use active verbs, and launch visual "Eco-glossaries" explaining complex terms simply.

Replace dry text reports with dynamic infographics generated via modern digital tools, short video content (Reels/Shorts), and environmental case studies. Increase human-interest content via "Diary of a Forester" storytelling series.

Hire dedicated social media moderators to handle public inquiries. Integrate AI-powered "Eco-Assistant" chat-bots that respond to regional inquiries automatically using accessible, friendly language.

Formulate methodologies to handle environmental rumors, localized greenwashing claims, or ecological anxieties through scientifically grounded, rapid fact-checking materials.

References

1. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated November 17, 2020 No. PP-4896 "On measures to further improve the activities of the Hydrometeorological Service of the Republic of Uzbekistan" // National Database of Legislation.

2. Karimov S. Problems of Uzbek Press Language and Stylistics.– Tashkent: Mumtoz Soz, 2021.– 118 p.

3. Muminov F. Fundamentals of Public Relations (PR).– Tashkent: O'zbekiston, 2018.– 95 p.

4. Mahmudov N. Problems of Pragmatic Interpretation of Language // Uzbek Language and Literature.– Tashkent, 2022.– No. 3.– 17 p.

5. Fairclough N. Language and Power.– London: Routledge, 2015.– 272 p.

6. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide.– New York: Routledge, 2011.– 152 p.

7. Van Dijk T. A. Discourse and Power.– London: Palgrave Macmillan, 2008.– 215 p.

8. Official website and social media materials of the Forestry Agency (2025–2026).

Научное издание

Высшая школа: научные исследования

Материалы Межвузовского международного конгресса
(г. Москва, 11 июня 2026 г.)

Том 2

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 11.06.2026 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ.л. 8,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

